Тюремная Беларусь: Лучшие узники Беларуси

Андрей Климов

С сайта charter97.org

Андрэя Клімава прысудзілі да двух гадоў калоніі на фактычна закрытым працэсе

07.09.2007

Аднаго з лідэраў беларускай апазіцыі Андрэя Клімава прысудзілі на фактычна закрытым працэсе ў Цэнтральным судзе Менска да двух гадоў пазбаўлення свабоды. Пра гэта прэс-цэнтру Хартыі'97 паведаміў журналіст Алег Грузділовіч, які даведаўся пра прысуд палітыку. інфармацыю пра суд над Клімавым журналісту пацвердзілі ў Пракуратуры Менска і Цэнтральным судзе сталіцы. Працэс над палітыкам пачаўся 30 ліпеня і скончыўся ўжо праз два дні, 1 жніўня. Прысуд вынесла суддзя Алена Ілліна.

Невядома, ці прызнаў Андрэй Клімаў сваю віну. Невядома таксама, які рэжым у калоніі, у якой будзе адбываць пакаранне палітык. Вядома толькі, што ў якасці грамадскага абаронцы на працэсе павінна была прысутнічаць жонка Клімава - Таццяна Леановіч-Клімава.

Па непацверджаным звесткам, прысуд палітыку абскарджаны ў Менскім гарадскім судзе.

Апазіцыйны лідэр, дэпутат Вярхоўнага Савета 13 склікання Андрэй Клімаў быў арыштаваны 3 красавіка 2007 года за апублікаваныя ў інтэрнэце публіцыстычныя артыкулы. Супраць палітыка ўзбуджаная крымінальная справа па артыкуле 361 ч.3 КК РБ "Заклікі да звяржэння або змянення канстытуцыйнага ладу, ажыццёўленыя з дапамогай СМІ". Андрэй Клімаў утрымліваецца ў СІЗА №1 г. Менска. У ізалятары ў палітыка здарыўся сардэчны прыступ.

Раней Клімаў, актыўны апанент Аляксандра Лукашэнкі, правёў 4 гады ў турме па абвінавачваннях у эканамічных злачынствах, а таксама быў прысуджаны да 15 месяцаў абмежавання свабоды ("хіміі") за арганізацыю вулічных акцый пратэсту на Дзень Волі ў 2005-м годзе. "Міжнародная Амністыя" прызнала Андрэя Клімава Вязнем сумлення.

С сайта tut.by

Арестован Андрей Климов

03.04.2007

Прокуратура Минска обвинила депутата Верховного Совета 13 созыва, бывшего предпринимателя Андрея Климова в призывах к свержению существующего строя. Она избрала меру пресечения для политика - арест. Андрея Климова препроводили в следственный изолятор на улице Володарского, где он будет находиться до суда.

Сначала прокуратура возбудила уголовное дело против Андрея Климова за клевету на Александра Лукашенко. Основанием для уголовного дела стала публикация Андрея Климова, размещенная на интернет-сайте Объединенной гражданской партии под заголовком 'Revolution forever или Как правильно свежевать цыганского кабана в год свиньи'. В статье Андрей Климов пишет о причастности Александра Лукашенко к похищению и убийствам лидеров белорусской оппозиции.

Андрея Климова не первый раз обвиняют в клевете руководителя Беларуси. В 2005 году уголовное дело за клевету на президента рассматривали в Первомайском районном суде Минска за закрытыми дверями, но суд вернул дело на доработку. А потом Андрея Климова суд Центрального района Минска приговорил к ограничению свободы за организацию уличной акции 25 марта 2005 года. В декабре 2006 года он вышел на свободу.

Ранее Андрей Климов провел в тюрьме 4 года по обвинению в экономических преступлениях, но сам политик считает, что он был осужден за активное участие в кампании импичмента президенту Лукашенко. Климов был признан Узником совести.

С сайта www.news.by

2005-09-23

Андрей Климов прибыл в Крупки отбывать наказание

Вечером 22 сентября депутат Верховного совета 13 созыва, политик и предприниматель Андрей Климов прибыл в поселок Крупки, где будет отбывать определенное судом наказание.

Напомним, что 10 июня судья Центрального суда Минска Светлана Гончар признала Климова виновным в организации 25 марта в Минске массовых беспорядков и активном участии в них (статья 342 Уголовного кодекса - организация групповых действий, нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них). Политику определено наказание в виде ограничения свободы на один год шесть месяцев. Однако с учетом того, что с 22 апреля Климов находился в следственном изоляторе, где один день заключения засчитывается за два, фактический срок ограничения свободы составит один год три месяца.

Как сообщил БелаПАН А.Климов, отбывать наказание он будет в исправительном учреждении открытого типа № 39 (Крупский район, Крупки-2). Место работы осужденного пока не определено. Сам Климов хотел бы работать пожарным (он окончил Львовское пожарно-техническое училище МВД СССР), однако сомневается в том, что это возможно. По словам политика, его предупредили о том, что он должен иметь при себе дипломы об образовании, поскольку это может повлиять на выбор места работы. Жить Климов будет в интернате при спецкомендатуре.

С сайта www.bloter.ru

Белорусская "революция" Андрея Климова

29.03.2005

События в Грузии, на Украине, а теперь и в Киргизии заставляют все чаще задумываться о том, какое из государств СНГ будет следующим. Судя по всему, лидером этого <хит-парада> стала Белоруссия. Методы власти этой российской соседки уже давно вызывают нарекания со стороны Запада. А теперь складывается впечатление, что 'час расплаты' для Лукашенко пробил. Информация об уличных столкновениях в Минске 25 марта подтолкнула СМИ к проведению параллелей с киргизскими событиями.

Судя по сообщениям представителей белорусских властей и таких агентств, как РИА 'Новости', в столице Белоруссии имела место очередная несанкционированная акция протеста против режима Лукашенко. Если же верить ее организатору - оппозиционеру, а по совместительству предпринимателю и литератору Андрею Климову, то это была самая настоящая революция, подготовка к которой проходила долго и тщательно на протяжении последних трех месяцев.

А началось все в середине декабря прошлого года на мирном, казалось бы, фуршете в один из минских клубов. Там движение Андрея Климова ошарашило приглашенных оппозиционных лидеров сообщением о том, что ровно в три часа дня 25 марта 2005 года в Белоруссии случится революция. Сценарий предлагался следующий. Десятки тысяч человек выходят на Октябрьскую площадь Минска, расположенную рядом с президентской резиденцией. Одновременно по всей стране прекращают работу госпредприятия, транспорт, учреждения, фирмы, вузы. Климов выдвигает ошеломленному "батьке" ультиматум с требованием его добровольной отставки, вслед за чем воспоследуют новые парламентские и президентские выборы на подлинно демократической основе. У вождя белорусской революции имелся план и на случай провала. Он был до оригинальности смешным - революция просто переносилась на тот же день следующего года.

Мнения видных белорусских оппозиционеров разделились. Одни просто обозвали затею Климова сумасшествием, другие призвали не устраивать свару в священный для каждого сознательного белоруса праздник - День Воли. 25 марта 1918 года была провозглашена Белорусская Народная Республика, которая, не просуществовав и года, пала под ударами большевиков. Именно этот день считается датой зарождения белорусской государственности.

Собравшиеся, тем не менее, к назначенному сроку в центре Минска люди под национальными бело-красно-белыми стягами были разогнаны подготовившейся заблаговременно милицией. Всего на площади собралось, по разным данным, от тысячи до двух тысяч человек, хотя власти, традиционно занизив оценки, сообщили о 300-400 митингующих. Лидеры известных оппозиционных партий на митинге замечены не были. Сам Андрей Климов несколько раз выступал с речами, однако не выдвигал никаких конкретных лозунгов. В толпе, однако, виднелись плакаты "Лукашенко в отставку!" и "Беларусь в Европу!", а также маленькие флажки Евросоюза.

Между тем, мысль о том, что пятничные события в Минске в лучшем случае являются самопиаром (в худшем - спланированной провокацией), не так уж далека от истины. Еще 14 февраля в минский горисполком была подана заявка о проведении 25 марта на Октябрьской площади акции под названием "Революция" (sic!). В разрешении, естественно, было отказано под предлогом сложностей с обеспечением безопасности во время массового скопления людей.

Между прочим, Александр Лукашенко, в отличие от оппозиции, ко всяким революциям всегда готов. Он уже отметил, что последние события в соседних государствах показывают, как важна для стабильности в стране сильная и авторитетная власть. Президент в связи с этим приказал подчиненным работать на упреждение революционных событий.

С сайта www.belproject.com

Андрея Климова - в президенты?

02/03/2004

В Минске объявлено о создании движения в поддержку бывшего депутата Верховного Совета Беларуси 13-го созыва Андрея Климова.

Как сообщил на собственной презентации Андрей Климов, движение должно помочь ему стать в 2006 году главой государства. Эта цель, по словам политика, "выходит за рамки его личных амбиций". "Мы должны добиться улучшения жизненного уровня белорусов и изменить положение Беларуси на международной арене", - сказал экс-депутат.

А.Климов сообщил, что по поводу поддержки своей кандидатуры уже вступил "в косвенные переговоры с Москвой". "Я не получил отказа, хотя и согласия тоже. Но знаю, что там всерьез рассматривают мою кандидатуру", - заявил он БелаПАН.

По словам А.Климова, он является "пророссийским политиком" и считает, что Беларусь и Россия "должны вместе двигаться к вступлению в Европейский союз". В 2000 году известный предприниматель и депутат Андрей Климов был осужден к 6 годам лишения свободы за хищение в особо крупных размерах и должностной подлог. В 2002 году он был условно-досрочно освобожден.

Как утверждает А.Климов, судимость не помешает ему баллотироваться в 2006 году на пост президента. Кроме того, экс-депутат опроверг слухи о том, будто он родился за пределами Беларуси, что могло бы стать причиной отказа в регистрации его в качестве кандидата в президенты. "Ни место моего рождения, ни обстоятельства, связанные с моим отношением к закону, не могут препятствовать моему выдвижению кандидатом в президенты в 2006 году", - сказал А.Климов.

Он отметил, что уже сейчас в каждом из регионов Беларуси у него есть сторонники из числа местных активистов, бизнес-элиты и даже президентской "вертикали". Однако по-настоящему президентская кампания будет развернута только в 2006 году. Чтобы победить через два года, работу надо начинать уже сейчас, убежден А.Климов.

С сайта bdg.press.net.by

Страна Андрея Климова

Исаак ЗМИТРОВИЧ

10.03.2004

Новоявленный претендент на президентское кресло Андрей Климов презентовал вместе со своими сторонниками "Движение Андрея Климова". Надо заметить, что в своих действиях политик весьма последователен. У него уже были "Строительное предприятие Андрея

Климова", "Газета Андрея Климова", "Банк Андрея Климова", теперь движение. Далее - страна?

Новое движение представили пять человек - сам Климов, тележурналист Леонид Миндлин, вышедший из "Зубра" его недавний координатор Тимофей Дранчук, журналист и соавтор двух книг Климова Евгений Огурцов и предприниматель Леонид Малахов. Журналистам было сразу предложено не проводить никаких аналогий между этой "пятеркой" и уже некоторое время существующей. А в качестве "плюса" был предложен фуршет с яствами заморскими да питьем экзотическим.

Климов "убедил" уже тем, что к нему на презентацию пришли те, кого там никак не ждали, то есть люди, которые на выборах, возможно, станут его соперниками - Николай Статкевич, Михаил Чигирь, Михаил Маринич, Петр Кравченко, Леонид Синицын. Помимо этих персон в столичном кафе "Латте" присутствовали по меньшей мере 30 представителей политического оппозиционного бомонда страны, причем в основном непартийного. Климов не обошелся без громких заявлений, без тени сомнения сказав о том, что он - пророссийский кандидат и что в Евросоюз Беларусь должна идти вместе с Россией, но не в качестве единого государства, а в качестве союзников. "В этой стране в ближайшие годы на выборах не победит ни один прозападный кандидат", - сказал Климов в разговоре с корреспондентом "БДГ". Он также подчеркнул, что его цель выходит за рамки личных амбиций и заключается в улучшении жизни белорусов и изменении международного имиджа страны. А Леонид Миндлин заявил: "Презентуя наш очень маленький политический проект, я напомню, что всякая гипотеза может осуществиться, только если она немного безумна".

P.S. Вскоре после презентации нового политического проекта стало известно, что Евгению Огурцову предложили по собственному желанию уволиться из Национального академического драматического театра им. Горького.

С сайта www.hrights.ru

Дело Андрея Климова

ЛУЧШИЙ ВРАГ ПРЕЗИДЕНТА
(Под таким заголовком "Общая газета" N 16 (246), 1998 г. опубликовала статью Вадима Речкалова, отрывки из которой приведены нами.)

....Начиная с 94-го года имя Андрея Климова просто преследовало обывателя. Двадцатидевятилетнему предпринимателю принадлежит авторство амбициозного проекта первого национального автомобиля. Он позирует, эпатирует, раздает призы и интервью. Среди белорусских предпринимателей встречались и спонсоры, и реформаторы, но никто так не носился со своим именем - "Малое предприятие Андрея Климова", "Частный строительный банк Андрея Климова", АО "Андрей Климов и Ко", и даже "Газета Андрея Климова"...

В парламент выпускник Львовского пожарно-технического училища, заочник-второкурсиик юридического факультета Климов баллотировался как представитель среднего класса... Избрание Климова никто не воспринял как рождение нового политика. Это больше походило на расширение рекламной кампании...

Даже сейчас, после ареста, его называют "предпринимателем и политиком", хотя было бы правильнее "политиком и предпринимателем", а еще точнее - просто политиком. Потому что предприниматели так себя не ведут. Они не задирают власть имущих, не говорят им правду в

лицо: не подписывают явно провальных импичментов, и уж, конечно, если все-таки это сотворили, не торчат в стране вместе со всем имуществом в ожидании ареста и конфискации.

Климов-политик начал тяготиться Климовым-предпринимателем еще летом прошлого года. Он написал и издал на свои средства книжку, но тираж пришлось держать на складе - сначала нужно было разделаться с крупным госзаказом.

Получив деньги за выполнение строительного подряда, Климов снял эмбарго с книжки "Площадь Независимости, 96". Она - страстная, сумбурная и наивная... Книга написана вызывающе. И главный объект вызова - Александр Лукашенко обозначен уже в эпиграфе, известном отрывке из "Идиота" Достоевского...

Карьеры свои они начали одновременно, но по-разному. Лукашенко, председатель парламентской антикоррупционной комиссии, с "дворцами" воевал. Климов, директор строительного предприятия, "дворцы" строил. Лукашенко говорил о союзе с Россией. Климов ратовал за капиталистический образ мышления...

Лукашенко заметил Климова еще в ту пору. И невзлюбил. Особенно после истории, случившейся в Минске на теннисных кортах. Александр Григорьевич, уже президент, приехал поразмяться и весьма стеснил, как и положено главе государства, всех посетителей. Знающий себе цену Андрей возмутился. "Разве Климов еще не сидит?" - демонстративно поинтересовался Лукашенко у своего окружения...

Серьезные неприятности начались у Андрея сразу после того, как он поставил свою подпись под импичментом Лукашенко и резко, не стесняясь в оценках, выступил с парламентской трибуны. Последовал обыск под видом налоговой проверки. Потом арест сотрудника фирмы по уголовному делу, не имеющему отношения к бизнесу Климова. И снова обыск и целая череда проверок уже якобы по делу этого сотрудника.

Климов продолжал работать в парламентской комиссии распущенного, но упорно собирающегося на свои заседания Верховного совета. Государство тем временем мешало бизнесу строптивого депутата, сорвав его участие в тендере на строительство объектов для американской фирмы. Над Андреем висела постоянная угроза ареста, его вызывали на допросы. Но... арестовывали не в кабинете следователя, а на улице.

Предъявленные обвинения в нарушении порядка предпринимательской деятельности и хищениях насколько серьезны, настолько и абсурдны. Чего стоит, например, обвинение в нелицензированной деятельности. Разве мог Мингорисполком, два месяца приглядывавшийся к будущему подрядчику, проморгать отсутствие лицензии! Скорее всего, у фирмы Климова нет разрешения на какой-то отдельный вид строительных работ, но это наказывается административным штрафом. Что касается хищения бюджетных средств (более двух миллиардов белорусских рублей), то, думается, даже страдающий тяжелой формой клептомании не решился бы на преступление, находясь в таком уязвимом положении, как Климов...

По крайней мере, стало ясно, что под маской матерого расчетливого дельца скрывался наивный политик, неопытный и беззащитный, как молодая косуля. Идеализм, всегда свойственный Андрею Климову, наиболее ярко выразился не в его вере в национальный автомобиль, реальность импичмента президента Лукашенко или мгновенной капитализации советской республики, а в том, что он аппелировал к не существующему в природе прогрессивному избирателю, для которого возможность самовыражения важнее всего.

Увы, Климов ошибся. И чуть было не канул в Лету. Но тут-то и подоспел Лукашенко. Бросив Климова в тюрьму, он одним махом исправил все его ошибки, подарил молодому противнику

шанс еще потягаться с собой. Деловая карьера Андрея Климова закончена. Политическая началась на редкость удачно - с крепости.

С сайта charter97.org

Евгений Огурцов

Тот самый Климов

Беседа-эссе

От автора

Все сущее - это сгустки энергии той или иной формы и мощности, на которые воздействуют космические или, если хотите, божественные вибрации. Чем выше по своему развитию сущность, тем более тонкие вибрации она воспринимает и транслирует вовне.
Каждый человек - по сути своей, целый мир, загадочный и непостижимый. Взаимодействие людей - это взаимодействие разных миров, которые составляют галактику под названием 'Человечество'. Катастрофа только одной человеческой личности может вызвать галактический катаклизм, который, пусть чуть-чуть, на одну тысячную градуса, но повернет мировую историю в сторону, обратную гармонии.
Человек как сущность космического уровня способен влиять на исторический процесс целого государства. Ничего в нашей жизни 'просто так> не происходит. За каждым событием и явлением стоит предопределенность судьбы и человеческой воли. Их взаимодействие рождает ситуацию, воспринимаемую нами как реалия сегодняшнего дня, к которой приходится приспосабливаться или противодействовать.
Выбор у человека всегда есть, и от каждого из нас зависит, в конечном счете, в какую сторону пойдет развитие целого народа. Нет ни одного человека, который бы не влиял на судьбу своей страны и в целом на судьбу всей планеты. Большинство людей не осознают этой великой миссии, считая, что от них ничего не зависит ни в государстве, ни даже в их собственной жизни.
Мы бредем по пустыне, которую сами назвали 'жизнью'. Ее миражи, идущие из нашего сознания, мы принимаем за моря и горы, дворцы и хижины, леса и реки. Мы пьем из источников, которых нет, едим пищу, вкус которой рождает наше воображение. Мы стремимся к истинам, которые кристаллизируются в нашем мозгу. Мы ищем Бога, чтобы спросить Его о себе и о мире, который нам дан как земля обетованная. Мы молим Его об этом, и каждый получает то, о чем мечтает, но не истину, а лишь путь к ней.
И снова мы бредем по пустыне, и снова бросаемся к оазисам, встречающимся на пути повседневности, и снова наслаждаемся миражами, принимая песок привычных мыслей за конечную цель.
Мы жадной толпой идем к Богу, преклоняем перед Ним колени и жаждем чуда, не отмыв душу, которая единственная способна Его узреть и понять, что за путь Он нам предначертал, назвав его судьбой.
К чему эта судьба ведет нас - не ведомо людям, но известно Ему. Что скрывает от нас Бог? Может быть, там и есть Великая Святыня, которую жаждет Человечество? Может быть, там и есть источник, питающий Древо Познания, плоды которого смертельны для Человека?
И вот, добредя до края пустыни, мы вопием, но глас наш не доходит до Бога, которому неведомы страдания нашей обросшей коростой грехов души. Тогда мы обращаемся к такому же, как мы, путнику, с которым еще недавно дрались в мнимом оазисе за лучшее место в тени воображаемого дерева. Зачем? <Зачем ты обнажил против меня меч?' - спросите вы его. И тот ответит, что это был вовсе не меч, а оливковая ветвь с сочными плодами, которую он

протягивал вам, а в ответ вы бросили в него камень... 'Это был хлеб', - скажете вы.
Может быть, это и есть истина, та святыня, которая хранится внутри нас? Может быть, всей своей жизнью мы приближаемся к этой великой тайне. Возлюби ближнего своего?! Вот сейчас преклоним колени и напьемся из этого источника или... опять мираж?
Между мыслью и человеком стоит слово. Оно может исказить, уменьшить, убить самую яркую мысль, а может увеличить, сделать объемней. Тщимся...

Евгений ОГУРЦОВ

Климов:

В нашем мире есть охотники и есть жертвы. Причем последние могут стать трофеем и занять почетное место в зале чьей-то охотничьей славы. Людям свойственно быть жертвами, многим это даже нравится. Нравится ли мне? В тюрьме я был вынужден быть жертвой, и лишь иногда во мне просыпался охотник. Да, в овечьей шкуре зэка, но с зубами и когтями волка. Понял, что могу убить человека. Не ножом, а концентрацией воли, замешанной на злости, мести за несправедливость ко мне, моей семье и моей стране.
Ненависть - смертельное оружие. Я боюсь его. Мое зло трансформируется в сознании как собственное грехопадение, как насилие над своей душой. Ощущаю физически, что могу вершить суд над людьми. Делаю подчас глупые, нелогичные поступки, но все мои задумки и желания исполняются.
Мистика? Нет, просто мне помогает Бог! С Ним все возможно. Не верю, что через страдания человек очищается. Скорее, наоборот: он становится хуже, злее, проявляя черты больше зверя, чем разумной сущности. Я не перестал любить людей, просто четче их вижу и понимаю, без 'соплей в сиропе' и розовых очков.
Я добился того, о чем мечтал. Раньше, до тюрьмы, у меня был авторитет человека с деньгами, сильного и удачливого. Только вот, как и все, я не был архитектором даже своей жизни, а все, что хотел, просил у власти и делал это громче и настойчивее других. И мне давали. Сегодня у меня нет своего бизнеса и я не депутат Верховного Совета, но почти физически чувствую, что стал архитектором и своей жизни, и своей страны, что мое влияние уже другого свойства. Власти только кажется, что она самостоятельно управляет обществом. Так каменщик, кладущий кирпичи в стену возводимого дома, считает, что один его строит, забывая о том, что он только исполняет замыслы архитектора, это здание придумавшего и сконструировавшего.
И еще, я почувствовал незримую связь с человеком, которого в нашей стране больше других боятся и ненавидят. Она мной ощущается зримо и реально, вплоть до его мыслей и желаний.Может быть, это происходит потому, что, как и он, я никогда не видел своего отца и в этой жизни всего добился своим умом и волей. Вижу, что с ним будет дальше, вижу, что будет со страной, с нами всеми, со мной... это невыносимо. Знаю, что придется делать выбор и сегодняшние 'друзья' будут меня убивать за то, что не убил я...
Оппозиция не может осознать, что даже если она победит, на смену Лукашенко №1 непременно придет Лукашенко №2. Все останется по-прежнему. Слепым нужен поводырь, но еще не созрела интеллектуальная элита, которая сумеет адаптировать народ к демократии, чтобы он прозрел и увидел себя и свою страну в истинном свете. С начала 90-х годов в стране шел революционный процесс, который завершился референдумом 1996 года. Общество приняло новые правила игры. Кардинально ничего в ближайшие годы измениться не может, разве что экономическая составляющая.Белорусы предпочитают 'чалму' сильной личности демократической 'шляпе' (хотя по своему историческому менталитету мы ближе к носителям европейской культуры). Поэтому они будут избирать все новых и новых 'батек', связывая с ними свое благополучие.К тому же, в нашей стране, как пел Высоцкий, 'настоящих буйных мало, вот и нету вожаков', а значит, позиция Александра Григорьевича пока представляется незыблемой.Лидер, особенно оппозиционный, должен быть внутренне совершенно свободен и способен идти до конца. А вот ее-то, внутреннюю свободу, надо выстрадать, то есть быть готовым к тому, что клевета, боль, ад тюрьмы, воздействие на близких людей - весь арсенал власти будет неминуемо направлен против любого претендента на роль идеологического вождя народа.Есть ли у нас такие закаленные бойцы, если даже 15-суточная 'отсидка'

расценивается многими как подвиг? Ждем-с!

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Мальчишка был бледен и явно испуган. Он стоял перед компанией смеющихся ребят, безвольно опустив руки. 'Иди, Андрюха, вмажь ему,- скомандовал приблатненного вида подросток, по-видимому, вожак, - пусть знает, как по нашей улице ходить!>
Андрюха, невысокий, крепкий паренек, быстро, почти без замаха ударил мальчишку в лицо. Тот, закрывшись руками, не сопротивлялся.Следующий удар пришелся, видимо, в солнечное сплетение. Пацан согнулся пополам и медленно осел на землю, хватая ртом воздух... 'Добей!' - кричали дружки победителю. Однако тот, потирая костяшки пальцев, невозмутимо отошел от поверженного противника, проворчав: 'Да пошел он... слабак! Неинтересно!>
Потом, став взрослым и знаменитым, тот самый Андрюха, Андрей Климов, вкусив больших денег, власти, пройдя через унижения суда, тюрьму и предательство 'друзей', будет вспоминать этот эпизод и этого мальчика, ни за что им избитого.Будут бить и его, беззащитного перед судом власти, всесилием милицейских сержантов и администрацией 'зоны'.'Вмажь ему, чтобы знал, как по нашей улице ходить!' - кричали они. И били, но никто не сказал, что он слабак, что им неинтересно...
Ничего в нашей жизни не происходит просто так. Подобное притягивает подобное.Это не истина в последней инстанции. Автор вместе с героем книги разговаривают с вами, наши читатели, о том, кто мы, откуда, зачем живем на этой земле. Что за страна - Беларусь? Почему власть - всегда насилие и несправедливость? Как выжить в современном мире? Всегда ли деньги - благо, и как их заработать? Поразмышляем о настоящем и будущем страны и нас, ее граждан...
Это как в поезде, когда вы сидите в купе с незнакомыми попутчиками и ведете неспешную и несуетную беседу об очень разных вещах, вам интересных, а может быть, и полезных.По своей форме книга будет походить на пьесу, где два человека пропускают через себя события последнего десятилетия, участниками которых они были.
Название 'ТОТ САМЫЙ КЛИМОВ' возникло потому, что имя главного героя книги долгое время, с 1992 года, просто преследовало обывателя. Тогда молодому предпринимателю принадлежало авторство в амбициозном проекте первого национального автомобиля. Он позирует, эпатирует, раздает призы и интервью. Везде, где только можно, он использует свое имя: 'Малое предприятие Андрея Климова', 'Частный строительный банк Андрея Климова', АО 'Андрей Климов и Ко', 'Газета Андрея Климова'. Его избрание в Верховный Совет 13-го созыва многие восприняли как дальнейшую рекламную кампанию, а не рождение политика нового типа, что было на самом деле!
Даже после ареста Климова продолжали называть 'предпринимателем и политиком', хотя правильнее бы было признать его 'политиком и предпринимателем', а еще точнее - просто Политиком. Потому что предприниматели так себя не ведут. Они не задирают власть имущих, не говорят им правду в лицо, не подписывают явно провальных импичментов и, уж конечно, не торчат в стране вместе со всем имуществом в ожидании ареста и конфискации.
Скорее всего, уже к 1997 году Климов-политик стал тяготиться Климовым-бизнесменом. Наверное, поэтому еще перед арестом, судом и заключением Климов делает попытку осмыслить события 96-го года как государственный переворот в своей неизданной книге 'Площадь Независимости'. Главу из этого труда Андрея Климова автор счел возможным предложить вашему вниманию. Но сначала - маленькое предисловие.

Книга была уже сверстана, когда ее главный герой принес стопку пожелтевших от времени листков. 'Почитай на досуге, - сказал он мне, - может быть, что-то пригодится'. Пролистав с десяток страниц, я убедился, что имею дело с хронологией событий семилетней давности. Это был наивный, на первый взгляд, рассказ-анализ давно минувших дел. 'Как изменился

после тюрьмы Климов! - подумалось мне. - Каким стал зрелым политиком и философом, словно еще один университет закончил. Вот было бы здорово, если бы все, претендующие на власть, за решеткой сначала посидели, чтобы поумнеть'. Короче, я не стал читать весь материал до конца, оставив его на кухонном столе до утра, чтобы на следующий день вернуть Андрею как ненужный.
Примерно через час моя жена, кстати, лингвист и преподаватель вуза, готовившая на кухне ужин, приносит мне эту рукопись со словами: 'Какая прелесть, словно сама в 96-м побывала и своими глазами изнутри тот самый опальный парламент увидела. Живая история!' Упрекнув свою Ольгу Яковлевну в отсутствии литературного вкуса, я все-таки взял в руки климовский опус. Она, оказывается, стала читать именно с той страницы, на которой остановился я. Вчитался - и уже не смог от нее отказаться, решив, что эта глава войдет в книгу полностью, со всем своим несовершенством и наивностью.И еще, за всей случайностью этого кухонного события мне увиделась закономерность, которую правильней назвать Знаком.

ПАРЛАМЕНТ С НЕСЧАСТЛИВЫМ ЧИСЛОМ

Когда начал погибать Верховный Совет Республики Беларусь 13-го созыва?
Когда в корабле наших самых светлых надежд появился крен, который с каждым днем превращался в катастрофу для государства? Произошло это тогда, когда депутаты выбрали неверный курс. Пускай они ошиблись лишь на полградуса, но этого было достаточно, чтобы граждане Беларуси в один прекрасный день проснулись не в своей стране.
Первая ошибка Верховного Совета 13-го созыва заключается в том, что депутаты были бесконечно уверены, что они, как и их коллеги по 12-му созыву, могут безраздельно править Беларусью. Какая наивность! Достаточно было ознакомиться с сотой статьей Конституции 1994 года, чтобы ясно представить себе, что в лице президента Верховный Совет имеет серьезного конкурента. А если еще поближе познакомиться с его личностью, то можно было понять, что этот человек претендует на абсолютную власть. Безусловно, можно декларировать что угодно, говорить, что ты умный, дальновидный, добрый и бедный, но дальше слов не пойти. На это и купились депутаты. Александр Лукашенко не только провозглашал свою исключительность, он ее яростно отстаивал.
Каждый по-разному доказывает свое превосходство. Одни пытаются доказать это делами, выполняя свои обещания. Другие делают глупости, которые никому никакой пользы не приносят. Третьи затыкают рот всем, кто сомневается в их исключительности. В этом случае постулат о гениальности и непогрешимости правителя ставить под сомнение считается преступлением.При такой ситуации даже умный сойдет с ума. Александр Григорьевич использовал и первый, и второй, и третий сценарии. Но наиболее удачным оказался его собственный план. Он состоял из двух пунктов.
Первый пункт заключался в непрестанном воздействии на наше чувство страха, заложенное в генах еще со сталинских времен. Даже пять лет демократии не смогли справиться с этим атавизмом, они лишь загнали болезнь вглубь, оставив на поверхности иллюзию раскаяния.Как легко нам было в начале 90-х представлять себя великими укротителями своих низменных инстинктов! Восставшие рабы брезгливо скидывали со своих рук цепи, как будто смывали с себя экскременты. Но стоило им столкнуться с первыми трудностями жизни свободных людей, как они не выдержали.Вместо того, чтобы отстроить себе новое жилище, но под дождем, мы предпочли вернуться в свои старые, но сухие клетки. Когда нас мучила жажда, мы не стали чинить водопровод и напились из лужи. Но мы, как всегда, находили оправдание своим слабостям в жалости к самим себе. В конце концов, не всю же жизнь страдать! Когда-нибудь она подойдет к концу, и тебе ничего другого не останется, как сделать вывод, что ты вместо того, чтобы благоденствовать, как сытая корова на залитом солнцем лугу, непрестанно страдал, мучился угрызениями совести, за все и за всех переживал, сострадал и отдавал последнее, чтобы восстановить христианскую справедливость.'Нет, нет и еще раз нет!' - повторяешь ты себе, жалеешь себя, вспоминаешь обиды, нанесенные тебе другими, огорчаешься тому, что много чего не получил от жизни, и тому, что уже никогда этого не получишь.А много ли надо для счастья? Иметь непыльную работенку, зарабатывать

не меньше других, позволить себе в праздник собрать за своим столом родственников и друзей, дождаться, когда дети пойдут на свой хлеб, и провести остаток дней в тиши на дачном или приусадебном огороде. Разве это не идиллия? Разве не это рай земной? Вот таким образом ты очерчиваешь границы своего благосостояния и душевного покоя. Но любые границы надо отстаивать. Легко сдав первые рубежи, ты неминуемо столкнешься с проблемой: защищать ли вторые, затем третьи? А что последует за четвертым рубежом? Что ты превыше всего ценишь в жизни? Есть ли предел твоей капитуляции?Трудностей в жизни предостаточно, и в основном они исходят от окружающих нас людей. Если мы этого не сознаем, то только потому, что боимся своей первобытной агрессивности, с одной стороны, а с другой - боимся спровоцировать гнев себе подобных. Это не что иное, как комплекс советского человека. Простым людям он позволял сохранять порядок в очередях, для высшего руководства означал безропотное подчинение низших высшим.Итак, мы неплохо справляемся с конфликтами на бытовом уровне, держа соседа на расстоянии вытянутой руки, а на работе - показывая шефу фигу в кармане.Это ли наши последние рубежи, после которых мы перестанем считать себя людьми, это ли предел нашей трусости, после которого мы начинаем ценить свое человеческое достоинство? Что может стать последней каплей, переполнившей чашу терпения: перевернутый бутерброд или пожар в квартире, смерть близкого человека или предательство друга? У каждого свой критерий. Для одних референдум 24 ноября 1996 года стал этой каплей, а для большинства других сознание того, что они стали бесправными людьми, явилось благодатью, ибо избавило их от необходимости самостоятельно принимать решения. Мудр ли Александр Лукашенко, как Соломон, или коварен, как Нерон, но нашу с вами сущность он разгадал безошибочно.
'i>Второй пункт У вас никогда не возникала мысль, что, когда вы направляетесь в аэропорт с большим запасом времени до своего рейса, то водитель автобуса, регулировщик на перекрестке, рабочие дорожной службы - все совершенно беспристрастно, а иногда даже с сочувствием относятся к вашему намерению приехать в аэропорт вовремя? Но как только вы начинаете понимать, что опаздываете, то и ваш водитель, и регулировщик, и дорожные рабочие превращаются в злобные существа, поставившие перед собой только одну цель - любыми средствами задержать вас, сделать все возможное, чтобы ваш самолет улетел, а вы тоскливым взглядом провожали бы его в небе, при этом нервно комкая свой пропавший билет?
Как легко бывает обвинить в своих неудачах одного человека, пускай даже и президента, забыв при этом, что не он один исполняет свои указы, не говоря уже о том, что не он их придумывает.Все силы Верховного Совета были брошены на борьбу за власть, лишь немного времени уделялось экономике, да и то в виде посевной и уборки урожая. Президент реставрировал социализм советского образца, Верховный Совет - национализм, некий суррогат российского и немецкого капитализма без частной собственности на землю и средства производства.Что из этого получилось - видно из окна любой квартиры, что из этого не получилось - можно увидеть только в туристических поездках по Европе.Верховный Совет был против коренной ломки существующей в Беларуси экономической модели образца 1937 года. Как зашоренная лошадь, он гарцевал впереди всех к победе коммунистического труда.В результате рождается бюджет страны на 1996 год, который ставит на колени отечественную промышленность и копает могилу предпринимательству. Со скоростью гоночного автомобиля, лишившегося тормозов, депутаты стремятся заработать дешевый авторитет у избирателей, забыв при этом, что популизм уже давно стал привилегией только президента.Лучше его никто не знал когда, у кого и что нужно отнять, а кому - кинуть подачку, чтобы народ был доволен своим правителем, бедные поняли, кто о них заботится, а противники - с кем имеют дело.Впрочем, это нетрудно было сделать, имея под рукой бюджет страны, контролируя почти все печатные издания, радио и единственный телеканал в республике, а в судах - судей, назначенных собственной рукой, и всему виной стала сотая статья Конституции 1994 года. О чем думали депутаты Верховного Совета 12-го созыва, когда принимали ее?Кстати, этот вопрос очень интересный. Действительно, зачем они готовили почву если не для ликвидации собственного парламента, то, по крайней мере, для его лишь формального функционирования? Устали править страной? Не выдержали бремени

ответственности за свое государство? Соскучились по сильной руке? А может, уговорили? Чтобы ответить на все эти вопросы, необходимо сначала узнать, кто был автором злосчастной статьи, а может быть, и самой формы президентского правления.Замечательное это было время. Представительная власть в лице Советов народных депутатов, призванная быть опорой режима КПСС, в одночасье стала преемником ее неограниченных полномочий. Депутаты всех уровней - от сельсовета до Верховного Совета - упивались своей властью. Они распределяли бюджет, делили полномочия, назначали и снимали с должностей местное начальство. От таких возможностей может голова пойти кругом.

Вячеслав Францевич Кебич, в ту пору премьер-министр республики, которому порядком надоели депутаты Верховного Совета, решил сосредоточить в руках высшего руководителя исполнительной власти основные полномочия по управлению страной.Мол, вы там в парламенте дерите свои глотки до хрипоты, а я в это время спокойно, без суеты буду делом заниматься. Осуществить этот план было решено через внесение дополнений и изменений в Конституцию. Но на пути его осуществления было одно, на первый взгляд, непреодолимое препятствие - депутаты ни с кем свою власть делить не собирались. Надо отдать должное Вячеславу Францевичу: тогда он провел блестящую политическую интригу. Спустя два года этот же маневр успешно повторил Александр Лукашенко.Лидеры политических партий и объединений, отдельные депутаты парламента решили попробовать свои силы в новой, до сей поры неизвестной им игре.Соблазн был велик: стать первым президентом Республики Беларусь. Условия игры предоставляли право каждому гражданину баллотироваться на предстоящих президентских выборах.Большая плотность населения в республике, наличие миллионных городов позволяли известным личностям без труда набрать требуемый минимум - сто тысяч подписей за свою кандидатуру.Казалось бы, Вячеслав Францевич рискует потерять плоды многолетних трудов по укреплению бастионов, охраняющих его позиции. На фоне расползающихся по стране слухов о невиданной коррупции в органах исполнительной власти и подчиненном ему секторе государственных предприятий это выглядело еще более убедительно. Но только не для посвященных.Спонсоры новых республиканских соревнований заранее знали результат и подготовили безотказный механизм его претворения в жизнь.Приманку проглотили. Все приняли за чистую монету показное желание Кебича отдать свой лимузин правителя страны более умным, деятельным и молодым. А в это время был сделан заказ на новый, еще более мощный автомобиль, как две капли воды похожий на машину прежней власти.Допускал ли тогда Кебич хоть малейшую возможность срыва задуманного? Нет, наоборот, он был до отвращения спокоен и уверен в собственной непобедимости. Он никому ничего не обещал - он устал раздавать обещания; он ничего никому не объяснял - объяснять значит обманывать; политик, который говорит, что думает, не думает, что говорит.

Поведение Кебича слишком откровенно показывало его презрение к избирателям. Их мнение его не волновало, их настроение его не пугало. Механизм выборов, контролируемый его командой, не нуждался в смазке под названием народная любовь. Однако случилось невероятное. То, что было сильной стороной Кебича, стало его 'ахиллесовой пятой'.Он был обыкновенным депутатом Верховного Совета 12-го созыва - не ярым националистом, не глубоким интеллектуалом, не дремлющим пенсионером. Не блистал ораторским искусством, не был груб и несдержан. У него не было ученых степеней и ореола национального героя. Он был скромен и чистоплотен. Единственным его изъяном была нескрываемая жажда действовать, принимать активное участие во всем, что касалось политики, что происходит рядом с ним исторически значимого и, на его взгляд, великого. Этот недостаток легко прощали, а позднее уже считали достоинством.

Короче говоря, он был своим парнем для всех. Никого не подсиживал, звезд с неба не хватал, и, похоже, депутатский мандат стал его самым большим и последним достижением в жизни. Вот почему, когда встал вопрос о председателе комиссии по делам коррупции в органах государственной власти и управления, никто не был против его кандидатуры.Одни не сомневались в том, что он не наделает глупостей, другие - в том, что он отнесется к исполнению своих обязанностей с присущим ему упорством и педантичностью. У каждой группировки в Верховном Совете 12-го созыва были свои виды на комиссию по делам о

коррупции. Цель ее создания была отнюдь не в том, чтобы уличить государственных мужей в преступных связях с коммерческими структурами. Просто создавалась видимость борьбы с коррупцией, чтобы через некоторое время, когда страсти поутихнут, и вовсе снять эту тему с повестки дня. Но не тут-то было!..

Комиссия Лукашенко развила такую бурную деятельность, что даже самые крутые радикалы прикусили языки. Дело начало приобретать совсем иной оборот. В белорусском парламенте родился второй Робеспьер.

Лукашенко стали бояться, перед ним стали заискивать, в среде депутатов у него появилось немало сторонников. А когда его комиссии стали создавать препятствия в работе, а его людей - преследовать, в народе появились слухи о новом герое, который пожертвовал всем ради борьбы с коррупционерами, обворовавшими страну.В данной ситуации Лукашенко действовал весьма расчетливо. Он не спешил пускать кровь бывшим на подозрении чиновникам и не растрачивал заработанный политический капитал на то, чтобы занять высшие должности в Верховном Совете. Главные свои козыри он приберег на финальную часть игры - на президентские выборы. Единственной жертвой комиссии стал председатель Верховного Совета (в то время первое лицо в государстве) Станислав Шушкевич, да и то только потому, что этого жаждали многие депутаты.

Третья ошибка Верховного Совета 13-го созыва заключалась в том, что депутаты не знали, чего хотели. Одни говорили, что Верховный Совет должен быть гарантом Конституции, но при этом не поясняли, как будут осуществляться гарантии. Другие говорили, что Верховный Совет должен вытянуть республику из экономического кризиса, но при этом методы управления экономикой оставались такими же, как и при социализме. Третьи пришли в Верховный Совет, чтобы хорошо подготовиться к будущим президентским выборам, а при удачном стечении обстоятельств - занять место Лукашенко как можно раньше. Четвертые ничего не говорили, ничего не предлагали, а думали только о своей карьере государственного служащего.

В данном случае мало будет сравнить эту ситуацию с басней Крылова 'Лебедь, рак и щука', наверняка это был еще и 'Квартет'. Нельзя сказать, что первые, вторые и третьи - люди глупые и профессионально не подготовленные к той сфере деятельности, которую они себе избрали в Верховном Совете. Скорее, наоборот: они были уж слишком большие профессионалы, поэтому были уверены, что удача от них не отвернется. Но это то же самое, что рассчитывать на паруса в полный штиль.ак можно требовать соблюдения законов, если их исполнение поручается неподконтрольным парламенту органам государственного управления? Как можно отстаивать свою позицию, если ни радио, ни телевидение, ни печатные издания не доводят ее до граждан? Стенания депутатов с трибуны Овального зала были похожи на глас вопиющего в пустыне.

Трагедия Верховного Совета 13-го созыва была не только в том, что его не слышали, но и в том, что сами депутаты не слышали друг друга. Разве семидесяти лет было мало, чтобы понять, что в любом государстве каждый человек должен иметь стимул к труду и гарантию сохранения заработанного? Первое достигается правом иметь не ограниченные по высоте доходы, второе - защитой частной собственности. Но коммунистическое большинство парламента железной рукой прогрессивного налога душит предпринимательство. А 'красные помещики', боясь потерять свои вотчины, доставшиеся им еще с союзных времен, останавливают процесс разгосударствления и приватизации, запрещают частную собственность на сельскохозяйственные угодья, сохраняя свою монополию и решая свои финансовые проблемы только за счет повышения цен на продукты питания и промышленные товары. Ни дать, ни взять - государственно-монополистический социализм. Все как по Марксу.Венцом горя от ума в парламенте стало соревнование с президентом в упрямстве. Лукашенко увеличивает свою расходную часть бюджета, депутаты - свою. Президент ограничивает льготы своим работникам, депутаты отменяют свои (если, конечно, бесплатный проезд депутата в общественном транспорте для исполнения своих обязанностей в округе является льготой). Президент увольняет редактора газеты Верховного Совета, депутаты вместо того, чтобы вернуть на работу старого, назначают туда нового редактора. Президент издает неконституционные указы, депутаты утверждают новые кандидатуры председателя

Национального банка, министра внутренних дел, председателя КГБ, министра обороны и вице-премьеров, которые все без исключения клянутся в верности не Конституции, а президенту.Вся эта клоунада продлилась ровно полгода, после чего народ просто перестал всерьез воспринимать Верховный Совет и решил из двух зол выбрать меньшее, к тому же с более определенной, а значит, прогнозируемой позицией.
Четвертая ошибка депутатов Верховного Совета 13-го созыва заключается в том, что они безгранично доверяли своим избирателям. Разве можно начинать большое дело, имея ненадежный тыл? А ведь в 1995 году был наглядный пример того, как избиратели 'поддерживали' своих избранников, когда голодавших в Овальном зале депутатов дубинками выгнали из Дома Правительства. Тогда Лукашенко это сошло с рук. А в народе украдкой хихикали: мол, до чего додумались депутаты, с жиру бесятся, не могут дома поголодать.Осенью 1996 года, когда депутаты не спеша готовились к импичменту президента, а Конституционный суд метал молнии по поводу каждого его указа, Лукашенко взял да и убедил избирателей в том, что Верховный Совет вовсе не нужен белорусам, и вообще, парламентская форма правления только вносит смуту в умы людей. И что вы думаете! Поверили, прислушались и на референдуме 24 ноября, по существу, проголосовали за ликвидацию Верховного Совета. Но мало кто знает, что первым своим законом новоиспеченное Национальное собрание отменило ведущееся в Конституционном суде производство по делу о нарушениях президентом Лукашенко Конституции Республики Беларусь. Вот для чего нужен был референдум и для чего не нужен был Верховный Совет. Вот для чего годятся избиратели, проголосовавшие за новую Конституцию. Думая, что они помогают сохранить согласие в обществе, делают шаг навстречу счастливому будущему страны, они явились всего лишь инструментом дворцового переворота.
Пятая ошибка депутатов Верховного Совета 13-го созыва заключается в том, что они разрубили не гордиев узел, а сук, на котором сидели.Когда кризис власти в республике достиг своего апогея, депутаты не могли придумать ничего лучшего, как просто взять и избавиться от одной ветви власти, полагая, что на этом кризис закончится. Так родился проект новой Конституции, предложенный депутатами Верховного Совета, в котором отсутствовал институт президентской власти.Александр Лукашенко не заставил себя долго ждать, и вскоре на свет появился еще один проект Конституции, предложенный президентом, в котором также отсутствовал один институт власти. Нетрудно догадаться какой...Казалось бы, такой подход должен был завести решение вопроса в тупик и привести в конечном счете спор к ничьей. Однако вскоре стало ясно, что в этом соревновании победит не тот, кто твердо следует Конституции, а тот, кто ведет дискуссию с позиции силы.Если бы депутаты не изобретали велосипед, а твердо следовали выработанному принципу разделения властей, мы бы сейчас строили современную Чехию, а не современную Северную Корею.Так что же это за спасительный для демократии принцип разделения властей? Для чего он нужен? И не является ли это просто игрой в прятки, когда все ветви власти делают вид, что не замечают злоупотреблений со стороны друг друга?По Конституции 1994 года у нас было три института власти: законодательная в лице Верховного Совета, исполнительная в лице президента и судебная.Принцип разделения властей здесь имел такой смысл: законодательная власть издает законы и имеет исключительное право их толкования, исполнительная следит за исполнением законов и является основой государственного управления, судебная власть призвана, с одной стороны, восстанавливать справедливость, с другой - устанавливать меру ответственности за нарушение закона.Согласно принципу разделения властей, законодательная власть не вправе ни исполнять законы, ни быть мерилом ответственности за их нарушение; исполнительная власть не вправе издавать нормативные документы, имеющие силу закона, ни толковать его в своих интересах; судебная власть имеет только одну, но исключительную привилегию - взвешивать каждое правонарушение на весах правосудия. Подобное разграничение полномочий преследует только одну цель - не допустить сосредоточения всей власти в государстве в одних руках.В качестве примера того, как происходит концентрация власти у одного человека, можно рассмотреть ныне действующую Конституцию Республики Беларусь.Президент имеет право издавать декреты, имеющие силу закона. Палата Представителей Национального собрания лично сформирована президентом. Верхняя Палата

Национального собрания - Совет Республики - также формируется президентом. Половина судей Конституционного суда и его председатель назначаются президентом. Судьи хозяйственных и общих судов назначаются президентом. Генеральный прокурор назначается президентом.При несогласии Национального собрания с президентом он имеет право распустить обе палаты. Само собой разумеется, что президент назначает министра внутренних дел, председателя КГБ, министра обороны.В том, что появилась на свет божий 'Конституция Николая III', виноват не только Верховный Совет, но и все избиратели Беларуси. Будем считать, что мы еще отделались легким испугом: на месте Лукашенко не Сталин. Тогда могло быть гораздо хуже.

Шестая ошибка Верховного Совета 13-го созыва заключается в том, что он не смог отстоять своих депутатов. А если Верховный Совет не в силах защищать своих людей, то что говорить о его потугах добиться от исполнительной власти строгого соблюдения своих решений? Самым ярким примером, свидетельствующим о слабости высшего законодательного органа Беларуси, стал инцидент с отстранением президентом от исполнения своих обязанностей председателя Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов и проведению республиканских референдумов Виктора Иосифовича Гончара. В свое время он занимал пост вице-премьера в правительстве, сформированном Лукашенко сразу же после победы на президентских выборах. Затем их взгляды разошлись, и из друга Гончар превратился в ярого противника режима Лукашенко. Поэтому нет ничего удивительного в том, что президент предпринял все шаги, чтобы исключить противодействие со стороны своего старого приятеля в период подготовки такого ответственного мероприятия, как референдум 24 ноября.Это одна из самых серьезных ошибок, совершенных Александром Лукашенко за весь период своего правления, в любой момент может поставить под сомнение законность нахождения его у власти.Дело в том, что председателя Центральной избирательной комиссии по Конституции 1994 года назначает и снимает с должности только Верховный Совет, и никто другой. Мало того, Гончар был уволен с работы президентом лишь после того, как назначенная им временно исполнять обязанности председателя Центральной избирательной комиссии Л.М.Ермошина подписала окончательный протокол подведения итогов референдума 24 ноября 1996 года при здравствующем, законно назначенном на должность председателе. Выходит, был нарушен порядок вступления в законную силу итогов референдума.Формально решения референдума должны быть утверждены Верховным Советом. Естественно, что после отстранения президентом Гончара от исполнения своих должностных обязанностей Верховный Совет никогда бы не утвердил итоги референдума. Так почему же Лукашенко, зная, что этим поступком он может перечеркнуть все свои усилия по подготовке к референдуму, все-таки пошел на этот шаг?Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала узнать, почему Верховный Совет в самый сложный период своих отношений с президентом назначает на должность председателя Центральной избирательной комиссии именно Виктора Гончара.К моменту своего назначения на эту должность Виктор Гончар был Генеральным секретарем Хозяйственного суда СНГ. Он был грамотным юристом, имеющим ученую степень и немалый международный авторитет, и к тому же видным белорусским политиком.С первых дней подготовки к референдуму возникли юридические споры между Администрацией президента и юристами Верховного Совета.Первый спор разгорелся вокруг даты проведения референдума. По Конституции 1994 года назначение даты референдума - прерогатива Верховного Совета. Однако сначала президент придерживался другого мнения, затем, немного посопротивлявшись, сдался, зато отыгрался при решении другого юридического спора.

По закону разрешается в исключительных случаях голосовать досрочно. Что понимать под 'исключительным случаем'? Это определяла участковая комиссия. Для президента каждый потерянный день в преддверии 24 ноября был исключительным случаем.Исходя из этого исполнительная власть делала все возможное, чтобы всем желающим разрешили голосовать досрочно. Вот для чего Верховному Совету был необходим Виктор Гончар. От его глаз не ускользнуло ни одно нарушение при подготовке к голосованию на референдуме. А когда эти нарушения стали бесчисленными, он взял да и заявил, что не подпишет итоговый протокол Центральной избирательной комиссии по референдуму. За что и поплатился.На следующий

день переодетые в рядовых офицеры охраны президента просто не пустили его в помещение Центральной избирательной комиссии. Жалкие попытки Генерального прокурора Капитана и председателя Верховного Совета Семена Шарецкого уговорить охрану президента пустить Виктора Гончара на рабочее место ни к чему не привели.Казалось бы, Верховный Совет уже проиграл схватку с Лукашенко. Сам Генеральный прокурор с испугу отказался выполнить свой прямой долг: добиться от охраны президента подчинения закону, а виновных привлечь к ответственности. Однако у депутатов оставался еще один шанс победить, но они так и не смогли им воспользоваться из-за предательства своих лидеров.
Седьмая ошибка депутатов Верховного Совета 13-го созыва заключается в том, что они выбрали себе не тех вожаков.Вначале казалось, что все легко и просто. Депутаты собирают семьдесят подписей под заявлением о возбуждении дела по факту нарушения президентом Конституции. Это заявление передается в Конституционный суд, который уже вынес не одно положительное заключение по этому вопросу... Президенту вменяется совершение преступления. И он отстраняется от власти. Верховный Совет создает комиссию по расследованию преступлений, совершенных президентом. Материалы по этому делу уже собраны в Контрольной Палате. После этого ста голосами принимается постановление Верховного Совета, Александр Лукашенко заключается под стражу, и проводятся выборы нового президента...Оказалось, что легче всего собрать необходимые подписи, хотя Совет Безопасности не дремал и активно давил на слабые места взбунтовавшихся депутатов. Труднее всего было поверить в то, что председатель Конституционного суда Валерий Тихиня и председатель Верховного Совета Семен Шарецкий, которые дали гарантию семидесяти подписавшимся и всем остальным сочувствующим, что доведут дело до конца, :просто струсят!
В ночь с 21 на 22 ноября на закрытой встрече Александра Лукашенко, Семена Шарецкого и Валерия Тихини с премьером Российской Федерации Виктором Черномырдиным, председателем Госдумы Геннадием Селезневым и председателем Совета Федерации Егором Строевым, сепаратно от депутатов и от их имени, Шарецкий и Тихиня подписали 'акт капитуляции' Верховного Совета в виде соглашения, направленного на решение вопроса 'мирным' путем.Поутру Семен Шарецкий отошел от гипноза высоких московских гостей, но было уже поздно - рассмотрение дела в отношении Александра Лукашенко в Конституционном суде было перенесено на понедельник 25 ноября.В воскресенье 24 ноября Лукашенко победно завершает референдум. Утром в понедельник Конституционный суд переходит в его подчинение, а Верховный Совет перестает существовать.Не могу не спросить вас, уважаемые читатели, о впечатлении от прочитанного. Если учесть, что материал был написан семь лет назад, то многие откровения автора становятся чуть ли не провидческими.

ВСТРЕЧА

Когда весной 2002 года Андрей Климов вышел из тюрьмы, только ленивый журналист не взял у него интервью.

Ваш покорный слуга не составил исключения, однако оказался не столь проворен, как многие, и его публикация увидела свет месяца через два и уже по другому поводу.

Мной тогда владел грех уныния или, если проще, самая что ни на есть настоящая хандра. Президентские выборы 2001 года прошли по сценарию власти, договорившейся с оппозицией, а детские мечтания творческой интеллигенции, к коей я себя причисляю, так и остались мечтаниями. Люди, олицетворяющие власть и ей оппонирующие, оказались братьями-близнецами, отличающимися только фамилиями, возрастом и должностями.

Мы, журналисты, словно рыцари без страха и упрека ринулись в бой и... оказались посреди поля битвы, окруженные толпой людей неблагородных и эгоистичных, которым нет никакого дела ни до своего народа, ни до его страданий, ни даже до своих сторонников, рисковавших работой, собственным здоровьем, семьей...

Донкихоты рубились с ветряными мельницами власти, а санчопансы подсчитывали политические, валютные и иные капиталы.

Понимаете, в каком состоянии я отправился на встречу с еще одним неудачником, потерявшим большие деньги, власть и получившим взамен сахарный диабет, шесть лет лагеря усиленного режима, побои, оскорбления и, на сладкое, почетный и пожизненный титул политзаключенного и личного врага 'батьки'?

Так я думал, но все оказалось, во-первых, совсем по-другому, а во-вторых, намного глубже и фантастичнее. Вы меня поймете, когда прочтете это интервью, которое дается без редакторских правок и сокращений. Вот оно...

Я его не узнавал, это был совершенно другой Андрей Климов. Внешне вроде бы мало что в нем изменилось, разве что лишний вес сбросил. Только, разговаривая с ним, я вдруг увидел, почувствовал совершенно иного человека: жесткого, точного, наполненного энергией и знанием, на что ее стоит тратить. Уже потом, на съезде ОГП, он меня удивит еще раз.

Мы с известным режиссером Юрием Хащеватским сделали фильм, десятиминутную документально-публицистическую ленту, в которой были последние слова Карпенко, Захаренко, Гончара, людской гнев на митингах и шествиях, слезы сынишки Дмитрия Завадского, колючая проволока и камеры внутренней тюрьмы КГБ, знаменитой <Американки'...

Андрей Климов плакал, смотря эту картину, плакал, не стесняясь и не скрывая своих эмоций. У нас всех на слуху знаменитая поговорка 'от сумы да от тюрьмы не зарекайся'. Чем стал для моего собеседника мир за колючей проволокой, мир зэков и охранников, мир паханов и начальников?

- Андрей, мир 'зоны' и мир вне ее, они отличаются?

- Вчера я ехал в метро и поймал себя на мысли, что вижу вокруг себя беззащитных, наивных, глуповатых людей, которые, как дети, не понимают, в каком они живут мире, как много вокруг опасностей, а они их не видят. Видимо, это рецидив 'зоны', которая действительно являет собой особый мир со своей философией, своим порядком и ритмом. Здесь вырабатываются вкусы, привычки, привязанности... До сих пор не могу есть вашу пищу. Жена вталкивает в меня еду, а я ...вспоминаю тюремные обеды, и мне они кажутся, нет, не вкусней, конечно, домашних - привычней, что ли. Смена обстановки рождает проблемы психологического плана. В тюрьме мы ели, чтобы выжить, на воле от этого получают удовольствие.

- В 'зоне' не живут, в 'зоне' выживают. Я правильно тебя понял?

- 'Зона' неоднородна. Там сидят и порядочные люди, и самый что ни на есть низший криминальный слой, настоящие 'отморозки', которым избить старика за кружку пива, а потом убить собутыльника, если тот с ним в чем-то не согласен, - обычное дело. Такие люди нападают первыми и идут до конца не задумываясь. В 'зоне' с ними можно общаться только потому, что они там трезвые. Лучшего лекарства от алкоголизма, чем тюрьма, наверное, не существует.

- Андрей, 'зона' - это слепок всего нашего общества?

- Конечно! Те же люди, та же иерархическая структура, тот же культ силы, все это есть и у заключенных. Аналогия полнейшая, учитывая, как тут не крути, что живем мы с вами в авторитарном государстве, где все подчинено воле Хозяина страны. Начальника колонии тоже называют Хозяином. Он в 'зоне> абсолютно всесилен! Его люди, то есть администрация,

могут сделать с зэком все, что угодно: довести до сумасшествия, 'опустить', превратить в полную развалину, просто физически уничтожить. Это наше общество дает индульгенцию администрации, заранее оправдывая все ее действия. Для общественного мнения люди 'зоны' - очень плохие люди, если только среди них нет родственников и знакомых. С ними можно делать все, что угодно. Мы там, на 'зоне', есть зло по определению, которое можно искоренять любыми методами. И поверьте, с нами не церемонятся. Кстати, общество, давая неограниченную власть людям в погонах над зэками, подготовило и для себя ловушку.

Ну-ка, посмотрите косо на 'омоновца', покачайте права в милиции, поборитесь со следователем или прокурором за свою честь и достоинство! Сможете? Тогда пройдете мой путь, а значит, вас будут бить, унижать, постараются сломать, показывая свою власть над вами, полную власть.

- Если у них есть право казнить, значит, существует право миловать?

- Власть полная, неограниченная никем и ничем. Самое страшное - это <шизо', то есть штрафной изолятор. Если ты не понравился администрации, то просидишь там весь срок. Это тюрьма в тюрьме! Человека сажают на хлеб и воду, ограничивают еще большей несвободой. Ты не имеешь прогулок, не имеешь днем спального места, чтобы отдохнуть. Это тюремное дно. Попасть в 'шизо' проще простого: например, не поздоровался с человеком в погонах или назвал его товарищем, а не гражданином начальником - запросто загремишь в изолятор. В то же время, если ты начальству приглянулся, то будешь иметь все льготы и привилегии, вплоть до амнистии.

- Андрей, ты так говоришь, что можно подумать, будто власть в стране принадлежит силовым структурам, а не правительству и президенту?

- Так оно и есть! Это иллюзия, что в стране есть закон, его узурпировали те, кто призван стоять на его охране.

- Может быть, в тебе говорит обида?

- Скорее личный опыт. Существует спайка судов и милиции. Никогда судья не пойдет против милиционера в защиту простого гражданина, да и непростого тоже. Мое осуждение сослужило плохую службу моим коллегам по бизнесу. Милиционеры им говорили: 'Вот видишь, даже Климова посадили. А он был и депутатом, и богатым человеком. Не помогли ему ни деньги, ни депутатская неприкосновенность! Тебя и подавно, без проблем посадим'. Что остается делать таким людям? Правильно: платить! Платят практически все бизнесмены, а берут все, кому дают.

- Наверное, так оно и есть, но доказать подобную связь невозможно. У тебя лично есть факты, которые суд примет к рассмотрению?

- А судьи - кто? Те, кого судить надо! Конечно, не все милиционеры плохие, есть очень честные и добросовестные ребята, настоящие профессионалы и пахари, которые на самом деле борются с криминалом. На 'зоне' нравы жестокие. Если ты бизнесмен, значит, у тебя 'кешер' хороший, значит, тебя можно 'доить> и в тюрьме, забирая продукты из передач, и на воле, вымогая у родственников деньги. Это отработанный механизм. На себе испытал. Решил идти до конца, если придется, то и драться. Они это хорошо чувствуют. Те, кто верховодит в тюрьме, способны на все, вплоть до убийства и, когда надо, демонстрируют это. Есть категория зэков, которые себя вне 'зоны' не находят. Власть над подобными себе, пусть даже в тюрьме, - тоже сладкая власть. Там, как и на воле, тоже стремятся стать президентами, министрами, судьями, все, как везде. Один, сам по себе, человек в тюрьме не выживет. Надо прибиваться к какому-нибудь берегу. Меня, честно скажу, то ли побаивались, то ли еще что, но не решались всерьез доставать. Хотя есть на 'зоне' 'отморозки', которые совершали

немотивированные убийства, насиловали детей, душили старушек по деревням, забирая их крошечную пенсию. Эти нелюди и в тюрьме, и на воле одинаково опасны.

- Что в тюрьме самое страшное?

- Если вы думаете, что физические страдания, то ошибаетесь. Для нормального мужика привыкнуть к запретам и режиму не очень-то и трудно. Психологические страдания для меня были страшней. Помню, как избивали меня в СИЗО на Володарке. Могли убить, потому что озверели от запаха крови и власти... Потом измывались: <Ну что, будешь еще права качать? Понял, кто здесь хозяин? Это тебе наука!> Власть Лукашенко по сравнению с той, которой обладали в тот момент эти сержанты, просто ничтожна.

- Андрей, я все стараюсь увести тебя от философии к простым бытовым вопросам, а ты старательно от них уходишь. Почему?

- Да потому, что там, на 'зоне', мне жить нравилось!

- Я не ослышался: тюрьма понравилась?

- Да! Впервые в жизни я взял себя в руки, очертил себе жесткие рамки, заставил себя думать не так, как на свободе, и мне открылся совершенно иной мир.

- Открылся мир в тюрьме, за колючей проволокой, среди убийц и насильников, в условиях беспредела охранников?

- Да, я стал видеть по-другому людей, события, себя...

- Да ты ведь не о тюрьме, а о монастыре говоришь?

- Правильно, я его сам для себя создал! У меня был прямой канал общения с Богом! Там мы были вдвоем...

- Невероятно слышать это от Андрея Климова, который имел банки, заводы, дома, пароходы... Это я, почти как Маяковский, заговорил. А если серьезно, то у тебя были действительно большие деньги, огромные возможности иметь все, что только можно пожелать. Передо мной не двойник?

- Я там уверенней себя чувствовал, зная, кто мои враги, а кто друзья.

- Андрей, а ты не упрощаешь?

- Может быть, но так лучше, так можно жизнь понять. Я не был загружен телесными удовольствиями, ел, чтобы выжить, а не наоборот. Мозги очистились...

- Все-таки я тебя подловил. Ну и что за еда, от которой мозги очищаются?

- Перловка, каждый день перловка. Сразу скажу, что если бы не продуктовые передачи, то выжить практически нельзя, желудок испортишь обязательно. На 'зоне' живут маленькими сообществами. Объединяются несколько человек и делят передачи между собой. Съели одну, подходит другая. Мясом в каше стали лакомиться всей 'зоной', когда ко мне западные послы на свидания приходить начали. Когда первый раз тушенку в мисках обнаружили, то в колонии был шок!

- Если б зэки прознали, что в этом ты 'виноват', они бы тебя из тюрьмы не выпустили...

- Так и было! Впрочем, я тоже не хотел от своих друзей уходить. Там у меня приятель есть, его посадили за убийство. Рэкет на него наехал, стали деньги вымогать, видят, парень не из робких, пригрозили с женой и детьми разделаться. Тогда он пообещал заплатить, приехал и всех их перестрелял. Пятнадцать лет получил. Среди вымогателей сынок одного чина из правоохранительных органов оказался. Пусть это не христианский поступок, но очень мужской, и... я этого человека не осуждаю, даже горжусь им.

- Андрей, что сейчас по жизни делать будешь? Надо полагать, вновь бизнесом займешься, публичной политикой, изберешься в депутаты?

- Нет, по старому пути не пойду, да и бизнесом заниматься не буду. Пока существует нынешний режим, идти в депутаты - дело неблагодарное, ничего там избранник народа не сделает. Изменятся времена, тогда, может быть, и мои намерения изменятся. Пока же я направлен на исправительные работы и буду отчислять государству 20% от своего заработка по предъявленному иску. Кроме этого, буду заниматься правозащитной деятельностью, чтобы, не дай Бог, нормальным людям не попасть на 'зону'. Тем же, кто уже там, помогать стану, чтобы вырвались. Не могу смотреть на людей и представлять их там, в 'зоне>: они не понимают всей опасности, всех страданий, которые их ждут за колючей проволокой. Да, тюрьма закаляет и очищает, но это настоящий ад, который существует на этом свете. Надо оберегать свой народ, надо за него постоять. Меня в свое время люди не бросили, и я их не брошу, потому что столько в тюрьме приобрел...

- Стоп, Андрей! Что можно в тюрьме приобрести?

- Я стал самым богатым человеком на свете. Нисколько не шучу. Могу отправиться в Америку без денег и везде найду кров и приют. Равно как и всю Беларусь обойду, и меня не оставят без поддержки. У меня много друзей. Я стал богатым человеком, потому что понял ценность жизни, ценность любви, ценность семьи. Раньше я не видел таких ярких красок. Займись я сейчас бизнесом, то к успеху поехал бы в скоростном лифте, а не карабкался, как раньше, по ступенькам...

- Сознание раскрепостилось, не так ли?

- Просто увидел другого Андрея Климова, который намного больше прежнего. Помог Бог, там, в тюрьме. Наверное, это было небесное откровение, когда вдруг осознал, что силен только тогда, когда отчетливо понимаю, насколько я слаб. Есть древняя китайская пословица, смысл которой в том, что мудрецом человек становится только тогда, когда начинает называть вещи своими именами.

- Возлюбить ближнего своего можешь?

- Да, даже Лукашенко. Знаю, что он страдает, что много чего у него лежит на совести. Это огромная тяжесть, нечеловеческая... Не хочу, чтобы его, как Милошевича, свои же генералы предали и все злодеяния режима на него повесили. Так у нас беспредел никогда не кончится. Судить можно только по закону и только за то, что каждый совершил.

Несколько лет назад я неделю провел в Жировичском монастыре. Более всего меня поразили глаза монахов. Мудрые такие глаза, без суетности и лукавства. Мне показалось, что у Андрея во время интервью был именно такой взгляд...

Такой вот тогда, в апреле 2002 года, получился разговор. Уж не знаю, стал ли он знаковым для Андрея, но меня взбодрил точно.

Оказывается, есть люди, способные мыслить и совершать поступки не только во имя своего желудка и амбиций. Вот он, другой: злой, обостренно чувствующий малейшую

несправедливость, способный идти до конца, до смерти, без позы и кокетства. 'Слава Богу, - подумал я, - что есть на белом свете мне не известные сильные личности, способные хотя бы на разумный эгоизм, деля поровну свои и общественные интересы, принося в равной степени благо для себя и для других'. Либо он, что тоже возможно, просто сотрясает воздух, желая поэффектнее выглядеть. Хотя, на первый взгляд, нет, не похоже...

БЕЙ ПЕРВЫМ, ЖЕНЯ!

Черт бы побрал все начальство на свете! После того, первого интервью с Климовым, естественно, что совершенно 'случайно' я потерял работу и на Белорусском радио, где вел популярную передачу 'Кава на траіх', и в 'Гастрономе', где числился шеф-редактором.

Зато стал поденщиком-журналистом, строча по двадцать, а то и больше материалов в месяц, публикуя их и в государственной 'Советской Белоруссии', и в оппозиционной 'БДГ', не брезгуя малотиражными и низкогонорарными изданиями. Это приносило, по нашим меркам, неплохие деньги, но не позволяло поднять голову от компьютера и осмотреться.

Писал и пил водку, опохмелялся и снова садился за 'станок'. Со временем стал пить больше, а писать меньше. Жизнь не менялась, просто стал мало чего хотеть, а выпивка погружала меня в узкий мирок, где было спокойно и приятно, где не было глобальных вопросов и вселенской скорби, где существовал только я, любимый, бутылка и собеседник, меня 'уважающий'.

За этим милым занятием он меня и застал, тот самый Климов, удививший меня ровно год назад. Уж прости меня, Андрей, но ты появился в дверях эдаким ангелом с сияющим лицом. Легкий 'вермутовый' туман в голове не дал мне очень сильно удивиться, но позволил весьма изящно потрепаться, кажется, по поводу то ли премьеры в Русском театре, то ли моей статьи в 'Республике'.

Вот тогда-то у меня и появилась мысль продолжить то самое, так меня потрясшее, интервью с бывшим буржуем, депутатом и зэком Андреем Климовым.

Получится ли из этого книга? Не знаю, да это, впрочем, и неважно. Пока что моя цель - 'выпотрошить' его до конца, чтобы понять: лукавит парень или точно такой он и есть: 'настоящий буйный', из тех, кто способен стать вожаком.

Однако не так-то просто разговорить человека, который практически не пьет, не курит, любит жену и детей, увлекается философией и вообще производит впечатление зануды и 'вшивого' интеллигента, а не крутого бывшего зэка из 'новых белорусских', у которых всегда есть в запасе 'прикольная история> или соленый анекдотец.

Герой нашего 'романа', пригласив меня домой и напоив каким-то необыкновенным чаем, в духе тургеневской девушки бальзаковского возраста явил мне свои условия. Во-первых, не включать диктофон, во-вторых, не лезть в душу с расспросами о тюрьме, а в-третьих, заранее предоставлять вопросы, чтобы он к ним мог подготовиться.

<Ну ни фига себе рояль, - резюмировал я в тот момент, - во попалась изюминка компотная!>

Послать куда подальше того самого Климова, да еще в его собственном доме, не позволяло уважение и, пожалуй, скрытая надежда, что он блефует или проверяет меня на 'вшивость'. Дипломатичный разговор ни о чем тем, первым вечером в климовском кабинете мог стать последним, но...

Утром следующего дня раздался звонок: 'Евгений, это Андрей Климов, давай встретимся прямо сейчас!>

А ПО-ФРАНЦУЗСКИ СЛАБО?

Встретились в кафе 'Валерия', довольно мрачноватом подвальчике, но с хорошей кухней и симпатичной хозяйкой, расположенном на улице Володарского, как раз напротив знаменитого СИЗО. Как потом оказалось, воспоминания об аде исполнительной (читай: 'расстрельной>) тюрьмы были для моего собеседника серьезным раздражителем, эдаким психологическим мазохизмом. Поставив демонстративно диктофон на стол и отхлебнув глоток кофе, я задал было первый вопрос, но... не тут-то было.

Затрапезного вида мужичок с кружкой пива, слегка покачиваясь, вошел в зал и тут же направился к нашему столику, хотя кафе было совершенно пустым. <Можно?' - спросил он и, услышав климовское 'пожалуйста, только молчите и не мешайте', грузно сел на скамейку рядом со мной. Молчание мужичка длилось недолго. Слушая нашу беседу, он, сначала изредка и тихо, а потом все чаще и громче стал встревать в разговор, являя удивительное знание биографии А.Е. Климова, как-то: название улицы, где живет Андрей, его депутатство и оппозиционность режиму, а также то, что мой собеседник - бывший бизнесмен, что он 'сидел' и так далее.

Видя, что мы не реагируем, он заговорил сначала на французском, а потом на немецком языках, демонстрируя свое образование и неординарность, с расчетом на то, что это нас заинтересует. Так оно и случилось. Действительно, французское произношение нашего 'случайного' соседа по столику было превосходным, уж поверьте на слово бывшему школьному учителю этого языка.

Уйдя от вопроса: 'А вы, собственно, кто будете?', мужичок намекнул на работу в Африке и Берлине и, проигнорировав мое предложение брать учеников и этим хорошо зарабатывать, завел разговор о диктаторском режиме Лукашенко, необходимости его свержения и поиске героя на роль 'избавителя' Отечества.

Не знаю, как Андрей, но я только тогда понял, что за 'бомж' подсел к нам с кружкой пива за 2,5 тыс. рублей. Взгляд его, после того как он понял, что его игра раскрыта, мгновенно стал трезвым и жестким.

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

'Вот так меня и пасут, - с иронией сказал Андрей и добавил: - хорошо, что он все твои вопросы и мои ответы прослушал. Раз знают, значит, меньше бояться будут и глупых санкций со страха применять не станут'.

О чем мы беседовали в тот вечер? Налейте себе чашечку кофе или кружку пива, у нас тут разгул демократии, и присоединяйтесь.

- Андрей, библейская истина 'не суди да не судим будешь' - справедливое утверждение?

- Нет, не справедливое. Религия в жизни любого общества выполняет вполне определенную функцию. Вчитайся в Библию и поймешь, что Ветхий завет раскрепостил, освободил человека, а Евангелие вновь затолкало его в рамки государственного устройства. Уже тогда было понятно, что с раскованным сознанием человека справиться невозможно. 'Не суди да не судим будешь' - сказала религия, уже ставшая государственной для того, чтобы люди не судили власть...

- А может быть, друг друга? Может быть, здесь речь идет о прощении недостатков ближнего своего? Ты не осудишь, то есть простишь его, а он - тебя. Разве здесь нет логики и христианской морали? Зря возражаешь против Библии, это самая великая книга всех времен и народов.

- Вот и читай ее каждый день, но тогда не смей судить даже своего ребенка! Пусть делает все, что ему на ум взбредет. Я видел результаты такого неосуждения. Знаешь, где? В тюрьме! Их там много, не судимых в детстве. Они не имеют понятия, что можно и должно не воровать, не убивать, не насиловать. Культура - это самоограничение, это рамки законов, без которых общество обречено на вымирание. Мы рождены судить по природе своей, человеческой. Если бы люди не осуждали пороки и преступления, то 'хомосапиенсы' давно бы перерезали друг другу глотки.

- Знаешь, Андрей, хорошо теоретически размышлять о пользе суда. Однако уверен, что, когда тебя судили, ты так не думал. Соврешь, если скажешь, что не материл про себя и этот суд, и эту страну, и это правительство, и этого... ну ты знаешь, кого. Когда предъявили обвинения, какое было чувство?

- Шок! Мне плюнули в лицо, скажу сильнее - в душу! Если бы депутата Климова обвинили в оскорблении достоинства нашего самого-самого, подрыве государственного строя, хотя и этого ничего не было, тогда куда ни шло, хоть какая-то логика есть. Вдумайся, посадить в тюрьму, а потом полтора года искать хоть какую-нибудь вину, но обязательно неполитического свойства. Нашли, якобы, полтора десятка нарушений уголовного характера по моему бизнесу.

- То, о чем ты говоришь, иначе чем бредом не назовешь. Все знают и никто не сомневается, что тебя судили по чисто политическим мотивам, я бы даже сказал, что судили Дон-Кихота за то, что он напал на ветряные мельницы. Верил ли ты, что можешь выиграть суд?

- Я не думал, что дело дойдет до суда, был уверен, что власть побоится меня тронуть. Что может думать невиновный человек, когда его обвиняют в смехотворных преступлениях, которые не только на Уголовный кодекс не тянут, но даже в гражданском суде не должны рассматриваться?

- Ты разозлил 'великого', и, если он даже и не стал бы тебя трогать, то его слуги не могли не 'расшибить' себе лба, выслуживаясь перед хозяином. Ты был обречен на 'отсидку' заранее. И все-таки есть ли у тебя претензии к своим адвокатам?

- Какие у меня могут быть к ним претензии, если адвокаты на суде были просто зрителями? Они, конечно, работали. Писали бумаги: жалобы, протесты, заявления, все, как положено, только на них суд никак не реагировал. Там были свои актеры, которые разыгрывали сценарий, написанный на Карла Маркса, 38. Все остальные были статистами, которым в лучшем случае разрешали аплодировать и кричать 'браво'. За всякое иное действие изгоняли из зала суда. Да, адвокат Гарри Погоняйло сыграл заметную роль в процессе. Он принял участие в разборках по моему избиению в СИЗО на Володарского. Скажу тебе, ребята били от души: дубинками, кулаками, ногами. Почки, понятное дело, отбили, ребра поломали, про синяки-ссадины и говорить не приходится. Все бы ничего, знал, на что иду, да только сахарный диабет в результате появился, а это хреновая болезнь. Уголовное дело по этому факту, конечно, не возбудили, но ошибок следственные органы и прокуратура наделали массу. Заявление моего адвоката вынудило их признать факт применения силы. Естественно, в пределах нормы. Но и этого хватило, чтобы правозащитные организации, в том числе 'Международная амнистия', смогли начать акции в мою поддержку.

- Насколько я понимаю, это был твой план - привлечь внимание мировой общественности к твоему делу. Только это заставило тебя отказаться ехать на суд? Понесли ли наказание охранники, избившие тебя? Это была чисто 'сержантская> инициатива или в ней замешаны более высокие чины?

- Не будь ребенком, Евгений! Разве будут сержанты 'месить' депутата ВС без команды сверху? Ее дал начальник СИЗО полковник Алкаев, скорее всего, по собственной воле и сам знаешь в

угоду кому.

- После этого инцидента ты, естественно, изменил всю систему защиты?

- Конечно. Ведь меня били простые тюремные охранники, которые понятия обо мне не имели. В их глазах я был простым проворовавшимся бизнесменом, и не более. В любой белорусской тюрьме при желании можно за полгода убить человека, и никому ничего за это не будет. Силу будут применять в 'пределах нормы', за каждую мелкую провинность сажать в штрафной изолятор на хлеб и воду, а еще - ломать, морально ломать... Спасибо тем, кто обо мне не забывал, кто пикеты у тюрьмы устраивал.

- Не знаю, как воспринимал ты, но мне казалось, что оппозиция 'вспоминала> про Климова, когда надо было провести мероприятие к дате или событию. Скажи, вот тебе лично и конкретно помогали или мешали выступления оппозиции в защиту политзаключенного Климова, я имею в виду вынесение более мягкого или даже оправдательного приговора?

- С одной стороны, власти было 'по барабану', выступает кто-нибудь в мою защиту или нет. Это как афиша малоизвестного актера: висит, ну и пусть висит себе, если никому не мешает. Ну, походили около тюрьмы люди с портретами политзаключенного Климова, порядок не нарушали, разошлись мирно, пусть себе протестуют на здоровье и дальше. Примерно так рассуждали специально обученные ребята из окружения президента. С другой стороны, конечно, для меня это была могучая моральная поддержка. Знать, что о тебе помнят, тебя поддерживают - это много. Я осознал свою силу, понял, что можно и нужно сопротивляться.

- И стал для сокамерников в СИЗО на Володарского почти героем?

- Да зэком я был. В тюрьме всем до одного места ты и твои проблемы. Там добреньких нет, каждый - сам за себя. А вот уже на 'зоне', особенно вначале, почувствовал явно враждебное отношение. Я был 'красным'. Так на блатном жаргоне называют 'ментов' и вообще начальство. Для них я, депутат Верховного Совета, был человеком власти, да еще высшей, а это хуже, чем <следак' и даже прокурор.

Тут не было никаких высоких материй, простые шкурные мысли. Зэки думали примерно так: 'Депутат, бизнесмен, сволочь эдакая! Наверняка требовать себе лучших условий начнет. А за чей счет ему их предоставят? Да за наш, конечно!' Когда поняли, что я, как все, и неудобств никому не принес, то успокоились. Само собой разумеется, что пытались 'наезжать', но я за себя смог постоять.

Хотя там было столько 'отморозков', которые сидели за то, что убивали людей за бутылку водки, за дозу наркотика! Им, если попросят или самим захочется, 'пришить' какого-то зэка ничуть не трудно.

- Говорят, что после вынесения приговора человек успокаивается. Когда к тебе пришло это состояние?

- Никогда. Все годы заключения напряжение не проходило. Это как на войне: грязь, вонь, телесные муки, колючая проволока, немецкие овчарки и часовые с автоматами, а главное - большая вероятность не выжить.

- Представляю, как ты хотел, чтобы суда не было вовсе. Чем бы для этого мог пожертвовать подследственный Климов?

- Знаешь, нет никакого толку говорить в сослагательном наклонении. Многое бы отдал, но не честь и не достоинство...

- Тогда судили только Андрея Климова или вместе с ним белорусский бизнес, оппозицию и в целом элиту общества?

- Белорусский бизнес судили еще до меня. Нашего брата в тюрьмах сидит черти сколько. А вот политическую оппозицию, ее не судили, ее просто уничтожали. Травля началась с Карпенко, потом взялись за меня. Позже пропал Захаренко, потом - Гончар, Красовский, Завадский... Власть хотела напугать тех, кто ей оппонировал, и тех, кто мог это сделать в принципе. Меня ведь посадили с целью запугать наиболее активных и независимых людей. 'Если даже Климова с его деньгами, связями и депутатской неприкосновенностью посадили, - подумает простой народ, - то куда уж нам рыпаться против власти, молчать надо!> Что касается белорусской элиты, то здесь происходит подмена. Василя Быкова выжили из страны, а кто его заменил? Вот власть и подсовывает нам медь вместо золота. Нынче 'элита' у нас назначенная, колхозно-шкловского разлива, а настоящая не востребована.

- Выходит, что белорусы осуждены судьбой на страдание и несвободу?

- Да, на страдание, но не от недостатка свободы, а от ее избытка. Мы слишком много себе позволили, при этом всерьез не задумываясь о настоящем, не беспокоясь о будущем, забыв о прошлом. Такое возможно только в нашей стране, где никто не несет ответственности ни за сказанное, ни за сделанное.

- Если всякая власть от Бога, то и суд от Него?

- Судят люди, Бог здесь не при чем. Хотя сообщество людей, которых не судят, существует. Это сумасшедший дом! В Новинках полная свобода, гармония и... никакого суда. Шизофреник живет в своем мире, а остальное ему, как говорится, 'пофигу'!

- Веришь ли ты в Божий суд?

- Нет, не верю.

- Власть неподсудна?

- Еще как подсудна, и скоро в этом убедятся многие...

- Быть правителем - это наказание или благосклонность судьбы?

- Это избранность и огромная ответственность. В цивилизованных странах правители народу дают, а в таких, как наша, - отнимают. Вот и вся разница. Люди-то считали как? 'Изберем президента, и, как в песне, 'не надо думать, с нами тот, кто все за нас решит', да еще и сделает. А мы будем жить-поживать, да добра наживать!' Вот и 'лопухнулись' в очередной раз! Решить-то он за нас решил, да только кому лучше от этого стало? И успокаивать себя не надо, что Лукашенко только село да пенсионеры поддерживают. Вранье все это! Город за него, интеллигенция за него, рабочие крупных предприятий, где платят зарплату, и неплохую, тоже за него. Непонятно, почему образованные люди его поддерживают? Скажу, только не обижайся. Завидуют друг другу по-совковски и боятся за свое место. Пусть платят ему гроши, но белорусский интеллигент зада не отдерет от своего стула, чтобы рискнуть и лучшую жизнь себе и своей семье устроить. Верю в молодежь, которая не заразилась 'бациллой совка', и в стариков-пенсионеров, которые ей переболели и чем старше становятся, тем злее, потому что пожрать не за что, да за квартиру платить нечем, не говоря уже о лекарствах. А молодая популяция вас, старых интеллигентов, как сорную траву с поля, вырвет и выкинет за ненадобностью. Ведь этим ребятам хочется и на концерты крутых ансамблей ходить, и машину иметь, как их сверстники в Штатах или в Европе, и жить в приличной квартире с красивой мебелью, современной кухней и тому подобными благами цивилизации. А им при

нынешней идеологии, принятой обществом, ничего этого не видать, как своих ушей! Вот они и...

- Хочешь сказать, что станут стричься и мыслить 'а-ля Климов'?

- Нет, и это хорошо. Ведь я, если отбросить все неглавное и благоприобретенное - выродок, самый что ни на есть 'совок', да еще воспитанный на комсомольских идеалах. Поздно родился, а то бы и на БАМ, и в Афган добровольцем записался. Мой капитализм - это рецидив советского воспитания. Все думают, что я их, буржуинский, а я за Мальчиша-кибальчиша сердцем страдаю.

Здесь стоит сделать отступление, потому что мужичок-полиглот вдруг начал ходить по залу взад и вперед, при этом выкрикивая речевку типа: 'Ребята, ничего не бойтесь, я вас охраняю! Я на посту! У меня черный пояс...>

Так и вижу вашу улыбку: мол-де, все понятно, пациент из Новинок сбежал, а в вас своих признал. Видели бы вы, как этот 'псих' профессионально попытался прихватить Климова, когда тот пошел за второй чашкой кофе. Карате ни карате, но то, что наш 'алкаш' с боевыми искусствами знаком, лично у меня сомнений не вызывает. По счастью, Андрей сумел среагировать на захват. Спровоцировать драку не удалось, и мужичок, не допив пива, как-то незаметно исчез.

ЗАНУДА ЖЕ ТЫ, КЛИМОВ!

После случая в 'Валерии' я как-то по-другому стал смотреть на моего собеседника, с которым стал встречаться чуть ли не каждый день, и каждый раз все больше и больше удивлялся какому-то нестандартному, не совсем понятному для меня мышлению этого, в общем-то, молодого человека.

Не скрою, были моменты, когда казалось, что Климов не в себе, что у него 'крыша поехала'. Однако потом, поговорив и поразмышляв, приходил к выводу, что он-таки был прав, когда после первой бомбежки Багдада заявил, что война в Ираке - это не что иное, как локальный конфликт на коммерческой основе, где воюют США и... никакой не Хусейн, а континентальная Европа.

Это вызывало уважение и желание все-таки добраться до сути, то есть понять человека, который, на мой взгляд, все потерял, но утверждает, что гораздо больше приобрел.

Вам еще не надоели наши рассуждения? Тогда давайте 'потрошить' Климова дальше.

В этот раз мы сидели в маленьком, но уютном кафе на Платонова. Андрея там все знали, и он всех знал, чуть ли не по имени. Заказали салат и какое-то жареное мясо с картофелем 'фри'. Видели бы вы, как этот бывший буржуй привередничал! Мясо оказалось для него суховатым, и его тут же заменили(!). Не было в блюде ни таракана, ни ржавого гвоздя, а ему другую порцию принесли. Вы бы так смогли? А кофе как он пробует, гурман 'фигов>: 'Вы сахар случайно в чашку не положили? Вы точно знаете, что в этой минеральной воде нет селена? Картошку жарили на оливковом масле?' 'Вот зануда!' - решите вы и ошибетесь. Оказывается, после известного всем избиения Климова в СИЗО на Володарке у него появилась болезнь, сахарный диабет, отсюда и 'занудство' в выборе еды.

Уменьшение количества глюкозы, поступающей в мозг - а Климов сладкого не ест - приводит к эффекту, сродни действию мескалина, описанного Олдосом Хаксли, когда 'мы ощущаем себя наследниками Вселенной, когда 'море течет в наших жилах... а звезды - наши бриллианты', когда все сущее воспринимается как бесконечное и святое, какие мотивы могут быть у нас для алчности и самоутверждения, для погони за властью или наскучившими

формами наслаждения? Маловероятно, что созерцатели станут аферистами, сводниками или пьяницами; они, как правило, не проповедуют нетерпимость и не развязывают войн, не находят необходимым воровать, мошенничать или угнетать бедняков. Они становятся каналами, по которым некое благотворное влияние сможет течь из их страны в мир затемненных 'я', хронически умирающих от его нехватки...

ЧТО НАША ЖИЗНЬ? ТЮРЬМА!

Не согласны? Полагаю, прочитав эту главу, вы измените свое мнение, а теперь, если есть возможность и желание, продолжим. В тюрьме побывать хотите? Тогда прошу взглянуть на нее глазами нашего героя.

- Самый неприятный аспект содержания в СИЗО?

- Страх! Страх, что придут и убьют. Бежать-то некуда, а тюремная администрация все может. Придет сержант с дубинкой, почки отобьет, через сутки человек умирает. Врачи потом заключение сделают: умер от почечных колик. А быт - это ерунда, человек привыкает ко всему, причем быстро.

- Что страшнее: физические или моральные страдания?

- Бывают такие физические страдания, что о моральных в этот момент и не думаешь. Душа страдает тогда, когда не болит тело. А чтобы вместе... нет, так не бывает.

- Памятные дни со знаком 'плюс' и 'минус'. Они были?

- Каждое свидание было для меня суперсобытием со знаком 'плюс'. Каждая передача - двойной плюс. Новость, что в Югославии диктатора 'мочат' американцы - радость полная. Да, я сторонник того, что диктаторов надо уничтожать силой, а не словом. Если для этого надо воевать - значит воевать. Пацифизм - просто слабость!

- Андрей, ты так легко переходишь от идеализма к материализму, что хочется эдак идеально выматериться. Ты как истинный хозяин своего слова: слово дал, слово забрал обратно. Хозяин, потому что...

- Тебе никогда не понять, какая радость поднимается в зэке, когда приносят передачу. Это момент истины. Во-первых, весточка с воли и доказательство, что о тебе помнят, что тебя любят или, во всяком случае, хорошо относятся.

- Убийцы - тоже люди?

- Конечно, но в тюрьме они все уже нормальные. 90% убийств - по пьянке, неважно, большой или маленькой. Историю для подтверждения этой мысли расскажу. Пожилой мужик, калека, ноги не ходят, на инвалидной коляске ездил. Напился, подъехал к жене сзади и зарубил ее топором. Бедная женщина из-под него дерьмо выгребала годами, а этот подонок ее жизни лишил...

- В тюрьме страшно?

- А то, еще как страшно, если ты не дебил и понимаешь, что совершенно бесправен и бессилен перед любым проявлением агрессии по отношению к тебе то ли со стороны администрации, то ли со стороны криминальных авторитетов.

- Был ли у тебя в СИЗО личный враг?

- Да, начальник тюрьмы Алкаев. Он меня считал пешкой и не усмотрел во мне сильной личности, за что пострадал и еще пострадает...

- Кем в тюремной 'иерархии' был Андрей Климов?

- Уже говорил - хуже мента.

- Ты нашел там друзей?

- Нашел, но в основном это были убийцы и бандиты. Мошенники и воры ко мне почему-то не подходили. Лежал в 'больничке', а это самое приятное и комфортное место во всей тюрьме, естественно, там большинство пациентов - воры в законе. Тоже стали приятелями. Почему мы находили общий язык? Не знаю. Наверное, они тоже были политиками, а уж сильными людьми - наверняка. Кстати, в тюрьме стать авторитетом не так уж трудно, а вот остаться им... тут нужны мозги и честность. В рамках понятий 'зоны', конечно. Понял, в натуре...

- Что помогло не сойти с ума?

- Книги, шахматы, физкультура, телевизор - вот это и спасало.

- Почему тебя не убили?

- Помог случай и белорусский менталитет. Сначала промедлили, а потом, когда у кой-кого надежды на Кремль исчезли, то суетиться из-за меня просто не захотели.

- Какой видится из-за колючей проволоки воля?

- Как райский сад, в котором можно все.

- Есть ли рецепт выживания в неволе? Как выжил ты?

- Нет никаких рецептов! Что такое Уголовный кодекс в тюрьме? Это пулемет против безоружных людей! Им убивают. Как выжить? Не знаю!

- Принес ли тебе облегчение приговор или, наоборот, новые страдания?

- Какое, к дьяволу, облегчение? Месяц как невменяемый ходил, будто по голове молотком врезали. Паралич полный...

- Только сильный человек может сохранить достоинство в тюрьме? Ценится ли там благородство?

- Да, благородство ценится, если ты вписываешься в существующие там иерархии и правила.

- Где легче понять человека: в камере или на воле? Зэки, они кто?

- Человека нельзя понять ни в камере, ни на воле. Это загадка, это неведомый мир, и, может быть, это и хорошо. Поведение человека в экстремальных условиях приспособлено именно к экстремальным условиям, если они изменятся, то изменится и человек. Это как быка ведут на бойню. Коридорчик все сужается, сужается, сужается, и он, мощный бычина в тонну весом, с рогами и копытами, безропотно идет и гибнет. Так и люди...

- Ты чувствовал себя в тюрьме страдальцем или героем? Сколько раз плакал?

- Плакал? Да почти каждую ночь вначале. Был уверен, что убьют, и было безумно жалко себя, хотелось жить. Не был я никаким героем, но и страдальцем тоже. Скорее был жертвой. Да,

жертвой обстоятельств.

- Возникали ли конфликты с заключенными? Как ты их решал?

- Так и решал, кулаками. Причем побеждает не тот, у кого мышцы крепче, а тот, у кого дух тверже. К тому же, пойми, что от своего врага ты никуда не уйдешь, он все время перед глазами, на соседней койке, за столом... Невыносимо. Не хочешь этого? Тогда в следующей драке иди до конца: убивай! Не можешь? Тогда не начинай драку, стерпи.

- Какие 'важные' люди навещали тебя в тюрьме?

- Нынешний министр иностранных дел Чехии навещал, многие европейские послы приходили.

- Тебе льстило, что о тебе все пять лет писала пресса, устраивались митинги, шествия и другие акции?

- Если ты о гордыне, то ее в тюрьме быть не может. Каждый день тебя так унижают, что мысль одна: как выжить и человеком остаться.

- Какие книги ты читал в камере? Библию, наверное?

- Для Библии в тюрьме места нет! Когда ты на Голгофе, а тюрьма - Голгофа для каждого нормального человека, - то осознаешь свою цену как личности, и неважно, высоко или низко ты висишь. Если ты пришел в тюрьму без Библии, то тебе она и там не нужна. Так говорю я, человек, которому помогал сам Бог! Во всяком случае, меня спасли не люди.

- Климов-зэк и Климов-свободный человек различаются? Кто лучше?

- Оба уроды! До тюрьмы не был особо добрым человеком, а за решеткой люди лучше не становятся. Злоба душит, боль мучает, срок гнетет сознание, поэтому всякая мелочь могла вызвать вспышку гнева, часто неправедного.

- Боишься ли ты тюрьмы?

- Теперь нет!

- От сумы и от тюрьмы можно ли зарекаться? Что надо делать простому человеку, чтобы не попасть в тюрьму?

- Не травите себе душу заранее, ведь чему быть, того не миновать.

- Осуждение Климова - 'страшилка' для протестного электората или еще что?

- Скорее я просто попал под асфальтоукладчик, а электорат - еще нет. Поэтому он сильно пока не напугался. Хотя кое-кто, несомненно, струхнул. Когда меня 'взяли', многие 'друзья' перестали даже звонить моей жене, не то чтобы осмелиться придти ко мне на свидание. И вообще, Евгений, давай уже 'выходить' из моей тюрьмы.

- Давай, но ты уверен, что она тебя отпустит? Хотя, ладно, вопросов о тюрьме больше не будет.

После этого разговора я поведал Андрею свой навязчивый сон. Будто бы я попал в тюрьму. Вижу явственно, как в кино, лица людей, решетки, охранников. Даже запахи тюремные чувствую. И еще какую-то вину, которую хочу скрыть, и беззастенчиво вру своему следователю. Просыпаюсь в поту и радуюсь, что это, слава Богу, сон. У вас такое бывает? Так

вот, зэк со стажем Климов говорит, что ему тюрьма никогда не снилась. Меня это, прости Андрей, успокаивает. Не напрасно ли?

ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ

Каждая новая беседа с Андреем дает мне новую пищу для размышлений, но мой 'желудок' портится, потому что я так и не могу понять до конца этого человека. Дело даже не в том, что у него нет страха, а в мозгах стоит 'увеличительное стекло', через которое он смотрит на себя и весь мир. Как это понять? У него все становится большим: он сам, его друзья и враги, его страна, его дело и даже наша книга...

Снова говорю, что просто так ничего не бывает. Феномен Климова, скорее всего, надо искать в его детстве. Вероятно, там ему дали по лбу чем-то тяжелым и произошла сдвижка сознания или он нечто очень умное в книге прочитал, а уж потом ему дали по лбу. А может быть, он держит в одном из своих сундуков <Портрет Андрея Климова', нечто похожее на портрет Дориана Грея, который забирает себе старость, а дает молодость, обаяние, ум.

Посмотрите на обложку книги. Разве можно предположить, что этому человеку тридцать восемь лет? Вот поэтому наше подозрение насчет портрета может быть и верно. Однако про детство я его все-таки спросил. К тому же передо мной маячил образ великого графа Толстого, который из воспоминаний о своем юном возрасте сделал шедевр русской словесности. А мы что, уж и рискнуть не можем?

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

Мы сидели в моем кабинете. Гипсовый Пушкин с отбитым носом (Льва Николаевича, увы, не нашлось) взирал на нас с укоризной, потому что в наших кружках было вовсе не то, что веселит сердце, а кофе без сахара. Трезвенник и физкультурник Климов активно ведет меня к правильному образу жизни, являя собой пример для подражания. Подражать не хочется, но мой собеседник из тех людей, с которыми себе дороже спорить, а проще согласиться. И пошел бы ты, Андрюша, к той самой матери! Но это все происходит внутри, а вслух вкрадчивым голосом я спрашиваю:

- Помнишь ли ты, Андрей Евгеньевич, какой-нибудь странный сон или некое видение, предчувствие, которое осталось в памяти?

- Я летал! Летал, как птица, и видел очень красивый мир и людей. Они мне радовались и дарили цветы. Кажется, я был там героем или императором. Говорят, что полеты во сне - это обычное состояние растущего человека. Я вижу этот сон и сейчас.

- Не чувствовал ли ты себя старше своих родителей?

- Ну, во-первых, родитель был один - моя мать. Она меня, понятное дело, любила и была скорее другом, чем воспитателем. Да, я был сильнее ее духом, и, ты прав, потом она действительно стала моим 'ребенком', я забочусь о ней и по-прежнему люблю.

- Была ли у тебя в детстве любовь или хотя бы привязанность к кому-либо, кроме матери?

- Влюблялся постоянно: и в одноклассниц, и в молодых учительниц, и в продавщиц, и... в кого я только ни влюблялся!

- Хотелось ли тебе драться или всегда стремился избежать конфликтной ситуации?

- Дрался чаще, чем улаживал конфликты. Так быстрей и честней. Добрая война лучше худого мира.

- Помнишь ли свою первую учительницу?

- Нет, зато любимых учительниц помню отчетливо. Они для меня были королевами и секс-символами одновременно. Духовного обожания мне тогда хватало с лихвой, и я к ним не приставал с разными 'глупостями'.

- Есть ли по жизни человек, которого ты можешь назвать своим учителем?

- У меня был товарищ по пионерскому лагерю, Саша Деменок, Демоном звали. Отца-то не было, поэтому друзьями всегда умные пацаны были. И еще начальник пожарного училища, которое я закончил, полковник Косивченко стал для меня образцом офицера и мужчины. Его обожали все. Он был для нас, курсантов, богом.

- Сказка, которая потрясла тебя?

- Не верил в сказки никогда. Серьезные книги любил, читал литературу не по возрасту. Если бы мне кто-нибудь рассказал в детстве о моей будущей жизни, то именно эта сказка меня бы, действительно, потрясла: 'Какой человек, какая судьба! Я таким никогда не стану! Какой умный, какой сильный! Везет же некоторым...' Шутка, конечно.

- Кем хотел быть в начальных классах?

- Естественно, космонавтом, врачом, даже милиционером. Последним, к счастью, не стал.

- Любимый предмет в школе?

- История. Учительница, которая ее преподавала, была в моем тогдашнем понимании чудом. Умная и красивая до безумия. Я в нее по уши влюбился и ею восхищался. Сидел, само собой разумеется, на первой парте, поедал ее глазами и был лучшим учеником. Подозреваю, что и жену, может быть, подсознательно, выбирал похожей на нее. На уроках, которые мне не нравились, пересаживался на последнюю парту и там читал книги.

- Отличником или двоечником был Андрюша Климов?

- С шестого класса был почти отличником. Убегал от своих проблем в библиотеку и там проводил лучшие часы в жизни. Любовь к книгам, наверное, - для меня самое большое увлечение, как это ни банально звучит.

- С кем дружил?

- С мальчиками, интеллектуально развитыми больше, чем я. Причину я указал выше. С девочками из класса почти не дружил, а почему - станет для вас понятно, если вы вспомните про учительниц.

- Как развлекался?

- Спорт, книги. На дискотеки не ходил, денег не было. Это было хорошо для воспитания воли. Кстати, так делают в английских аристократических семьях, устраивая за большие деньги аскетическое детство и юность будущим сэрам и лордам. Я все это получил бесплатно.

- Помнишь ли первый поцелуй?

- Кто ж его не помнит. Только вот рассказывать о нем не буду.

- Как учился в пожарном училище?

- С наслаждением. Лучшего времени в своей жизни не помню. Спорт, наука, дисциплина - все мне нравилось. Все получалось легко и в удовольствие. Закончил училище с 'красным' дипломом и лейтенантскими погонами.

- А как ты командовал подразделением?

- Жестко, даже жестоко, согласно уставу и принципам единоначалия. Естественно, что подчиненные меня не любили, причем никто.

Как у него просто получается: родился, учился, дрался, влюблялся... А посмотрите еще раз на обложку. Что вы увидели? Правильно, портрет человека, чем-то сильно похожего на... того самого Наполеона Бонапарта, гения и узника острова Святой Елены! Не находите?

О, ЖЕНЩИНЫ!

Эта тема оказалась для Андрея неожиданной и, я бы сказал, не совсем приятной. Он почему-то конфузился и пытался отвечать односложно, что на него не было похоже. Вдруг я увидел в нем не закаленного судьбой бойца, не опального депутата, укротителя 'батьки', как его называли коллеги по парламенту за то, что после его выступлений президент всегда покидал зал, не поцелованного ангелом удачливого бизнесмена, а тонкого, трепетно относящегося к Женщине, влюбленного в нее Мужчину.

Очередная метаморфоза Климова меня удивила и, не скрою, обрадовала. Ведь он воспитывался матерью, был сугубо 'женским' ребенком и мог возненавидеть <дамский менталитет'. Но нет, мужское начало не было подавлено, и тайна, запах женщины, его волновал и волнует сегодня.

Тем не менее, скованность в ответах моего героя усиливала любопытство, и вопросы я задавал каверзные, требующие откровенности...

- Андрей, в детстве тебя называли Клян, полагаю, что это смесь фамилии Климов и немецкого слова 'кляйн', то есть маленький. Как ни странно, но таких маленьких наполеонов, гитлеров, сталиных, которые, как и ты, были невысокого роста, воспитывали, как и тебя, одинокие женщины... Нравится аналогия?

- Не нравится. Это надуманная, случайная цепочка. Множество женщин воспитывают своих детей одни. Трагическая необходимость...

- Женщины в твоей жизни есть что?

- Все!

- Когда ты женился?

- Через три года после пожарного училища.

- А там, во Львове, среди 'гарных паненок', романы случались?

- Да, были, но никто меня на брак не соблазнил.

- Кто же стал избранницей мужественного, прошедшего огонь и медные каски пожарника?

- Моя одноклассница, я с ней дружил много лет. Она была в моем сознании самой-самой...

- Понимаю, ореол офицера, спасающего людей и дома от огня, не мог не подействовать на твою даму сердца, и она согласилась. Да и как ей было устоять, если, как мне помнится, ты

еще и на БТ программу пожарную вел?

- Да, я тогда в аппарате МВД работал и по долгу службы 'круто попал на TV'. Только я до сих пор не знаю, по каким критериям женщины выбирают мужчин. Сложно все это...

- А тебе самому что в женщинах нравится?

- Все мне в них нравится! Это такой идеальный субъект, в котором даже недостатки - достоинства.

- И их неумеренную любовь к деньгам ты воспринимаешь с радостью?

- Это не недостаток, просто они требуют свое. К тому же, когда я познакомился со своей второй женой, то это она меня водила в кино, а не я ее.

- Ладно, Климов, не финти, я знаю, что ты с Таней на теннисном корте познакомился. А это спорт богатых, не так ли?

- Я тогда был пожарным инспектором и получал обычную зарплату госслужащего. Просто мне нравился спорт и теннис, в частности. Тогда это было доступно практически каждому. Я играл ракеткой, которая стоила восемь рублей, правда, кой у кого были и за четыреста.

- Небось, завидовал таким и, пользуясь служебным положением - а пожарный инспектор мог какое хочешь учреждение закрыть, - брал взятки?

- Не брал, иначе до сих пор был бы пожарным инспектором. От добра добра не ищут.

- Ладно, мы сейчас о женщинах говорим. Выходит, что с Татьяной у вас случился роман, когда ты еще не был богатеньким Климовым?

- Пожарником, и уж точно не за деньги я ей понравился.

- Кто она была по профессии?

- Инженером была. Делала микросхемы для баллистических ракет...

- Ничего себе! А вообще, ты влюбчивый человек, Андрей?

- Даже очень!

- Ну, так нельзя! Просто скажи, что не хочешь раскрывать свою личную жизнь, но не отвечай односложно. Ты ведь увиливаешь от прямых ответов. Давай уберем за скобки 'твоих женщин', а поговорим просто о женщинах и мужчинах.

- Мне иногда кажется, что мужчины - просто ничтожества. Нет более закомплексованных существ, чем они. Редкие экземпляры самцов в человеческом обличии лишены от рождения или избавляются впоследствии от этих комплексов. И тогда они добиваются успеха. Они бы и женщин, если бы те не проявляли инициативы, никогда не трахали...

- Ну, ты это брось, ведь любому мужику хочется женщину. Инстинкт продолжения рода, знаешь ли.

- Хотеть и по-настоящему 'заниматься любовью' - не одно и то же. Мужики в значительной части похожи на тех насильников, которых я видел в тюрьме. Да, у них есть желание, но желание насиловать... Это страшная трагедия. Настоящим мужчиной самца делает только женщина! Женское начало более благородно, и оно есть определяющее для мужчины, для

личности. Они выделили меня из толпы как лучшего, эти мои две жены. Без их энергетической подпитки я - никто! Почему я достиг чего-то? Потому что был востребован как мужчина. Мой второй брак - непростой, но третьего не будет. Эксперименты в моей жизни закончились, я четко осознал, что есть для меня семья.

- Не боишься, что твоя супруга возгордится, прочитав это?

- Как только возгордится, так сразу начнет терять, но я буду этому противиться. Чем больше я требую от женщины, тем меньшим мужчиной становлюсь. Отношения мужчины и женщины - это как лезвие бритвы. Чуть-чуть в сторону - и нет гармонии, а это в браке - все.

- Не кажется тебе, что требования у тебя слишком завышены, что все в жизни проще?

- Относительно чего проще?

<ДЕТСКИЕ' ВОПРОСЫ

Лавры Макаренко не дают мне покоя. А почему, собственно говоря, не помучить Климова 'детскими' вопросиками? К тому же, и стишок на этот случай имеется соответствующий, помните? 'Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: 'Что такое хорошо, а что такое плохо?>

- Слабо, Андрей, на это ответить?

- Уж больно глобальный вопрос ты задал, 'сынок'. Ответственность ведь большая на каждом отце лежит - передать ребенку свое видение жизни, да так, чтобы у него крыша не поехала. С другой стороны, есть и очень простые обязанности: накормить, напоить, одеть, сводить в школу.

- Ребенок видит мир ясным, не искривленным всякими догмами и химерами взглядом, в отличие от взрослых. Может быть, он и есть существо высшего порядка?

- Не усложняй. Ребенок есть ребенок, его всему нужно учить. Сегодня в очень многих семьях ребенок воспринимается как нагрузка, обуза на всю жизнь, а не счастье. На самом же деле ребенок - это отображение твоего внутреннего мира: его недостатки, как правило, есть твои собственные, только сильно увеличенные, его успехи - это то, к чему ты всю жизнь стремился, но так и не смог достичь. Каждая его неудача - как разгром немцев под Москвой. Иногда очень просто ударить ребенка, но как тяжело переживается отцом его несправедливость к собственному сыну или дочке! Представь себе, что у тебя в чемодане миллион долларов и нет ни охраны, ни тележки, ты носишь его постоянно - это и есть твой ребенок. Ты все время боишься и за себя, и за него.

- Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: 'Школа это хорошо или это плохо?>

- Плохо, для очень многих школа - зло! Это не способ получить знания, это испытание и рассадник комплексов для детей. Школа строится на принципе подчинения: ты подчинен дисциплине, учебному плану, системе оценок...

- Как тюрьма, что ли?

- Нет, не тюрьма. В школу ты приходишь и уходишь, можешь даже на урок не пойти, удрать с ребятами в кино или еще куда... Тюрьма похожа на склеп, на могилу, где ты заживо погребен. Твой срок воспринимается как вечность, и ты представляешь себя умершим для всех. Письма, телефонные звонки подобны связи с потусторонним миром. Точно так же детство казалось пожизненным заключением, хотелось побыстрей повзрослеть. Ты видел горизонт взрослой жизни, но сколько бы ни шел, достичь его, казалось, не возможно. Конечно, кой для кого и

школа, и даже дом были, ты прав, тюрьмой, и только улица становилась зоной свободы. Для меня свободой была, как ни странно, библиотека. Там я наслаждался, там я был хозяином жизни, там я был наедине с собой. В школе нет свободы, там всегда есть элемент подавления воли ребенка со стороны учителей, учеников и милиции. Идеальной формой образования считаю старую систему домашних учителей. А что такое аттестат о среднем образовании? Это и есть крепостное право! Аттестат - как клеймо. Есть оно у тебя - идешь дальше, можешь получить еще одно, диплом о высшем образовании, а это дорога к верхним слоям общества. Нет этого клейма - дорога закрыта, ты уже человек второго сорта. А если нет клейма о прописке, то ты и вовсе становишься изгоем по имени 'бомж'. В этом смысле для меня свободой стал бизнес. Частное предпринимательство не требует никаких бумажек-справок об интеллекте. Можешь работать - работай! И никаких тебе дипломов. Здесь есть свобода. Школа - начало рабства. По ее окончании человек попадает в нескончаемый коридор всяческих запретов, условностей, предписаний и законов. Сначала на службе: ты - кто-то младший, потом - средний, потом - старший, а если повезет, то и главным можешь стать. Соответственно своему ранжиру ты получаешь зарплату. Из чего складывается эта самая зарплата, я до сих пор понять не могу. Согласен, что надо обозначить нижний предел, но вот почему у нас ограничивают верхний? Представьте себе, что на соревнованиях вам говорят: 'Выше двух метров вам в высоту прыгать нельзя, согласно вашему 1-му разряду!' - 'Простите, но я уже на два десять прыгнул'. - 'Не считается! Результат отменяется'. Смешно? А в политике что у нас нынче делается? Для одних людей, пожалуйста, - государственные радио, телевидение, газеты, если они лояльны к власти, а значит, не сомневаются, что у нас есть один, на веки вечные избранный президент с соответствующей, несменяемой фамилией и именем-отчеством...

- Хочешь сказать, что рабство, начавшееся в школе, не прошло и не пройдет никогда, если ты живешь в Беларуси?

- Эта проблема существует везде. В США президенты рождаются в определенных семьях: Кеннеди, Рузвельтов, Бушей...

- Ты - как Чапаев в известном фильме. Шашкой машешь и требуешь, чтобы хоть одного простого хлопца вывели в доктора. Образование нужно...

- Кто же спорит. Только в юности у тебя должна быть свобода выбора. У Данте не было дипломов, но он был гением. Зло - это не диплом, не прописка, не права на вождение автомобиля, зло - это когда человека подавляют, когда ему не дают права выбора. Ребенок - маленькое зеркальце. Поставь его от себя на десять метров - и ничего в нем не увидишь, а поднеси к лицу - и, во всяком случае, свой нос уж точно разглядишь. Так и с нашими проблемами, которые мы рассматриваем по отдельности, а они - в комплексе, и разрывать их нельзя. Наше общество либо созидается, либо уродуется на уровне воспитания детей. Чему может научить государство маленьких граждан, если по телевидению показывают, как срывают с президентского дворца национальный флаг и рвут его на куски, топчут ногами... Топчут ногами историю и честь целой страны, а на их место вешают символ коммунистического режима, от которого люди только-только избавились. После этого нескольким поколениям бесполезно даже пытаться говорить о патриотизме, национальном самосознании, чувстве Родины и прочих 'глупостях'.

Не будут наши граждане защищать государство, которое не имеет ни истории, ни достоинства, ни уважаемых народом символов страны. Нескоро белорусы пойдут с оружием в руках защищать свой флаг, свой герб, своего президента... В 1995 году было сделано все, чтобы уничтожить национальную идею на государственном уровне. Лукашенко должен поставить памятник Зенону Позняку, памятник еще при жизни, и улицу в его честь назвать. Благодаря этому 'сумасшедшему', положившему свою жизнь на алтарь возрождения страны, благодаря его сторонникам, рядовым 'бэнээфовцам', страна не стала осколком СССР или придатком России. Она осталась страной божественного промысла, со своим языком, своей

высокой европейской культурой, своим этносом, своими амбициями. Покаяться нам надо через Зенона перед Богом, не ведали, что творили! Изуродовали души сотен тысяч детей. Выйди сейчас на улицу, спроси у них: 'Кто ты?' И тебе ответят: <Я - Вася!', 'Я - школьник!', 'Я - девочка!' Но вряд ли тебе скажут: 'Я - белорус!>

- Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: 'Быть белорусом хорошо или это плохо?>

- Я счастлив быть белорусом! Мне повезло, и я благодарю Господа, что я здесь реализовался как личность. Когда меня объявили политическим узником, об этом узнал весь мир. Для многих людей в Европе, Америке, Австралии, даже в Японии моя борьба с режимом стала примером, как становятся гражданами, как отстаивают права человека, Конституцию. Я прославил своим поступком Беларусь, и это не похвальба, это - правда. Конечно, мной не интересовались в Ираке или Северной Корее, но школьники из США, Германии, Норвегии и даже пенсионеры из далекой Оклахомы присылали мне в тюрьму письма, в которых меня поддерживали и восхищались моим поступком.

- Молодец против овец! Когда в Москву-златоглавую приезжал, небось, не очень-то кичился, что ты белорус, скрывал, какого ты рода-племени, под <москвича' косил, не иначе?

- Никогда ни перед кем не заискивал! Я видел там белорусов-бизнесменов, которые ногой дверь открывают в Администрацию президента. Они говорят 'спасибо> Александру Григорьевичу за то, что он создал невыносимые условия для бизнеса, что научил их прятаться, скрываться, таиться. Они уехали в Россию и там разбогатели, потому что не в тепличных условиях работали и многому научились. Главная формула успеха в бизнесе - никогда ничего не просить. Никогда не надо скулить: могут, конечно, и кость кинуть, но, скорее всего, ногой пнут.

- Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: 'Двуязычье хорошо или это плохо?>

- Конечно, хорошо. Чем больше человек знает языков, тем у него шире горизонт возможностей и в науке, и в культуре, и в бизнесе. Но начинать познавать мир нужно на родном языке. Здесь вырабатывается алгоритм интеллекта, здесь Бог помогает человеку. Что у нас сейчас в стране? Ни белорусского народ толком не знает, ни русского! Вот я сидел в тюрьме. Казалось бы, там нужно иметь тысячи самых разных книжек, чтобы дать возможность заблудившемуся человеку выйти на правильный путь... Черта с два! Ничего нет, книга на вес золота. Языки - это расширение возможностей человека, это великий путь познания мира. Так что двуязычие - это хорошо и ничуть не плохо! Рифма. Не надо возводить языковые преграды, надо сближать культуры, потому что мир един. Мозаика мира, безусловно, обеднеет, если навсегда исчезнет из его палитры такая редкая краска, как белорусский язык.

- Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: 'Лукашенко хорошо или это плохо?>

- Лукашенко у нас - как в России Чечня. Это бедствие, которое надо пережить и без которого трудно самоопределиться. Без Александра Григорьевича я не смог бы оценить личность Позняка. Господь Бог дал нам благо в виде испытания, через конкретную личность. Его ошибки и просчеты дают надежду на то, что в будущем мы глупостей делать не будем.

- Прививка, говоришь?

- Да, прививка, причем с гарантией!

В очередной раз убедившись, что добро есть зло, а зло иногда бывает добром, детский стишок, послуживший поводом к разговору, я перефразирую так: 'Вам сегодня хорошо? Завтра будет плохо!' Или наоборот, как нынче у нас, белорусов.

ПОЧТИ ПО ШЕКСПИРУ

Только не надо, Андрей, мне в нос совать своего Стоппарда! Пусть он гений, пусть он даже дважды гений, да только мы с тобой никак не подходим на роли Розенкранца и Гильденстерна. Я еще - куда ни шло, чиновником средней руки в свое время был, а ты, ты-то какого рожна на роль придворного претендуешь? Ты уж скорее шекспировский Лаэрт, который перед самим высокородным Гамлетом шпагой махал, как ты когда-то в парламенте. Помнишь памятное выступление, когда депутат Климов хотел кое-кого под конвоем в Овальный зал привести? Ну, так что: быть или не быть? Конечно, кое в чем мы на этих Розенкранца и Гильденстерна похожи, не спорю. Так же блуждаем в потемках вместе со своими соотечественниками, не понимая, откуда пришли и куда идти следует. И вообще, на каком мы свете? То ли мы уже понадобились и за нами послали, то ли еще нет и нас просто послали..? Как там, собственно, эти ребята рассуждали?

<...Мы играем в орлянку уже черт знает как давно, и все это время - если только это время - я не в силах считать нас самих чем-либо большим, чем парой монет с орлом и решкой. Надеюсь, это не звучит чересчур удивительно. Потому что как раз неудивительность всего происходящего и есть то, что я пытаюсь ухватить. Душевное состояние обычного игрока зависит от закона, или, пускай, тенденции, или, скажем, вероятности, или, во всяком случае, математически исчисляемых шансов, которые гарантируют, что у него не сядет психика от слишком большого проигрыша - и что он не надавит на психику своему партнеру слишком большим выигрышем. Что создает некоторую гармонию и атмосферу доверия. Словом, случайность и упорядоченность образуют некий союз, в котором мы узнаем природу...>

Во, какая загогулина умственная! Только, господин Климов, сомневаюсь я, что кому-нибудь, кроме нас с тобой, разумеется, эти наши писания понадобятся.

- Вглядись, господин журналист, в себя, взгляни вокруг, и ты увидишь, что интеллектуалы машут руками, топают ногами, высовывают от возбуждения языки и требуют: 'Дайте, дайте нам мысль, хоть какую-нибудь свежую мысль, мы задыхаемся!' Интеллектуал не может жить без свежих идей. Он умирает...

- А сам он, твой виртуальный интеллектуал, не может ни одной идеи самостоятельно родить? Что, у него шоры на глазах, уме и сердце?

- Думаю, что правда уже в воздухе витает. Интеллект питается идеями, но те, что нужны обществу, еще не созрели. Скоро, уже вот-вот, созреют, да вот только нетерпение... Это как пирог, что в духовке поспевает. Сидят все гости, голодные, уже наговорились, напелись песен, обсудили все новости, кино посмотрели по телевизору, а хозяйка все ходит вокруг да говорит: 'Еще чуть-чуть подождите, вот-вот пирог готов будет. Запах чувствуете? Вкусно пахнет, правда?' Тут она открывает духовку, вот сейчас, через мгновенье его все увидят, разрежут на куски, начнут есть... От близости заветного желания все задыхаются, уже почти не соображают, и... вот он, пирог. Это наша с тобой книга, Женя. Ее сожрут, проглотят, как голодная собака кусок ливерки, не жуя, без удовольствия, проглотят и даже не поймут, что такое они съели. Зато будут с полным желудком, начнут переваривать информацию, и вот они, новые идеи, которые поменяют, к чертовой матери, здесь все, начиная с государственного устройства и кончая последним бюрократом, который сегодня мешает людям нормально жить. Кто бы эту книгу ни написал - Зенон Позняк, Андрей Климов или сам Лев Толстой - ее не воспримут. Другой вопрос, если в одном труде соединится интеллект политика, бизнесмена и журналиста-писателя. Это критическая масса, способная вызвать цепную реакцию разума и культуры со знаком 'плюс'.

- Блажен, кто верует, Андрей. Лично у меня такой уверенности нет. Уж сколько великих книг, от Библии до 'Краткой истории ВКП(б)', было дадено человечеству, ан-нет, слабы и немощны людишки, все страстями живут да благами земными...

- Вот и давай спорить всерьез! Приводи свои аргументы, я - свои. Это позволит, как антенне, настроиться интеллектуалу на нужную волну, осознать с точки зрения людей бизнеса, политики и культуры, что в мире сейчас происходит и в каком направлении думать требуется. Это позволит ему сконцентрироваться на самой важной проблеме и осознать свое место великого архитектора в новом общественном строительстве. И неважно, кто он есть по жизни - бизнесмен, чиновник, режиссер, вахтер с кандидатской степенью, подрабатывающий к пенсии нелишние сто тысяч, неважно кто. Он поймет все и займет свое место в этом споре.

- Ты как-то сказал, что страдания не очищают, что они, наоборот, ожесточают и делают человека хуже, но ведь нынешняя интеллигенция, та, что существует реально, а не придуманная тобой, она каждый день страдает от безденежья, неосознанности собственной роли в это бурное время, невостребованная властью и обществом. Она зла и пошлет тебя с твоими нравоучениями о роли 'инженеров человеческих душ' к 'бениной' матери...

- Вот поэтому и стиль разговора у нас агрессивный, прямой, без компромиссов. Мы не навязываем, мы даже не заставляем их думать, мы просто не оставляем выбора: либо вы создаете новый разумный мир, всерьез живете, мыслите и принимаете ответственные решения, либо вы - никто вообще. Любой гнилой сифилитик и алкаш из колхоза тогда, выходит, больше разбирается в жизни, чем вы.

- Ты, Андрей Климов, хочешь сказать, что представляешь уже сейчас, как нам всем надо жить?

- Да, представляю. Просыпаюсь и говорю: 'Господи, спасибо тебе, что я могу этот день прожить. Да еще при этом режиме, в условиях мерзости и пакости нынешнего бытия, со всеми своими болячками и заморочками, в напряженной работе мысли и воли'. После этого задаю себе вопрос: 'А что ты, Климов, сделал вчера, чтобы этот день стал лучше? Какую цель ты сегодня поставил и что смог? Да, ты должен сделать много: зарабатывать деньги и достойно обеспечивать свою семью, помогать близким, родным, друзьям, глобальные вопросы решать, о мировом потеплении думать, о кометах и звездах... Но что ты сделал конкретно для самого себя, чтобы стать сильным, чтобы этот груз, который ты добровольно взвалил на свои плечи, тебя не сломал? Ты можешь нагрузить на себя столько проблем, как, например, Лукашенко? Тебе кажется, что можешь? Тогда вспомни, что не выдержал сильный и амбициозный парень из шкловской деревни этой сумасшедшей тяжести, сломался, и в тот момент, когда груз обещаний, ответственности и стыда стал невыносим, он подумал: 'А какого хрена я должен страдать один за всех? Приказывать - да, но отвечать, извините, каждый должен сам за себя'. Народ-то, выбирая сильную личность в правители, рассчитывал, что вместе с властью тот возьмет на себя и груз ответственности за благополучие общества. А он взял да и сбросил свое бремя, как гулящая девка плод блуда, на половине дороги, заявив обалдевшему народу: 'Теперь сами его несите, а я погонять вас буду, у меня кнут есть'. Только теперь больше никто никуда не бежит и даже не бредет. Общество, придавленное грузом власти, замерло в страшном напряжении... Поняли, что делать надо, интеллектуалы? Он ведь всех расплющил!>

- И меня?

- А что, ты не чувствуешь себя уродцем, персонажем мультфильма, нарисованном в двухмерном пространстве? Да, и ты, и я, и все мы - расплющенные властью уроды. Согласись, что я прав!

- Объясни как-нибудь этот бред...

- Здесь уже другая субстанция возникает - идеологическая. Это и есть та проблема, тот самый каток, которым по нам проехался Александр Григорьевич. Это как в фильме 'Матрица'. Помнишь гениальный посыл, что ложка гнется потому, что ты считаешь, что она обязательно

должна согнуться? Понятно, что дело не в ложке. Еще пример. Чтобы прыгнуть с одного небоскреба на другой, как делает герой этой картины, нужно поверить, что ты можешь это сделать. Неважно, что нормальный человек в реальных условиях никогда не прыгнет на двадцать метров, но в своем мозгу, в обжитом тобой виртуальном мире ты должен заставить себя поверить в это так, чтобы почувствовать удар от приземления, почувствовать, как заболели пятки, почувствовать, как у тебя перехватило дыхание от этого полета, которого не было... Можешь? Чувствуешь груз, который на тебя свалила власть? Его нет? Он не наш? Согласен? Ну и славно, значит, понял.

- Ты каждое утро прыгаешь по небоскребам?

- Самое тяжелое - это заставить себя поверить, что ты можешь прыгнуть. Белорусская интеллигенция, к сожалению, в это не верит и, естественно, не прыгает, да и как может полететь нарисованный человечек?

- Горе от ума?

- Да, в какой-то мере. Интеллектуал от рождения - атлант. Он родился и держит мир. Чем он отличается от колхозника? Тем, что колхозник, когда ему тяжело, идет отдохнуть, а интеллектуал никогда не оставляет своего места. Неся свой крест, умирает от разрыва сердца, от воспаления в мозгу, от злости, от падения во мрак черных мыслей, но никогда не уходит. Он от рождения атлант и умирает атлантом. Замерзает от невежества дураков, превращается в столб, но и этот столб держит мир. Вот чем мы, интеллектуалы, отличаемся от колхозников, находящихся сейчас у власти.

- Значит, как у Гитлера в 'Main Kampf>: есть сверхчеловеки и недочеловеки?

- Только сверхчеловек - это не тот, который повелевает, а тот, который несет на себе ответственность за недочеловеков. Последние имеют право бросить все, а сверхчеловек такого права не имеет. Он осознает свою миссию, и пока хоть один такой титан существует, у нас есть надежда.

- Как у Экзюпери, который понял, что, если кого-нибудь 'приручил', то за него отвечаешь?

- Да, мы все вместе держим земной шар, а там, 'наверху', пока мы его держим, эти шкловские ребята балдеют. Ведь вот в чем парадокс: Вселенной управляет тот, кто способен ее осознать. Если необъятность не способна уместиться у вас в мыслях, то для вас ее нет. Именно для вас нет Вселенной...

- Как можно представить непредставляемое?

- Мы подошли, например, к двери, пытаемся ее открыть, а она не открывается. Там бетонный столб или слон прислонился. И вот думай, что там, фантазируй, мучайся, а там обычный замок висит. Вот и все. На кой 'икс' такое мучение кому сдалось? А это означает, что наша белорусская интеллигенция еще, как ни странно, жива, коль мыслит, страдает и представляет непредставляемое.

- Понимаю, о чем ты говоришь. Скажем, человек, находясь внутри дома, пытается описать его. В принципе, можно, но весьма трудно. А стоит только выйти из дома и посмотреть на него со стороны, то за три секунды даже ребенок нарисует его.

- Пусть так, но с другой стороны, не войдя в дверь, невозможно описать внутренность дома, понять, что там есть: магазин, склад или еще что? Впрочем, можно повесить вывеску: 'Ангар', 'Магазин', 'Склад' и т.д.

- Но какую ты все же вывеску хочешь повесить, чтобы наша интеллигенция могла определиться, перед чем она сегодня находится? Перед складом, магазином или помойкой?

- Не помойка, не магазин, не гараж, а драматический театр, где ставятся пьесы, а человек смотрит на себя как бы со стороны: вот родился, вот учился, вот женился, вот умер.

- Не наделяй других своим сознанием. Что позволено Юпитеру, не позволено быку. Ты всерьез считаешь, что все так могут? Тогда скажи: что, люди не умирают?

- Ну как может умереть человек? Он меняет лицо, тело, но остается. Все повторяется: Цезарь, Наполеон, Гитлер, Сталин... Я переживаю за все, что происходит в мире. Чувствую его, не всегда понимая. Самый большой капитал сегодня - интеллект! Разрушьте его, как плотину, порадуйтесь разливу-победе, окунитесь разок в чистые струи чужого высокого разума, а потом, сильно могучие правители, ковыряйтесь в носу у высохшего ручейка, изобретайте свое колесо, только все равно оно получится у вас четырехугольным. Катите его, если сможете.

- Черта с два они его будут катить! Народ во главе с умной интеллигенцией запрягут, да еще хвастаться будут, что мы единственные в мире обладатели четырехугольного колеса в центре Европы. Правдивая картинка?

- Когда нет пассионарности сознания, нет кипения разума, преодоления стереотипов мышления, индивидуум угасает, становится примитивным, как корова: жует, мычит и тонкой струйкой из себя пользу выдавливает. А на самом деле талантливых от природы людей немало, только не надо дар Бога в себе уничтожать страхом, унынием, неверием в себя...

- Еще добавь, что гений и злодейство - вещи несовместные, и я тебя в моцарты запишу.

- Не надо в моцарты, мне и в климовых неплохо. Гений, свершивший злодейство, из этой категории уходит по определению, ему даваться небом прежних возможностей не будет.

- А Наполеон?

- А кто сказал, что он злодей?

- Да ты что! За двадцать лет правления столько народа загубил и в самой Франции, и в Европе, и в Африке! Страданий сколько людям принес... Россию вспомни, как она с этими 'шарамыгами' сражалась!

- А кто сказал, что это он воевал? Я лично считаю, что с ним воевали. Россия была страшным злом. По существу, она и тогда представлялась цивилизованному миру как 'империя зла', где процветало самое настоящее рабство.

- Исторически верно, но не делай Наполеона Бушем-младшим, который пошел на Ирак войной, чтобы диктаторский режим свалить и угнетенных иракцев освободить. Не верю!

- И не надо, но я по-прежнему не считаю Наполеона злодеем. Не стоит с позиций современного человека оценивать события двухсотлетней давности, некорректно это.

- Не темни, Климов. Наполеоновский комплекс в тебе явно присутствует. Роста ты небольшого, как и любимый тобой корсиканец. Отца своего, как и он, ты не помнишь. Воспитывались вы оба матерями, то есть без отцовской ласки и ремня. Бонапарт, правда, пошел в военное училище, а ты в пожарное, но это не принципиальное отличие. Затем его в консулы выбрали, а тебя - депутатом Верховного Совета 13-го созыва. Колись, Андрей! Зачем во власть пошел, когда с помощью своих денег ты уже был известным и влиятельным человеком? Амбиции заели?

- Амбиции в разумных пределах - вещь полезная, стимулирующая творческую и иную деятельность. Цель определяет, с каким знаком твои амбиции. Я посчитал себя готовым к политической деятельности. Мой бизнес процветал, структура работала, как часы, все было под контролем. Стало скучновато жить, захотелось чего-то новенького...

- Не смеши меня, господин депутат! У тебя что, иллюзии были относительно влиятельности нашего Верховного Совета?

- А ты, господин журналист, не путай Божий дар с яичницей! Тогдашний парламент со всеми его минусами и коноплевыми был рабочим и, как минимум, не карманным. Это потом на его месте 'палатку' построили по имени ПП НС. Иллюзий не было. Я представлял себе Верховный Совет как некую дверь, открыв которую, попадаешь в большой и светлый зал, некий храм политики, где интеллектуалы, облеченные доверием народа, определяют его будущее. Победу на выборах воспринял как первый шаг, как старт в своей политической карьере.

- С чего ты взял, что можешь заниматься политикой?

- Как тебе ни покажется странным, но благодаря бизнесу я понял, что такое политика, понял, что именно так можно управлять процессами, которые мешают развитию бизнеса. Такая ситуация существует во всем мире. Политика обслуживает бизнес. Бизнес обслуживает государство.

- Формула хоть и неверная, но очень интересная.

- Ага, ты еще самому Джону Локку будешь возражать? Он один из первых людей, кто выявил эту связь и облек ее в доступную словесную форму, сделав достоянием современной политологии и экономики.

- Похоже, ты прав. Если понял эту формулу я, не экономист, то поймут и другие. Уточни только, где здесь 'фишка'?

- Представь, что политика не обслуживает бизнес, который работает не на государство в целом, а напрямую обслуживает власть. Тогда - пример тому и наша Беларусь, и, отчасти, Россия - в обществе не решаются ни социальные вопросы, ни вопросы бизнеса. Государство, по моему разумению, похоже на предприятие, которое приносит стабильный высокий доход, обеспечивает занятость людей и возможность реализовать свои способности. Чем меньше в государстве преград для реализации каждым без исключения гражданином своих лучших творческих качеств, неважно, в какой сфере деятельности, тем более развито и богато такое государство.

- Тюрьма и суд, надо полагать, в твоей фирме-государстве отсутствуют?

- Тюрьма и суд - это нонсенс для бизнеса. Частная форма собственности - это тест. Если ты, по своей натуре, преступник, то никогда не удержишься в легальном бизнесе, разве что будешь решать экономические проблемы и разбираться с конкурентами бандитским, уголовным способом, но тогда у тебя будут большие проблемы с государством и законом.

- Какой ты белый и пушистый, Климов! Наше милое государство само погрязло в коррупции и воровстве, криминал проник во все жизненно важные государственные структуры. В экономике уже ничего не делается без 'воров в законе', да и сам Закон, как то знаменитое дышло, повернули от людей творящих к людям ворующим, причем в особо крупных размерах. Криминал пуповиной сросся с властью и бизнесом, составив, как ни печально, одно целое. Это я тебе говорю не просто так, а на основе фактов и государственной статистики.

- Пусть даже и так, но это наша страна, и надо думать здесь и сейчас, как сделать ее богатой и счастливой. Иной цели для себя не вижу. Что касается коррупции, то она есть во всех странах без исключения.

Ну, что, мой уважаемый читатель, перед вашим мысленным взором уже предстала фигура несокрушимого богатыря, архитектора жизни и мессии-спасителя несчастной Беларуси Андрея Евгеньевича Климова? Он посылает через меня, грешного, благую весть: 'Люди, вот он я, идите за мной, и вы придете к хорошей жизни!>

- Это твой портрет, Андрей, или я заблуждаюсь?

- Заблуждаешься, Евгений. Моя роль гораздо скромнее: разбудить сознание, а интеллект знает, куда идти. Интеллект способен определить свои координаты во Вселенной, а уж в обществе и подавно. Интеллектуал способен заставить себя много чего сделать, но разум человека обладает одной слабостью: он - сам в себе, а значит, способен обосновать все, в том числе собственную леность, бездействие и глупость...

- Ну вот, Остапа понесло. Только что был придуман афоризм века: 'Глупый интеллект'. Парадокс в стиле Климова. По-твоему, кто есть носитель интеллекта в нашей стране?

- Да кто угодно! Каменщик, например, который строит дом и размышляет о мире, в котором живет, о себе в нем, о звездах и солнце...

- Понимаю, этот твой каменщик имеет степень доктора наук и ушел из Академии, потому что там платят мало?

- А вот хамить нашим каменщикам не стоит! Иногда твои доктора сидят в научных кабинетах и неделями думают только о том, где достать 'вагонки', чтобы стены своей дачи обшить, а их интеллект уже плесенью покрылся. Настоящему интеллекту - а я только хотел тебе сказать, что не профессия его определяет - тесно в узких рамках, он рвется наружу, ему мало идей, мало бумаги, на которой он излагает свои мысли и проекты... Если это микробиолог, он стремится изучить мельчайшие существа, если астрофизик - к границам Вселенной, если политик, то он выходит за рамки Шкловского района и способен влиять на мировые проблемы, если это бизнесмен - он создает транснациональные корпорации... Так я понимаю, что такое интеллект. Если педагог ничему не может научить детей, если инженер ничего не изобретает, если милиционер не ловит преступников, зато лихо бьет студента, несущего плакат 'За лучшую жизнь!', то для меня эти люди не профессионалы и не интеллектуалы.

- Ну, и с кем ты останешься, Климов, если применишь такой отбор? У Христа было двенадцать учеников-последователей, у тебя будет меньше...

- Я останусь с теми, кто прочтет и поймет эту книгу, этим я исполню свой долг. Мне не нужен 'Манифест Коммунистической партии', к черту 'Войну и мир', к черту мудрость веков! Давайте о сегодняшнем поразмышляем, и пусть эта плохая книжонка никому не понравится, только бы пара толковых мыслей, пара свежих идей в двух-трех головах мелькнула, тогда задача ее будет выполнена. Тогда пусть всего несколько умов начнут создавать новый мир, и они будут говорить на одном языке, языке интеллекта... На самом деле даже критика этой книги объединит, пусть на короткое время, многих людей, способных мыслить. Вот тебе и искра в карбюраторе, а горючей смеси общих проблем у нас имеется в избытке...

- Знаешь, Андрей, на кого ты сейчас похож? На Данко, который вырвал из своей груди сердце, залез на броневик и рассказывает вооруженным матросам и солдатам, что надо взять Зимний дворец, а за ним уже виден земной рай, где будет много еды и других удовольствий. Было уже все это! Включение российского интеллекта привело к большевизму. И во что выродились твои интеллектуалы? Интеллигенция - это прослойка, которая во все времена и у всех народов

находилась между властью и массами. В лучшем случае носители интеллекта уходили во власть, в худшем - в массы. Масло между трущимися поверхностями - это и есть интеллектуальная прослойка общества, а ты наделяешь ее чертами Творца. Не на ту лошадку ставишь!

- Совковые размышления. Понятие прослойки придумали коммуняки, а ты как продукт своего времени не можешь отказаться от старых догм. Классовое общество придумали Маркс и Энгельс, а попытались построить Ленин и Сталин. На самом деле борьба классов - чушь собачья. Борются 'шариковы' против <преображенских', интеллект - против животных инстинктов, человек творящий - против человека разрушающего. Вот и все... Никого не надо заманивать в классовое общество: там тесно и пахнет диктатурой, там тобой будет руководить не мудрец, а болтун, убедивший большинство, что он их осчастливит, а потом кнутом загнавший и поверивших, и неповерившихв дерьмо скотного двора.

- Ты хочешь сказать, что интеллектуалы сегодня не обслуживают ту самую власть, о которой ты так красочно рассказываешь?

- Обслуживают, и что? Почему ты сразу подразумеваешь, что это носит подчиненный характер? И еще, разве была альтернатива ныне существующему режиму? Разве вина интеллигенции, что они ее не увидели?

- А если бы увидели, то что, воспротивились бы?

- Боже упаси призывать граждан к смене ныне правящего режима! По колено в крови стоять будем, но ничего к лучшему не изменится. Только на основе закона, путем выборов должна смениться власть. Это произойдет, если председатели избирательных комиссий всех уровней не смогут, побоятся, не захотят подтасовывать результаты волеизъявления народа, и это будут знать все.

- Ты знаешь, как приблизить сей светлый час?

- Мы и наблюдаем в нашей стране хаотическую, неорганизованную стихию жизни, которой мысль не придала стройной системы, потому что и сам интеллект у нас должным образом не сформирован.

- Так ты что, явишь сейчас афоризм, от которого все разом поумнеют?

- Эта книга и есть тот самый афоризм или, во всяком случае, побудительный момент к тому, чтобы он очень скоро появился, только интеллигентский скулеж по поводу собственной слабости надо прекращать.

- Так научи, как стать сильным, когда на самом деле ты слабый?

- Знаешь, почему ты слабый? Потому что ходишь вокруг своего стола-интеллекта и плачешься на свою бедность, а в одном из ящиков миллиарды долларов лежат. На всех бы хватило, да только ты, убедив себя однажды, что там ничего нет, ленишься этот ящик открыть.

- К сожалению, чистый разум благих побуждений помещен в оболочку грешного тела, которое в первую очередь заставляет обслуживать себя, а уж потом, если останутся силы, решать глобальные проблемы. Идеалы, как правило, подчинены личным интересам.

- Вот сейчас, когда мы с тобой об этом размышляем, мы являем собой часть чистого разума. Разве не так? Ты что, в эту секунду о колбасе думал? Вот и ответ на твои сомнения. Разве другие не смогут сделать то же самое? Так при соединении в определенных условиях двух

частей плутония возникает цепная реакция деления ядер с выделением большого количества энергии. В нашем случае - интеллектуальной энергии.

- И эта энергия, создав на тонком плане некую сферу мыслей-образов, будет влиять на процессы, происходящие в материальном мире?

- Нет, она будет передаваться от человека к человеку.

- Как долго?

- Время придумал человек, но его на самом деле нет. Все повторяется, меняются образы, а люди, те же самые, остаются вечно. Сделай первый часовщик единицей времени не секунду, то все возрасты, столетия, старая и новая эры - все полетело бы к чертовой бабушке...

- Если человек не умирает, то чем нас может запугать власть? Если нет смерти, то нет и страха смерти, на котором держатся короли, президенты и первые секретари ЦК. Тогда какая сила сохраняет власть?

- Если отбросить систему предположений и доказательств, то скажу коротко: это Бог.

- Ага, оказывается, в тюрьме ты сидел по воле Бога?

- Нет, в качестве посредника между Богом и людьми выступает писаное право, тот самый закон, которым мы пользуемся. Так вот, это писаное право было нарушено теми, кто его должен беречь как зеницу ока, оно было нарушено следователями, судьями, прокурорами, которые с помощью преступного сговора сфальсифицировали уголовное дело Андрея Климова. Кстати, их наказание, как и всех, кто участвовал в государственном перевороте 1996 года, еще впереди, и оно неотвратимо.

- Вендетта продолжается, око за око, зуб за зуб?

- Наоборот. Кровная месть прервется, потому что судить надо воров, взяточников, убийц, тех, кто совершал подлоги, должностные и иные преступления. Политиков же - а Александр Григорьевич пусть и слабый, но все-таки политик - трогать не следует. Его выбрали люди, народ, и переизбрать его должны они же. Чиновникам мы не дадим его судить, это дело интеллектуалов.

- По-твоему, интеллект стал основным капиталом прогресса?

- Да, если это интеллект уровня 22 века, то он и создает общество 21-го.

- Бедные правители. Ведь интеллект нельзя захватить силой, его не купишь ни за какие деньги и не передашь по наследству. Даже сто умных советников при царе-полудурке не сделают его умным, а страну - процветающей. Изменилась система ценностей, и назад, к социализму, возврата нет...

- Смотря что считать ценностью. Я лично считаю, что стабильность и нахальство, свойственное людям сильным. Надо громко, без ложного стеснения сказать, что ты хочешь. Все это услышат и поймут тебя. Тогда никто не потащит тебя силком к лучшей жизни, а ты пойдешь туда сам.

- То есть каждый выбирает себе жизнь по средствам, ту, за какую сможет заплатить?

- Не надо, я прожил четыре года в системе координат, где деньги не играли никакой роли. Там действовала система услуг, причем безотказно действовала.

- Понятно. Эквивалент труда - деньги, эквивалент денег - услуги, т.е. завуалированная система власти, а что есть эквивалент самой власти?

- Эквивалент власти будущего - интеллект, осознающий бремя власти и ответственность за судьбу, извини за высокопарность, Вселенной!

ШИЗО АНДРЕЯ КЛИМОВА

(Шизо - *штрафной изолятор, своеобразная тюрьма в тюрьме, где запрещены прогулки, а еда состоит из хлеба и воды*.)

- Странный ты человек, Андрей! Сам пострадал от власти, а защищаешь ее, как мать родную. То ли дело я: живу, как воздушный шарик, который летит по воле ветра. Ведь можно сопротивляться событиям, человеку, даже судьбе, а можно - не выставлять локти и кулаки, а использовать энергию нападающего для победы над ним. Эдакое айкидо. А власть для меня практически любая - высшая форма гнусности, и неважно, кто там наверху - гениальный Наполеон, бесноватый Гитлер, тиран Сталин или обожаемый народом Хусейн, который свою страну под бомбы ради своей власти подставил. А любимая тобой демократическая Америка этими самыми бомбами женщин и детей иракских убивала, чтобы весь народ к 'лучшей' жизни насильно притащить.

- Я и не говорю, что они сверхпорядочные и сверхдобродетельные, но цель благая - тирана 'замочить'...

- Даже если не созрел народец для освобождения?

- Да, он больше созрел для коммунистов. Поэтому не правы те люди, которые говорят, пользуясь жалостью к жертвам войны в Ираке, что диктатора силой убрать нельзя.

- А ты считаешь - можно?

- Можно, если по-другому не получается, если на десятилетия растягиваются страдания народа, если инакомыслящих убивают, если права человека ни в грош не ставят. Тогда разумно поставить своего временного прокуратора над Ираком. Не думаю, что это сразу облегчит жизнь людей, но подготовкой к демократическим преобразованиям может стать; главное, интеллектуальную элиту и подрастающее поколение на свою сторону привлечь. Да еще тюрьмы и памятники Хусейну оставить как музеи, чтобы помнили о том, что было.

- Ты еще скажи, что и у нас расстрельную комнату на Володарке надо в музей превратить? Представляешь, приходят иностранцы в веселенькое такое зданьице с башенками, а им гид говорит: 'Вот здесь, на втором этаже, тот самый Климов сидел, а в подвале врагов народа расстреливали из пистолета, о котором полковник Алкаев рассказывал. А вот и тот самый 'макаров' с глушителем, возможно, им особо опасных государственных преступников Захаренко с Гончаром убивали...' Поверь, что страдания невинно убитых рано или поздно падут на головы убийц, возмездие неотвратимо. Тиран, он везде тиран, и суд над ним неотвратим. У нас то же самое будет. Спорим?

- Сколько пафоса, аж плакать хочется. Я лично 'расстрельной комнаты', по счастью, не видел, но по коридорчику смертников ходил, под конвоем, естественно. Психологически это, конечно, тяжело, но люди ко всему привыкают. Что до тиранов наших доморощенных, то их в Беларуси нет, и никогда не было. Народ не тот.

- А нынешний правитель?

- Да какой он тиран? Обыкновенный президент, слабый, неуверенный в себе. Ему далеко до тирана. Да и белорусы не такие уж 'памяркоуныя', какими их рисуют. Вспомните, как нас

давил советский режим, и ничего, выжили. Черта с два кому удастся здесь войнушку развязать!

- Хочешь сказать, что наши традиции не позволят натворить глупостей, как в Чечне?

- Историки, конечно, будут со мной спорить, но я считаю, что прообразом Европейского союза была Речь Посполитая, с ее свободными белорусскими городами, пользовавшимися 'магдебургским правом', с ее политическим и экономическим превосходством над Московским княжеством. Потом Белая Русь стала колонией Черной Руси, но все равно осталась осколком Великого Рима, наследницей Византии.

- Ага, шовинизмом 'тутэйшим' запахло?

- Нет, нормальным патриотизмом. У нас гораздо меньше дураков и 'отморозков', чем в России, даже в процентном отношении. Мы - стопроцентные европейцы и всегда жили в Европе как в географическом измерении, так и в культурной среде. И спасибо СССР, в котором была БССР, член ООН и ЮНЕСКО. За 70 лет мы осознали себя белорусами, мы осознали себя страной. Неважно, что независимость была чисто условной, де-факто, но де-юре и в сознании людей Беларусь была страной-победительницей фашизма, гордой и свободной. Да, с русскими мы братья, но каждый сам по себе. У нас своя история, своя столица, свой парламент, даже своя коммунистическая партия была, со своими идеологическими лидерами, Машеровым, например.

- Ты что, Андрей, русофоб?

- Ну уж не русолюб. Дикий они народ, и наполовину азиаты к тому же. А это и в бизнесе чувствуется, и в культуре. Тщеславные больно в своей массе, особенно москвичи.

- А ты вообще-то белорус?

- Да, родился и всегда жил в Минске, а по происхождению - из дворян. Только это совершенно не важно.

- Легко ты переносишь себя на другой уровень? Погончики маршальские собственного изготовления надел и 'кируй' кем захочешь, ваше благородие.

- Надо всегда и везде быть самим собой и не позволять 'комбайну дураков' от власти выкосить твое интеллектуальное поле. Макиавелли научил властителей всех калибров этому правилу. Именно этим и наш президент пользовался. Почему он подчинил себе команду, которая с ним теперь работает? По одной простой причине. Они, по сути, по характеру - такие же, как он, но помельче, не дотягивают до его уровня, поэтому столпились вокруг.

- Давай от власть имущих вернемся к интеллектуальной элите. Мы ее оставили с тобой возле странного здания под названием 'Театр'. Зачем тебе искусство?

- Потому что это камертон, который очищает души от всякого дерьма, в том числе исходящего от власти. Потом бывает так сладко и так грустно, или, может быть, так горько и так весело, что хочется вновь и вновь к этому странному источнику приходить и пить его колдовскую воду.

- Тут ты, мой уважаемый экс-буржуй, экс-депутат и экс-зэк, абсолютно прав. Потому что на сцене даже самые кровавые представления заканчиваются тем, что убийцы и жертвы, обманутые и обманщики, короли и нищие выходят в обнимку на сцену, все они живы, им дарят цветы, а ликующий народ, преимущественно женского пола, бросает в воздух чепчики и кричит 'браво'.

- Да, это хорошо. Вот поэтому я хочу, чтобы был театр, чтобы все эти страсти человеческие, эксперименты экономические проводились в мозгах. Чтобы мы не были подопытными кроликами ни для диктаторов, ни для реформаторов, ни для церкви.

- Это мы уже начинаем строить Город Солнца, город-мечту, сладкую утопию, которой в принципе быть не может, пока 'не убий', 'не укради', 'не возжелай' из книги не перешли в мозги. Посмотри на наших людей! Если ты встретил на улице улыбающегося человека, то он либо псих, либо иностранец. Мрачные какие-то!

- И хорошо! Это показывает, что люди озабочены своим положением, они его осознают, их волнуют вопросы будущего. Пока они не знают, что делать, но ценно то, что хотят знать. Потому и лоб наморщен.

- Ты считаешь: чем хуже, тем лучше. Тем быстрее наберется критическая масса, за которой последует цепная реакция и взрыв?

- Я не сказал, что чем хуже, тем лучше. Это наше состояние. Что такое 'хуже'? Это когда мы понимаем, что нам хуже. Если мы считаем, что это нормально, то нет причин переживать.

- Так вот куда ты повернул?! Если применить некое внушение, то ли 25-й кадр, то ли некий психотропный препарат, то... всем станет хорошо, все заулыбаются...

- Нет. Я хочу создать гиперреальность, то есть усилить мрачное настроение, заострить внимание на главных проблемах. Что такое задача? Сам факт ее постановки предполагает решение. Задача не ставится сама по себе. Вот и я хочу поставить задачу. Как только она будет известна, будут известны причины тех или иных событий, сразу на поверхности окажутся все возможные варианты решения. В данном случае нельзя давать рецептов.

- Ага, ты не хочешь каждый день носить голодным рыбу, а хочешь дать им удочку?

- Люди достаточно умны, чтобы понять, какие есть решения. Вот и все. Сколько бы мы ни говорили, что надо идти на площадь или надо все решать на выборах или еще каким-то образом - это бесполезно. А зачем? Люди не понимают, зачем.

- Лавры профессора Преображенского не дают покоя? Ты хочешь внушить, что разруха начинается в головах, а не в сортирах.

- Невозможно понять, что такое сыр, если ты его ни разу не попробовал. А если это к тому же 'Рокфор' со специфическим запахом и плесенью? Человек его непременно выкинет, потому что 'запах мужских носков недельной носки> у не знающих божественный вкус этого продукта может вызвать только отвращение. Вот такое же отвращение у народа ко всяким непонятным ему прожектам. Воняет!

ПОКАЯНИЕ ИЛИ ВЫПЕНДРЕЖ?

Нас никто не слышал, потому что вокруг никого не было, но Климов орал, как плохой актер на сцене. Он ходил передо мной взад-вперед с профессорским видом, важно указывая перстом виртуальным слушателям. Так как наша встреча проходила в Русском театре, то, скорее всего, мне так кажется, я в этом почти уверен: он обращался ко всем тем, кто когда-то здесь внимал высокому искусству или еще будет внимать.

- ...Я корю себя, что свои 38 лет угрохал впустую! Я не дал вам возможности ни реализовать себя, ни наслаждаться жизнью, ни почувствовать себя гениями! И это при том, что я живу благодаря таким, как вы, интеллектуалам, гениям! Потому что ради того, чтобы прочитать то, что вы пишите, увидеть то, что вы ставите, использовать автомобили, которые вы изобретаете, наслаждаться всеми благами цивилизации, которые вы сотворили... и живет

человек. Я не понимаю, есть Бог или нет? Как он мог допустить, что такие люди, как вы, перестали верить в себя, унизились и измельчали? Если вы, соль земли, архитекторы жизни, сегодня такие, то что говорить о состоянии духа и мыслей простых людей! Что мы положим в эти мозги, кроме тошнотворной и омерзительной реальности? Чем больше вы, гении, теряете опору в этой жизни, тем меньше у таких, как я, шансов выжить и не потерять себя.

Аминь!..

Климов:
Иногда в моем воображении, когда реальные события накладываются на что-то, давно сидящее в памяти занозой непонимания, вдруг возникают до удивления ясные, простые решения...

- Так ты говоришь, она круглая, да еще и вертится?

- Да, Ваше Преосвященство, - голос монаха дрожал, ему казалось, что сейчас он признается в измене.

- Странно,- сказал Святой отец и погрузился в раздумье. Как все просто оказывается в этом мире. Стоит засомневаться пытливому уму в истинности и непоколебимости привычных вещей, как сразу же находятся не только опровержения царивших до сего дня постулатов, но и убедительные доказательства существования новых, которые, конечно же, со временем так же будут признаны заблуждением...

Удивительная вещь - диалектика. Когда-то он мыслил так же, как этот молодой ученый, который наверняка возомнил себя гением. Гении - это не те люди, которые доказали, что до сегодняшнего дня мы были дураками, а те, кто заставил нас согласиться с этим. Неужели он должен согласиться с этим монахом? Разумеется, не сделает этого он, сделает кто-то другой. Только вот когда? Может, не спешить?

- Мир неизменен, он существует в том виде, в котором его создал Бог.

- Однако моя теория не отрицает творений Господа, земная твердь, твари, населяющие ее, человек - все продолжает существовать и жить по Его законам...

'Если бы все подчинялось только законам! - подумал Святой отец.- Тысячи самых опытных проповедников бессильны перед человеческими слабостями. А самой сильной нашей слабостью является страх смерти. Кто заставит людей не бояться смерти, тот овладеет их разумом; кто заставит людей поверить в то, что смерть есть не что иное, как Врата рая, тот овладеет их сердцем. Те же, кто пугает людей земными карами, в лучшем случае завязывают им глаза, а в худшем - ослепляют разум'.

- Человеку не дано проникнуть в замысел Божий.

- Я не ставлю под сомнение промысел Божий, я лишь углубленно изучаю все, что создано Его руками, - ответил монах.

'Интересно, - подумал Святой отец, - кого больше возмутили бы его слова - священника или простого смертного? Люди так привыкли к постоянству, что уже боятся перемены погоды, а он хочет, чтобы они изменили свое представление о мире. Глупый народ, они даже не подозревают, что эта страсть к пресловутому постоянству приучает их смириться даже со своим рабством'.

Святой отец взял со стола перо и поднес его к пламени свечи. В ноздри ударил знакомый запах паленой плоти.

- Так ты говоришь, она вертится?

- Да, Ваше Преосвященство...

Святой отец поманил монаха пальцем и на ухо, почти не слышно, сказал:

- Больше никому не говори об этом...

ГОРОД, КОТОРЫЙ Я ПОТЕРЯЛ

Мне стало в моем городе как-то тоскливо и неуютно. Стали чужими улицы, куда-то попрятались добрые знакомые, съехали с проспекта троллейбусы. Город стал чистым и чужим. Даже голуби не слетаются на центральную площадь, словно не узнают ее. Дворец, шедевр советской архитектуры, сделал ее скорее частью кремлевского двора, чем милой минской площадью, где была клумба, гуляли дети, а очень давно стоял памятник великому вождю советского народа.

Впрочем, это совсем не важно, какие стоят дома и даже кто в них живет. Куда-то исчез городской дух и ни с чем не сравнимое ощущение того, что ты - часть чего-то большого, что это твой город, и ничей больше.

Нас 'уплотнили' примерно так, как когда-то в большие квартиры интеллигенции вселяли пролетариев, оставляя хозяевам самую плохую комнату. Жить становилось неудобно всем, плохо пахло, исчезали калоши, было тесно и противно.

Культура и манеры коренных жильцов неминуемо входили в противоречие с привычками вновь заселенных, но последние всегда побеждали, потому что именно они были гегемоном, сильным и некультурным.

Я потерял свой город...

- Климов, это твой город?

- Это больше, чем город, это мой большой дом. Мне кажется, что это я его построил. Здесь, в Минске, сила Беларуси, ее интеллект, ее традиции...

- Ты потерял свой город?

- Незаметно, не сразу. В тот момент, когда по-настоящему его обрел, тогда и потерял. Да, в памятном 94-м сюда переехал райцентр. Потом, через несколько лет, меня силком выволокли из моего дома, из моего города. Я не покинул его географических границ, оказавшись на Володарке, но я уже был не в Минске. Среди персонала тюрьмы я не увидел ни одного минчанина. Даже начальник тюрьмы оказался приезжим.

- Лимита, говоришь?

- Нас, минчан, там не любили больше всего. С каким остервенением они на меня набросились! В этом 'шкловском' вытрезвителе нас, 'не своих', воспринимали как злейших врагов, нам внушали, что хозяева - они, а мы - бомжи. Мы, оказывается, в их город приехали, как когда-то на сельхозработы по разнарядке председателя колхоза.

- Горожанин в твоем понимании - это кто?

- Коренные горожане - это цветы в палисаднике, а не морковка на грядке, они украшают жизнь. В них тонкость, ощущение прекрасного и, конечно, ум, интеллект...

- Красиво говоришь. А нынешние жители Минска - они тоже цветы?

- Да, скошенные. Некое сено, которое пошло на корм скотине, на подстилку в хлеву. По ним топчутся, на них испражняются, а потом, когда получится вторичный продукт, потихоньку в землю закапывают. Собственно говоря, варвары вошли в Рим.

- Мы что, восприняв чуждую себе культуру, становимся мутантами?

- К сожалению, идет процесс вырождения. Цивилизованный путь развития искривился. Сегодня мы все в тупике. Нас затолкали, заманили, загнали в некий ящик, где мы не перестали расти, но пространство-то ограничено. Вот и появляются 'китайские уродцы' с искривленными позвоночниками, маленькими ножками, тоненькими ручками - придворные карлики, шуты...

- Деревня захватила город?

- Не деревня. Крестьянство всегда было нравственным и умным. В нем живет великий человеческий дух. С него началась цивилизация, они ее гаранты...

- Ага, сельская аристократия. Землю попашут, попишут стихи, посмотрят на звезды, пофилософствуют... Проснись, Андрей! Спились они, эти твои дети земли и неба! Пацаны в деревнях самогонку пьют с дошкольного возраста! Мужики от этой 'соски' до смерти не отрываются, деградируют, превращаясь в недочеловеков, мрут как мухи, не достигая пятидесяти лет. На земле работать никто не хочет и уже не может. Единицы остались с мозгами. Да и те норовят в город податься, в менты или на стройку, а то и дворниками: там квартиру через пять лет дают. Но больше всего их оказалось, как ни смешно, в начальниках!

- Это ты не про деревню, это ты про колхоз говоришь. Колхоз захватил город! Во время оккупации немцы, издеваясь над чувствами горожан, в красивейших зданиях устраивали конюшни. А теперь? Что сказал президент во время недавнего выступления своим чиновникам и депутатам? 'Не хрюкайте у кормушки!' А где обычно хрюканье раздается? Правильно: в свинарнике. Какие еще нужны сравнения?

- Ну, не надо уж так. Город у нас чистенький, ухоженный, плиткой тротуары выложены. Праздники, опять же, по несколько раз в год отмечаем. Заметь: города, а не деревни...

- Города? Да это настоящие колхозные свадьбы, когда идет массовая пьянка, а потом драки с мордобоем! Загаживают парки, скверы, набережные! Где жрут там и... Зайдите после этих праздников в подъезды близлежащих домов! Воняет мочой, как на скотном дворе! Да это еще что, черт с ним, уберут. А вот люди, молодежь? Они ведь у себя поведенческий стереотип вырабатывают. То, что видят, и считают праздником. Они ведь потом точно так же будут праздновать. Вспомните девочек, погибших на Немиге! Они погибли, как заложницы оккупантов-колхозников. Не хрюкайте у кормушки! Колхоз в нашем городе, нищий колхоз! Только там председатель творит, что хочет: кому-то даст коня, а тому, кто не угодил, - нет. Только он один может плевать на сельсовет и разогнать собрание колхозников, хотя по уставу - они хозяева, они избирают председателя. Вспомните, как переделали Конституцию, как Верховный Совет разогнали, как результаты выборов подтасовывают! Все делается по-колхозному!

- Неприглядную ты нарисовал картинку, хотя не согласиться трудно. Только не начинай любимую песенку про интеллект, который вернет городу его истинное лицо. Что прямо сейчас сделать можно?

- Перенести столицу страны из Минска в Шклов. Извлечем из этого множество выгод. Во-первых, сохраним генофонд города, если колхоз вернется в места своего прежнего обитания.

Правда, и об этом стоит сказать прямо сейчас, в материальном плане Минск сразу же потеряет. Рабочие места в министерствах и ведомствах, других чиновничьих кормушках сократятся почти до нуля. Любимой милиции сразу станет меньше, парады прекратятся. Перестанут ледовые дворцы строить, и на президентский кортеж по утрам не удастся поглазеть. Зато новую столицу отстроят. Никаких митингов и демонстраций там не будет, потому что жить в ней будут те самые колхозники, которым все нравится, которые привыкли и к всесилию председателя, и к селекторным совещаниям, и к хамству, а главное - им разрешат хрюкать у кормушки. От этого выиграли бы все: и шкловчане, и минчане. И никакого тебе интеллекта...

- Говоришь, что смычка города и деревни, о которой так долго мечтали большевики, произошла?

- Да, но весьма своеобразным способом. Невежество зажало интеллект в тиски и теперь может в нем сверлить дырки, распиливать ножовкой, плющить молотком, то есть обрабатывать.

- Сильно умный горожанин поднял лапки перед тупым колхозником. Ты это хочешь сказать?

- Ты то же самое сделаешь, когда бандит пистолет тебе под нос сунет.

- У тебя что, ностальгия по доброму, старому нашему Минску?

- Я люблю свой город, как может его любить коренной минчанин. Даже запахи <скотного двора', перебивающие сегодня благоухание цветов в парках и скверах, не могут заставить относиться к нему плохо. Правда, из цивилизованных стран к нам почти перестали ездить, и в огромном международном зале аэропорта <Минск-2' на стульях сидят... только мухи, да и то местные.

- Насколько я помню, ты в парламент избирался в одном из округов Минска. Надо полагать, из-за той самой любви к своему городу?

- Скорее из осознания того, что претендующий на будущее политик должен избираться в столице. Это как высшая лига, пройдя которую можно считать себя состоявшимся игроком за шахматной доской политической игры. Против меня были и БНФ, и коммунисты, и социал-демократы. В моем округе было 17 кандидатов...

- То есть тебя выбрали беспартийные минчане, несмотря на то, что ты буржуй?

- Они увидели во мне своего: по мыслям, по духу, по языку, по одежде. Это умные и сильные люди.

- В провинции живут другие?

- Провинция - это большая воинская часть, где все происходит по приказу и строем. Кругом казармы, плацы и полигоны. Не хочу сказать, что на периферии глупые люди, но именно столица собирает самых сильных и самых умных. Быть гражданином Рима - значило управлять миром. В нашем случае то же самое, только в масштабах Беларуси. Лукашенко стал президентом в основном благодаря минчанам. Им, уставшим от коммунистической номенклатуры, от двойных стандартов, от глупости, от невнимания к интеллигенции, захотелось сразу решить все свои проблемы через президентскую власть. Они ее наделили свойством западной демократии, не подозревая, что ведут к себе домой коммунистический колхоз в красивой упаковке.

- Минск, по твоим словам, - нечто отличное от остальной страны?

- Да, это мозг, это центр, это пятая часть населения, это наука и промышленность. Только не надо упрощать, потому что в Минске представлены все регионы страны, но их представители ассимилировались, переплавились, стали минчанами...

- Ах, какой ты гимн пропел минчанам, вероятно, забыв, что несколько раньше с тем же пафосом говорил, что они - скошенные цветы, втоптанные в дерьмо и ставшие навозом.

- Да, здесь есть противоречие. Да, умные люди тоже ошибаются. Но следует понять, что этот город дал деревенскому пареньку Саше свою силу, только в Минске он стал политиком, известным в мире, без него он - никто.

- Красиво излагаешь, да только Минск - пусть и важная, но лишь часть страны.

- Конечно, я не стараюсь его обособить, тем более, что он пуповиной прирос к деревне. Нищие и голодные минчане везут от своих деревенских родственников мешками бульбу, сумками - 'шкварку', бутылями - 'чарку', выполняя идеологическую установку своего президента.

- Значит, настоящие хозяева-кормильцы живут не в столице?

- Хозяева - это те, у кого есть собственные дома. Дом дает человеку уверенность, обязывает быть ответственным за свою семью, заставляет проявлять инициативу: хотя бы покрыть крышу, привезти топливо, починить забор... Они, эти люди, и есть тот слой частных собственников, которые способны повернуть страну на путь рыночных преобразований, они готовы к этому, они знают радость труда на себя, когда все, что ты сделал - твое, а если не сделал, то сам и виноват.

- Что же надо нашим сельчанам, чтобы они стали богатыми и счастливыми?

- Отдать долги и оставить их в покое. Землю за почти сто лет истощили донельзя! Надо делать ее плодородной, а это - труд, любовь и деньги. Причем землю надо отдать тем, кто извлекает из нее доход, то есть перевести ее в частную собственность. Сознаюсь, что иногда я, горожанин от века, мечтаю о маленьком домике в деревне, о труде на земле, об учительстве в сельской школе...

- Премиленькая пастораль, только овечек на зеленом лужке и тебя с флейтой не хватает. Идиллия, да и только. Проснись, на дворе информационная революция, а ты в медвежий угол забиться хочешь. Или это планируется в виртуальном мире?

- А на кой 'икс' человеку столько информации? Он ее не может осмыслить даже, а уж воспользоваться и подавно. Тебе информация нужна, чтобы убить с ее помощью время, получить знания, поразмышлять, глядя в телевизор, с интересным собеседником? Излишек информации блокирует мозг неподготовленного человека. Он не может полученные знания перевести в новое знание, то есть освоить, сделать полезными. Лучше уметь хорошо жонглировать тремя шариками, чем пыжиться справиться с пятью и все их уронить.

- Я тебя понял, Андрей. Минск - третий Рим, и скоро легион за легионом пойдем завоевывать мир?

- Ты недалек от истины. Президент, возомнивший себя генералиссимусом и даже сшивший себе подобающий случаю мундир, мечтает о глобальной войне. Только вот сил нет. Слава Богу, что у власти осталась... только ностальгия по атомной бомбе, а не сама бомба. Тем не менее, из президентского дворца явственно исходит угроза войны, если не с внешними врагами, так с внутренними. Общество уже раскололось на тех, кто ненавидит Лукашенко, и тех, кто ненавидит его ненавидящих. Раскол идет уже по семьям, по душам, в конце концов.

Ты за него или против? Если против, то ты уже не имеешь права работать в государственных учреждениях, потому что ты не поддерживаешь национальную идеологию! А что же это за идеология? Это - он! Он - наше национальное достояние, и другого нет и не будет! Не создавай себе кумира? Тогда тебе не место на государственной службе. Теперь страну что, по примеру Ивана Грозного, надо делить на земщину и опричнину?

Я вам сейчас умную мысль скажу, которую украл из одной большой книги. Так вот, согласно учению дао, лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает... Вот так: каравай, каравай, кого хочешь - выбирай!

Климов:
Любая дорога в городе ведет к базару; самый большой рынок в городе у самого большого и почитаемого храма. Люди привыкли овеществлять свои душевные порывы. Каждому поступку соответствует определенная покупка, которая является итогом их насущных потребностей и повседневных устремлений.

В своем желании провести аналогию между мыслью и материальным они дошли до того, что даже богов изображают согласно своему образу и подобию. А раз боги похожи на нас, значит, они и мыслят, как мы, значит, понимают наши чаяния и скрытые желания. Остается совсем не много до того, чтобы человек возомнил из себя Бога и сделал храм обычным домом с кухней и отхожим местом.

- Почему вы торгуете своим барахлом в храме?- спросил Иисус у торговцев.

- Здесь не печет солнце в затылок, - засмеялись торговцы.

- Разве люди не приходят сюда молиться? - спросил Иисус.

- Да, приходят - они молятся на наш товар. Смотри, как они низко кланяются, рассматривая красивые ткани, дорогие украшения, - смеялись торговцы.

- Они, наверное, как и вы, забыли о Господе, - сказал Иисус.

- Нет, они не забыли о Боге. Когда они идут на базар, то обязательно кладут его в свой кошелек, - смеялись торговцы.

- И вы не боитесь Божьей кары? - спросил Иисус.

- О, еще как боимся! Поэтому-то мы и спрятались от нее в храме, - смеялись торговцы.

- Неужели в этом городе уже никто не поклоняется Богу? - спросил Иисус у людей.

- Разве можно молиться в храме, который превратили в торговую лавку? - крикнули из толпы.
- Нам не дают общаться с Богом...

- Почему же вы позволяете торговцам издеваться над вами?

- Они подкупили римских легионеров, и те охраняют храм как какой-то склад.

- Но кто подкупил вас?

- Никто.

- Значит, вам нет выгоды от этого святотатства?

- Нет, нет...

- Значит, вы не забыли Господа?

- Нет, не забыли...

- Если вы не забыли Бога, значит, он помнит о вас, - сказал Иисус.

- Верни нам храм, Иисус! - стенала толпа.

- Храм здесь, он где был, там есть и там будет. Я возвращаю вам не храм, а вашу слабость, чтобы вы унесли ее отсюда прочь, туда, где ей место - на базарную площадь у подножия храма. - С этими словами Иисус стал выкидывать из храма вещи торговцев.

На мгновение они оцепенели от такой дерзости, но потом бросились на Иисуса с кулаками. Несколько человек вступилось за него.

- Кто ты такой? - кричали торговцы, брызжа слюной от злости.

- Верующие узнают меня по моим поступкам, а для вас я - всего лишь тот, кого вы сейчас ненавидите, - ответил Иисус.

- Разве ты не знаешь, что нам покровительствует сам Прокуратор? - не унимались торговцы.

- Нам всем покровительствует только Бог, - ответил Иисус.

- Ты будешь наказан! - кричали торговцы.

- Бог карает грешников, - ответил Иисус.

- О каком Боге ты говоришь? Здесь вся власть у римлян...

- Вся власть на земле у Бога, - сказал Иисус.

- Ты преступник! - кричали ему торговцы.

- Преступник - тот, кто переступает порог храма с греховными замыслами и не покаялся...

НЕ В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ?

Правильно, а в их количестве. Тогда, в радостные времена разгула бизнеса в нашей стране, каждый более или менее инициативный человек пытался совершить выгодную сделку. Я даже продал как посредник 'МАЗ' и заработал кучу денег, которую тут же превратил в удовольствия.

Позже, будучи обладателем тысячи 'баксов', отдал их в рост и наварил за год три, получая вполне приличный ежемесячный процент. Со мной вместе в этой компании ростовщиков оказались весьма известные солидные люди, даже из кругов высшего чиновничества. В одно несчастливое утро эта 'пирамида> рухнула, похоронив наши надежды на 'стрижку купонов' и сытую буржуйскую жизнь.

Встречая сегодня своих товарищей по несчастью, я узнаю, что никто из них больше не поднялся, а тот, кто нас ограбил, уже отсидел и живет в собственном коттедже где-то под Москвой...

- Андрей, а что в твоей жизни значат деньги?

- Я так долго нуждался в них, что, когда они появились, то уже не были деньгами в прежнем их значении.

- Не блефуй, Климов! Ты, который в юности не мог пойти на дискотеку и купить себе пирожок с ливером, получив деньги, не знал, что с ними делать? Куда ты дел свои первые заработанные сто 'баксов?

- Их было не сто, а сто пятьдесят, и я их не потратил. Честно говоря, я был удивлен, что смог их заработать. Стал копить...

- Что значит 'копить'? Не в чулок же ты их складывал?

- Именно в чулок, вернее, в ящик стола. Потом, когда денег стало больше, понял, что могу открыть более серьезное и прибыльное дело. Боялся тратить. Жил, как привык, на зарплату пожарного инспектора, той должности, с которой ушел в бизнес. Все, что зарабатывал, вкладывал в свое предприятие.

- Понятно. Деньги должны работать и давать большие деньги. Ты это понимал и не хотел пускать их на ветер, то есть на удовольствия?

- Вначале так и было, но потом деньги уже не имели никакого значения. Имело значение время и концентрация ума. Это давало возможность зарабатывать еще большие деньги и вкладывать их в разработанные тобой проекты, это ни с чем не сравнимое удовольствие, особенно, когда приходит успех. На это я их и тратил.

- Ты мне еще скажи, что не ходил по дорогим кабакам, девушек валютных на ночку не снимал, не пьянствовал и не роскошествовал?

- Да, не ходил, не снимал и не роскошествовал...

- Язва и импотенция?

- Вовсе нет! Всегда был здоров, и даже очень, особенно до тюрьмы, просто не находил в этом удовольствия, а делать то, что мне не хочется... нет, не буду никогда!

- Братан, после этих слов у тебя начинает расти над головой маленький такой нимб, как у апостола Андрея. Видел его недавно в церкви на иконе...

- Если бы мне тогда, до отсидки, дали миллион 'зеленых', я бы их потратил на технику, оборудование, материалы, то есть пустил бы в дело. А сегодня... сегодня я бы их не взял вовсе. Здесь и сейчас мне деньги не нужны, куда их тратить? А на еду мне хватает.

- Объяснись! Ты, находясь в здравом уме и памяти, заявляешь, что не взял бы миллион американских долларов, которые тебе бы предложили?

- Мне предлагали значительно больше, особенно в 1996 году, перед тем самым историческим референдумом...

- Политические убеждения 'рыцаря' Климова не позволили это сделать?

- Нет, сугубо личные мотивы. Скажу откровенно, что мог бы даже стать сторонником Саши, если бы он меня однажды не оскорбил.

- Ты такой злопамятный?

- Просто уважаю себя.

- Если, даже случайно, тебя кто-то оскорбит...

- То никакие деньги этому человеку не помогут вернуть мое расположение, особенно деньги. Восприму это как покупку, а Климова купить нельзя...

- Знаешь, Андрей, скажу тебе откровенно, только давай условимся: не обижайся. По существу, ты из грязи - семья-то у тебя была самая обычная - попал в князи. И сразу стал таким гордым, что к тебе на хромой козе не подъедешь. Деньги крутые тебя таким сделали, или ты незаконнорожденный младший брат твоего друга Саши? Откуда у тебя такая фанаберия? Ведь ты, по сути, свою карьеру завалил: ты - сегодня не депутат, не миллионер и не политзаключенный. Все это у тебя, конечно, по жизни было, но...

- Все эти титулы ничего не значат, если ты себя не уважаешь. Пошел он в жопу, этот ваш депутатский мандат и даже президентство, если я, именно я, Андрей Климов, перестану себя уважать!

- Примеряя твою рубашку на себя, я никак не пойму: то ли она мне очень велика, то ли очень мала. Как тебя понимать? Ты кто такой?

- Представь, что тебе предложили пост министра, деньги, славу, но... поставили одно условие. Ты должен к главе правительства на доклад приходить совершенно голым, да еще вползать в кабинет на карачках, держа папку в зубах. Согласишься? Я не смог!

- Ты хочешь сказать, что нынешний кабинет министров...

- Именно так и делают, только ползут не к премьеру, а сам знаешь к кому. Они потеряли свои имена, свое достоинство и честь. Так жить не по мне, и никакие деньги тут не помогут!

- Ты говоришь, во всяком случае, именно так я тебя понял, что деньги для тебя уже давно ничего не значат. Да только я тебе не верю. Скорее всего, как тот 'скупой рыцарь', ты сидел в подвале, прячась ото всех, и своему <злату' или счету в банке радовался: 'Еще сто тысяч наработал, еще пара сотен штук 'баксов' в закромах Климова...' Не ври мне, ведь деньги - это для миллионов людей цель жизни.

- Ничего подобного!

- Еще как подобно. Ну, например, я стремлюсь к деньгам. Очень хочется денег!

- Их хочется только тогда, когда их нет или очень мало. Когда они появляются, то возникают другие проблемы. Помимо процесса накопления существует процесс воспроизводства денежной массы. Ты получаешь с них прибыль. Основная ценность денег состоит в том, что человек получает новые возможности. С их помощью он может убедить или заставить людей делать то, что он хочет.

- Андрей, так это и есть власть!

- Да, конечно, своеобразная власть, но и ответственность за судьбы тех, кто за тобой пошел. Целый мир стоит за этим, а ты - его архитектор.

- Представь себе, что гражданин Икс, получающий в месяц сто долларов или двести тысяч белорусских рублей (а это зарплата подавляющего числа населения страны), прочитает в этой книге, что деньги не имеют в жизни человека большого значения. Он же тебя возненавидит или, в лучшем случае, не поверит ни одному слову.

- Не надо все сваливать в одну кучу. Чтобы разобраться в этой весьма непростой проблеме, давай применим систему рамок. Ставим первую рамку и видим следующую картинку:

человеку не хватает денег, чтобы хорошо питаться, прилично одеваться, полноценно отдыхать, дать образование своим детям. Ставим вторую рамку и понимаем, что экономическая система страны не позволяет большинству граждан реализовать свои потребности. Возникает задача поменять плохую систему на хорошую. Власть этому препятствует. Народ выходит на улицу и вместо денег получает удары дубинками. Ставим третью рамку и осознаем, за какую власть нужно голосовать на следующих выборах, чтобы иметь возможность хорошо питаться, прилично одеваться, полноценно отдыхать и дать образование своим детям. Ну, и причем тут деньги? Они - лишь конечный продукт, эквивалент мыслительных и действенных усилий.

- Ты мне еще скажи, что деньги не помогли тебе стать депутатом Верховного Совета?

- Можешь не верить, но они мне мешали. Избиратели знали, что я богат, а это не приносило мне дополнительной популярности и доверия. Надо было ломать стереотип человека бизнеса.

- С одной стороны, ты прав, но я сомневаюсь, что ты стал бы депутатом, если бы не был тем самым Климовым - владельцем крупной строительной фирмы, банка, популярной газеты имени самого себя.

- Не будь я тем самым Климовым, то, полагаешь, захотел бы идти во власть?

- Уверен, все хотят!

- Верховный Совет мне стал нужен именно как бизнесмену, чтобы менять законы, чтобы создавать благоприятный климат для...

- Для своего собственного дела, чтобы получать новые прибыли?

- Чтобы создать условия, при которых наша экономика не была бы допотопной телегой с четырехугольными колесами. В третьем тысячелетии пора уже пересесть хотя бы на европейский экспресс. Не скрою, я - эгоист, но эгоист разумный. Потому что считаю, что невозможно быть счастливым, когда все страдают. Личные интересы выгодно сочетать с общественными идеалами, тогда, как минимум, не появится идеи все у всех отнять и поделить.

- Теория разумного эгоизма, которую ты явил - на самом деле неплохая теория. Жаль, что не все предприниматели ее придерживаются. Когда ты плавал в стае 'акул бизнеса', то наверняка со многими общался и интересовался кто есть кто. Откуда они взялись, эти долларовые миллионеры?

- Меньше всего в этой среде научных работников, а деятелей культуры и вовсе нет. Больше всего, естественно, бандитов и бывшей номенклатуры: партийной, комсомольской, советской.

- А себя ты к какой категории причисляешь?

- Пожарник...

- Деньги не пахнут?

- Еще как пахнут! Никогда не стал бы заниматься оружием, наркотиками, игорным бизнесом... Деньги ради денег не приносят удовольствия.

- Так что же, ты с бандитами по бизнесу не общался, раз деньги пахнут?

- Общался, они-то - как раз не самые плохие партнеры. Гораздо большим <бандитом' в бизнесе является государство. Я был очень неудобным для него партнером: платил налоги, не

нарушал законов, не давал взяток. Вот как раз для госчиновников деньги на самом деле не пахнут. Ради них, ради карьеры, внеочередной звездочки на погонах они шли на должностные преступления. Почему я просидел в СИЗО полтора года до суда? Да собирали материал, чтобы меня судить, а когда не нашли, то сфальсифицировали уголовное дело. Так что не деньги пахнут, а власть!

- Ты говоришь о перевертыше: не деньги есть власть, но власть есть деньги?

- Да, с 1996 года весь крупный бизнес обслуживает власть. Кебичу за что нужно поклониться в ножки? Он позволил бизнесу быть независимым от власти. Это главное. У нас сегодня в 21 веке образовалось феодальное государство. Власть назначает, кому чем заниматься и сколько платить за то, что им позволили развивать тот или иной бизнес. В 95-96-х годах уже поделили, скажем, нефтяной бизнес. Мерилом всего в нашей стране стали не деньги, а власть. Посмотри, как у нас торгуют 'конфискатом'? Когда продают шестисотый 'мерседес' за тысячу долларов, это как? А то еще и бесплатно 'своим' людям отдают вещи в сто и более тысяч долларов, причем без всяких налогов и таможенных сборов. Это же у простых людей последнюю бюджетную копейку отбирают! Бизнесмен, который не 'отстегивает' и не работает на криминальную структуру - а власть и бандиты сегодня составляют единое целое, - теряет не деньги, жизнь теряет или сидит в тюрьме. Криминальные же структуры работают на спецслужбы. Круг замкнулся.

- Ты забыл в этот круг включить еще одно звено - президентское кресло?

- Ничего подобного. Президент вне этого круга. Он - на самом деле очень слабый правитель. Мы все видим по 'ящику' его селекторные совещания, где он мечет вначале громы и молнии, нещадно ругает министров и губернаторов, потом взывает к их совести, а потом... униженно просит и обращается к зрителям этого шоу, своему народу с жалобой: 'Видите, это все они, я за вас, а они меня не слушаются!' У него нет реальной власти. Его распоряжения никто не исполняет и не думает исполнять. Нет у нас никакого президента, нет республики, а есть раздробленное феодальное государство, где местные князьки правят бал. И чем меньше князек, тем он кровожаднее и злее.

- Да дрожат они, эти твои князьки-чиновники! Дрожат, как мыши под веником, ожидая президентских проверок и кадровых решений. Сколько уже отсидело в тюрьме и министров, и директоров заводов, и председателей колхозов!

- Своих дружбанов он и сажал. К тому же, для белорусского чиновника под судом побывать - что гриппом переболеть. Порог страха перед тюрьмой отсутствует. Существует круговая порука, когда чиновники разных ведомств договариваются: и милиционер, и судья, и прокурор - все хотят хорошо жить. Когда берут госслужащего высокого ранга, то есть постоянная угроза, что он все расскажет и полетят такие высокопоставленные головы, что только держись.

- Давай вернемся к началу разговора о деньгах. Мечты в юности о золотом кладе были?

- В юности у меня была мечта - квартиру свою иметь, двухкомнатную, 'жигули> шестой модели, хорошую работу и зарплату рублей четыреста. Это было в начале 80-х, и мне казалось, что в этом случае моя жизнь удалась бы на сто процентов. Когда я занялся бизнесом и пришел успех, то, конечно, детские мечтания о квартире, машине и зарплате отпали сами собой. Появились совсем другие приоритеты.

- Никогда не жалел о том, что не остался по жизни пожарником Климовым с двухкомнатной квартирой, 'жигулями' и зарплатой в четыреста рублей?

- Жалел, конечно! Еще как жалел, особенно в тюрьме. Разве плохо жить в своем маленьком безопасном мирке, иметь скромные радости и скромные запросы, радоваться маленьким победам, а не карабкаться на Эверест и не плавать в океане большого бизнеса и политики, где каждый неправильный шаг ведет к пропасти или на дно? Только вот обратной дороги в детский мир нет. Буду снова карабкаться и плавать.

- Ты все время говоришь о деньгах как о неком реализаторе деловых устремлений и ни словом не обмолвился об удовольствии посидеть в самом дорогом кабаке, попить, поесть, поиграть в казино, насладиться обществом доступных, за большие деньги, конечно, красивых женщин, то есть вознаградить себя за труды праведные. Твои друзья-бизнесмены разве этого не делали?

- Делали, и я им очень завидовал! Только мне-то самому все это было не нужно, не нравились мне шумные застолья... Более того, завидовал, что они делали женам дорогие подарки, детей отправляли учиться в престижные университеты Европы и Америки. А я... я жалел потратить деньги на себя и своих близких. Все в дело вкладывал...

- Вот теперь и кусай локти! Все твои активы прибрало к рукам государство. Не переживаешь, что все свои миллионы потерял?

- Злость разбирает порой, но не на себя. Считаю, что все делал правильно, только не сделал поправку на 'своеобразие' нашего государства. Хотелось отомстить тем, кто меня ограбил. Да только понял, что такие ребята страдать за то, что ломали судьбы ни в чем не повинных людей, не будут... Вот тут я в растерянности, не понимаю ни Бога, ни себя, ни жертв чиновничьего произвола... Месть сладка, да нет в ней смысла! Тогда что, простить? Наверное, еще не готов. Тюрьма научила меня главному: я научился жить, жить и радоваться каждому новому дню, извлекая из каждой малости радость. Когда совсем тяжело, я вспоминаю тюрьму, вспоминаю, как умирал под сапогами охранников - тогда мне не нужны были деньги, слава, наслаждения, даже жизнь мне была не нужна. Когда терял сознание, но еще не было забытья, наступал момент просветления: я увидел себя со стороны и почувствовал блаженство, какого не бывает при жизни...

Климов:
- Послушай, Иисус! Здесь есть ребята, которые готовы сделать тебя царем, - на Иисуса дохнуло жарким дыханием Петра.

Участники вечери смолкли. Неловкая пауза. Петр возбудился от вина. Его понесло:

- Такой шанс. Лучшего случая не будет. В городе небольшой гарнизон римских легионеров. У наших людей есть оружие, они готовы пустить его в дело...

- В какое дело - убийство? - спросил Иисус.

- Да пойми же ты, римлян здесь все ненавидят, они захватчики, тираны...

- Это преступные замыслы.

- А захватывать чужие земли - не преступление?

- Преступлением будет обманывать несчастных людей...

- Да в чем же мы их обманываем? Они тебя любят, они тебе верят. Кто, как не ты, может быть лучшим их правителем?

- Бог...

- Бог на небе, а мы на земле.

- Любая власть, кроме власти Господа - тирания. Даже самая хорошая власть не приносит свободу, даже самые мудрые решения правителей не делают всех счастливыми. Горе одних рождает радость других. Счастье непостоянно. Вечно счастливыми бывают только умалишенные. Ты хочешь, чтобы после того, как я стану царем этого народа, вы все стали походить на них?

За столом засмеялись, сначала робко, затем все громче и громче. Видимо, предложение Петра всех напугало, и теперь они были рады, что Иисус не поддался на авантюру.

- Для чего же все так стремятся к власти? - не сдавался Петр.

- Для того, чтобы поглупеть. Жизнь нередко заставляет нас помимо своей воли принимать мудрые решения, продиктованные не нашим эгоизмом, а трезвым расчетом. У власти же свои способы решения насущных проблем. Ей не надо думать, за нее думают легионеры.

- Я ничего не понимаю!

- Когда тебя оскорбляют, не приходит ли на ум первым желание ответить на грубость еще большей грубостью, подавить нападение обидчика силой? Но, решая таким образом спор, разве избегаешь ты подобных нападок в твою сторону в будущем, и разве не слышишь ты молчаливых проклятий во след?

- Да, такое случается...

- Так не лучше ли бороться с тиранией наших слабостей и стать царем своих чувств, чтобы безболезненно покорять свой и чужой гнев, предупреждая все несчастья, исходящие от него?

- Ты, как всегда, мудр, Иисус, но что мне ответить нашим друзьям? Они ждут твоей поддержки...

- Они прожили в этом городе всю жизнь, но так и не нашли поддержки среди местных жителей, людей, которые сегодня еще верят мне. Неужели они думают, что завтра те, кто не доверяет им, будут поддерживать меня? Уверен ли ты сам в искренности этих людей? Не используют ли они тебя в своих черных замыслах?

- Будь я проклят, Иисус! Разве я, твой ученик, могу такое допустить? Клянусь тебе, это честные и надежные люди...

- Не клянись, Петр, ибо еще до первых петухов ты трижды предашь меня...

ЛЮДИ И ЧЕЛОВЕКИ

- Ну и что, Климов, до чего мы докатились в своих умственных упражнениях?

- Мы пришли с тобой в наших рассуждениях к тому, что я хочу доказать себе и нашим читателям, что их интеллект значит сегодня больше, чем богатство, должность, ученая степень, звание народного артиста. Да, интеллект создал турбину гидроэлектростанции, которая дает энергию, но лопасти этой турбины вращает вода, то есть массы, те самые избиратели, которые, выбирая власть, выбирают ту или иную систему жизни...

- Ну, и где же твое бесклассовое общество? В этой твоей модели ты поделил социум на элиту, придумывающую механизмы общественного устройства и сознания, и народ, который приводит эти механизмы в движение. А так как мысль материальна...

- Ничего подобного! Бог поделил мир на материальную сферу и нематериальную. Идея, уходя в виртуальный мир, возвращается в виде принятого решения: 'да> - 'нет'. Как в компьютере. Из этого математического кода исходят функции, из функций - операции, из операций - решения, а решения позволяют создать жизнеспособную конструкцию.

- Ты, по существу, утверждаешь, что материя рождает нечто нематериальное. Где логика?

- Существует некий условный коридор, пройдя который, наш мыслительный импульс, имеющий материальную основу, становится нематериальной субстанцией.

- А все это вместе мы и называем нашим миром, который вовсе и не наш, а внушен нам непостижимой сущностью, познать которую мы стремимся, но не постигнем никогда, разве что в нее превратившись...

Здесь мой мозг попросил тайм-аут. Мне захотелось чуть-чуть 'посплетничать> о сильных мира сего и просто о людях, с которыми Андрей общался и кто так или иначе повлиял на его судьбу.

'Моим мыслям всегда не хватало слов, поэтому я не могу жить без книг', - изрек мне Климов почти афоризм, когда я предложил ему поговорить о людях, которые пусть не все пишут книги, но окружали раньше и окружают его сегодня.

- Андрей, твой Бог - кто? Ты сам?

- В моем понимании Бог - это бестелесная и даже не мыслящая самостоятельно субстанция, поэтому ни с кем Его не отождествляю. Я могу радоваться жизни, Он - нет. Никогда себя ни с кем не сравнивал, я - Климов.

- Человек человеку - волк?

- В каждом человеке есть что-то от хищного животного. Во мне этот зверь пробуждается, когда кто-то посягает на мое обжитое пространство, на безопасность, идеологию, на жизнь моей семьи, на меня. Вокруг меня гораздо больше людей, которые ко мне относятся по-дружески, и я им стараюсь отвечать тем же, иначе на самом деле можно превратиться в волка. Окружая себя врагами, даже вымышленными, ты погружаешься в хаос, перестаешь ориентироваться в этой жизни. А ориентирами служат люди и их отношение к тебе. Чем больше людей, хорошо относящихся к тебе, поддерживающих тебя, выполняющих твою волю, движущихся в одном направлении с тобой по избранным тобой координатам, согласно осмысленным тобой действиям, тем лучше ты видишь перспективу, тем полнее ты удовлетворен жизнью, а значит, осознаешь, что твоя личная история состоялась.

- Ты не оговорился, сказав, что люди должны выполнять твою волю?

- Не оговорился, потому что осознаю, что призван быть руководителем. Кстати, большинство людей хотят, чтобы ими руководили. В свое время я подчинялся воли матери, которую любил, мне нравилось подчиняться любимому учителю, я подчинялся воли командира, начальника пожарного училища, которого обожал, мне нравилось подчиняться своему руководителю в министерстве, потому что его распоряжения были осмысленными и не унижали, а возвышали меня, позволяя двигаться по службе, мне нравилось подчиняться преподавателям юрфака, которые давали прекрасные знания, мне нравится подчиняться собственной дочери, когда она просит ей в чем-то помочь... Но есть у меня свой план в жизни, своя дорога, на которую я не пущу никого, кто бы мне мешал. Если же кто-то идет по ней со мной, то он будет делать то, что я скажу, потому что я не позволю тянуть меня на другую, не мою дорогу. Это мой путь, только мой! На нем мне под силу все: взять на себя судьбу любого человека, даже нескольких,

даже сотен, тысяч, миллионов... Но если мне на этом пути кто-то мешает, вольно или невольно, я его сброшу со своей дороги.

- Ты человек системы?

- Да, только собственной системы, которую выстрадал и выстроил...

- Ты сейчас еще 'Сталкера' Тарковского вспомни.

- Хорошая мысль. Это нам только кажется, что мы хотим именно этого и ничего другого. Есть сокровенные желания. Собственную сущность не подменишь ничем: ни деньгами, ни благородными поступками, ни предательством и жестокостью. В результате судьба сделает свой выбор, и если ты действуешь в согласии со своей сущностью, со своими внутренними желаниями, то жизнь, что называется, удастся. Если пойдешь вопреки, то рано или поздно, после трагедий и ломки себя, все равно осознаешь свою истинную сущность и судьба ткнет тебя лицом либо в дерьмо, либо в торт. Парадокс Божьего творения в том, что в его жизни всегда есть интрига: человек не знает своей сущности, но стремится жить согласно внутренним побуждениям, и, как правило, многие ошибаются, не осознав собственного предназначения. Действуют избранные, но и здесь не все просто. Их действия входят в противоречие с еще одной ипостасью собственной сущности: делать одно, а удовольствие получать совсем от другого. Я говорю о совместимости выбора судьбы и тех условностей, в которые себя человек загоняет. Рано или поздно судьба тебя из этого состояния вырвет. Если ты угадал свои внутренние побудительные мотивы, то - ты правильно выбрал в качестве примера 'Сталкера' - 'зона' тебя загонит именно туда, где ты очень бы хотел быть. На этом зиждется психологическая устойчивость современной цивилизации. Рано или поздно человек понимает, кто он есть. Кто в ладу со своей судьбой, того и выбирают люди, инстинктивно чувствуя в такой личности силу. Это как на ипподроме: к финишу не обязательно приходит та лошадь, которая сильней, а та, у которой сегодня есть настроение. Если проводить аналогию с политикой, то зрители, сидящие на трибунах, и есть тот электорат, который ставит на своих лошадок. Причем не на самую сильную, а на ту единственную, удачливую, которая победит именно в этом заезде. Человек готов не делать то, что должен делать, он боится не угадать, ошибиться в правильном, но немотивированном поступке. Вот чего больше всего на свете боится и наш избиратель, и наши политики.

- Ладно, Андрей. Мы живем в тех обстоятельствах, которые нам даны от века. Да только мне не дает покоя одна мысль. Когда-то, очень давно, человечество пошло по техногенному пути развития, окружив себя со временем машинами, аппаратами, другими приспособлениями для того, чтобы максимально облегчить себе жизнь. Вся нынешняя цивилизация держится именно на этом: дома, мебель, холодильники, моечные и стиральные машины, одежда, самолеты, и так далее и тому подобное... А зачем все это? Ведь если тренировать свой мозг, дух и тело, то можно и на Северном полюсе, и в экваториальной Африке чувствовать себя одинаково комфортно. Считается, что средний человек использует только три процента своего мозга, гений - пять. А ведь мозг управляет телом... Наверное, был другой путь для человечества. Тогда на фиг бы сдались и атомная энергетика с ее смертоносными отходами, и двигатель внутреннего сгорания с его удушающими людей выхлопными газами, и всякая промышленность со смердящими городскими свалками... Сейчас мы начали пожинать плоды цивилизации, и, как говорится, уже 'третий ангел вострубил, и упала с неба звезда полынь', по-украински - чернобыль... Чем тебе не Апокалипсис?

- Никакого Апокалипсиса нет, и не будет в плане экологии и природной составляющей поверхности Земли. Сам Эйнштейн увидел тот замкнутый круг, в котором находится человек. Бог создал его и природу в гармонии. Он загружает мозг человека, а не его сущность. Чем больше человек верит в Бога, расписываясь в собственной слабости и предначертанности судьбы, тем больше он изучает самого себя, становясь сильнее. Чем больше человек не верит в Бога и ощущает себя сильным, тем больше перед ним встает вопросов, на которые он не в

состоянии ответить, и поэтому он становится слабым. Между нашей духовной и материальной составляющей есть связующее звено под названием 'Вселенная'. Ученые уже определили, что с момента сингулярности она до сих пор постоянно расширяется. Как только Бог осознал, что человечество вот-вот подойдет к границам Вселенной своим сознанием, своими техническими средствами познавания мира - а мы уже знаем массу Вселенной и код ДНК, - Он приготовил нам сюрприз: <А ничего вы не знаете! Вселенная расширяется с ускорением! Так что черта с два вам, людишки, не увидите вы края мироздания'. И вернул людей в нормальное состояние. Человек, который думает, что он знает все, со временем сходит с ума из-за этого парадокса. Чем больше человек осознает свою силу, тем быстрее он приходит к пониманию своего бессилия, а значит, - к бесполезности и бессмысленности жизни. Этот парадокс прописан в Евангелии, и называется он грех гордыни. Это один из смертных грехов. Только недавно я понял почему. Человек, возомнивший себя властителем мира, сходит с ума, оставаясь один на один с собой, не снисходя даже до тех, кто мог бы быть ему равным, вдруг обнаруживает свою внутреннюю пустоту и бессмысленность всего сущего, включая жизнь. Вот почему это смертный грех: он завуалирован, и немногие понимают значение этого греха. Человек, который впадает в него, но не достигает крайних, гибельных пределов, способен постичь не только себя и Вселенную, он постигает Бога с ускорением распространения Вселенной. Но есть опасность, что он дойдет до края, а там обрыв...

- Веру человека в Бога ты представляешь как некую компьютерную программу, которая совершенна лишь до определенного предела. Познать при этом Бога нельзя, Его в этой программе нет. Так?

- Совершенно верно.

- Если Бога познать нельзя, то человека можно, хотя бы по делам его. Ты, Андрей, общался с сильными мира сего. У тебя наверняка есть о них свое мнение. Поделись. Коротко, как если б ты ехал в автомобиле, а они стояли на обочине. И увидели бы мы...

- Только без претензий на какой-то глубокий анализ с кучей доказательств. Ты хочешь мое мнение. Изволь, спрашивай...

- Был такой прокурор по фамилии Капитан...

- Никогда он не станет настоящим 'майором', потому что мелкую имеет душонку и к тому же подленькую.

- Председатель Конституционного суда г-н Тихиня?

- Трусливый, слабый человек, но не сволочь.

- Твой спикер Шарецкий, он кто?

- Ошибка всех - и избирателей, и депутатов. Не выдержал груза ответственности и сломался как историческая личность.

- Иван Титенков?

- Он первый, кто начал давление на свободных предпринимателей. Его фирма <Торгэкспо', получив поддержку 'друга' сверху, устранила всех конкурентов. От имени Управления делами президента много чего 'хорошего' делалось.

- Зенон Позняк, какое у тебя к нему отношение, учитывая, что на выборах в парламент бэнээфовцы были против тебя?

- Мог стать белорусским Гавелом, но предпочел эмигрировать. Он сделал великое дело, объединив часть общества, пусть небольшую, под идеей национального возрождения. Только благодаря ему у нас еще не Туркменистан.

Позняк - это владелец оружия под названием 'белорусский национализм'. Он однажды показал его Лукашенко и Ельцину. Те, естественно, испугались, решив продавца и само оружие ликвидировать. Позняк уехал, но оружие осталось и когда, а главное, как оно сработает - никто не знает. Только сработает оно обязательно, и взрыв будет мощным. Меня часто спрашивают: чего боится Лукашенко? Так вот, он боится Позняка, который как политический лидер себя изжил, но...

- Почему же власть не заберет себе столь мощное оружие?

- Да они пытались, но ничего не вышло. Потому что кода генетического не знают. Поэтому БНФ, даже расколотый и слабый, будет всегда против любых <лукашенок'. Так вот, шифр знает только Позняк. По существу, этот человек спас нас от ассимиляции, это он замедлил процесс исчезновения Беларуси как государства, а белорусов - как этноса.

- А 'спадар' Статкевич, бывший лидер 'Згуртавання вайскоуцау', ныне председатель Социал-демократической партии?

- Коля? Хороший партийный функционер. Умеет преподнести свой политический товар лицом. Он хорошего качества, потому что ввезен из Германии. Пока есть дружба с социал-демократами этой страны, да еще Швеции, до тех пор Статкевич на коне. Неважно, что это маленькое пони, главное, хвост и копыта есть.

- Тогда кто, по-твоему, Станислав Станиславович Шушкевич? Профессор, умница...

- Это часть истории. Как ты ни измажь 'мерседес', хоть грязью, хоть чем похуже, он все равно останется классным автомобилем. Так и Шушкевич.

- Лебедько? Молодой, перспективный...

- И тоже партийный функционер. Его политическая жизнь закончится, как только Лукашенко перестанет быть президентом. С ним сегодня считаются потому, что он - на самом деле 'отец' Лукашенко. Он явил народу будущего 'батьку', который был в глазах депутатов Верховного Совета 'троечником' с плохим поведением, в то время как Лебедько - отличником. И умник Толя, взяв в качестве тарана хулигана Сашу, пробил привычные 'школьные' понятия, сделав последнего в один день круглым отличником. И когда обалдевшие учителя стали спрашивать у Саши теорему Пифагора, он им ответил: 'Теорема? Пифагора? Да я придумал лучше. Вот она какая на самом деле, и это теорема Лукашенко! Доказательство? Будете иметь дело с Лебедько, если будете требовать доказательств'. И тогда из 'рай...оно' пришел приказ о назначении отличника Саши 'директором школы'. Вот так и появилась на политическом небосклоне фигура всем ныне известного и безвременно любимого Александра Григорьевича Лукашенко. Может быть, Анатолий и сам не понимает, но он и сегодня способен психологически воздействовать на своего друга Александра. Единственный человек, которого даже президент не осмеливался перебивать во время выступления в Верховном Совете, был Лебедько. Даже в момент обсуждения импичмента 'сынок' послушно внимал критике своего 'папочки'. Лукашенко слушал его, как провинившийся школьник, пусть и в ранге 'директора'. Чем сегодня сильнее Лукашенко, тем ярче политическая звезда Лебедько. Он уже сейчас - лидер оппозиции, но президентом ему не стать по той причине, что ему сроку в политике отведено ровно столько, сколько и его визави. Анатолий - тонкий психолог, отличный оратор, прекрасный организатор, он чуть давит президента, но не более того.

- Злой ты, Андрей, к друзьям. А к врагам? Судью своего помнишь?

- Стать бы скотобойщиком на мясокомбинате и бить по этим тупым бычьим и свинским мордам! Так мне иногда хочется, но интеллект побеждает эмоции. Я жалею эту женщину. Судья Тупик завела Климова в тупик - это грустный каламбур, но точный. У нее много хороших человеческих качеств, но соблазн сделать карьеру на фактически убийстве другого человека победил все то доброе, что в ней было. В принципе, она совершила смертный грех, нарушив практически все заповеди: не убий, не укради, не возжелай, не лжесвидетельствуй... Конечно, наказание для нее уже определено, и оно неотвратимо, и это будет, конечно, вовсе не моя личная месть. В свое время убийца Николая Баумана пришел сам в полицейский участок и сдался, объяснив, что убил этого человека, во-первых, в целях самообороны, а во-вторых, потому, что он, патриот, не мог слушать призывы к свержению государственного строя. Этот человек получил за убийство всего два года. Да только расплата все равно настигла его. Пусть через двадцать лет, но он был без суда и следствия расстрелян чекистами. Зачем Вера Тупик взяла на себя такой грех?! Ведь неизвестно, как бы развернулись события, если бы я остался тогда на свободе. Мало кто знает, что идея проведения в 1999 году президентских выборов принадлежит мне, и я уверен, что мог быть другой исход этого дела, успешный исход. Этот план мы готовили вместе с Виктором Гончаром, и как знать, что бы произошло, будь мы вместе...

- Это твой друг?

- Больше. Я знал двух людей, которые могли сделать Беларусь мощной европейской страной. Это Гончар и Карпенко! Всем, чему я научился как парламентарий, я обязан только Виктору. Он открыл мне глаза на большую политику и явил пример истинного государственного деятеля. Жалко, что он стал использовать Лукашенко как трамплин для своей политической карьеры. В определенный момент он изменил логике и последовательности своих политических шагов. Это сделало его уязвимым, чем враги и воспользовались. Это несостоявшийся президент Беларуси, при котором страна могла процветать.

- Как и при Геннадии Карпенко?

- Они стоили друг друга. Карпенко - это огромный корабль, в трюме которого есть все: автомобили, золото, лес, горючее, алмазы... Если бы он пристал к берегу любой страны, то там бы зажили на уровне 21 века, то есть счастливо и безбедно.

- В этом же ряду стоит и Василий Шлындиков?

- Я благодарен Богу, что смог работать в его комиссии по экономическим реформам Верховного Совета. То, что я понял макроэкономику - его заслуга. Лучшего премьера для Беларуси и представить трудно.

- Тогда Нацбанк опять отойдет Богданкевичу?

- Ох, какими врагами мы были! Станислава Антоновича при упоминании о частном банке Климова просто трясло. Он делал все, чтобы меня закрыть. Уже потом, в ВС 13-го созыва мы стали друзьями и коллегами по партии. Когда я 'сидел', он помогал моей маме и стал другом моей семьи. Черт с ним, с банком, дружба ценнее!

- Про Винникову промолчишь?

- Она мне нравилась! Красивая такая, умная, но - стерва. Баба, что ни говори, с мозгами и обаянием. Опасная смесь. Погубило ее то, что и она хотела использовать Александра Григорьевича в своих целях. Чуть-чуть не дотянула и сорвалась. Он понял, что его используют, и тут же отреагировал: наказать! Так же он и с Титенковым поступил, и с Шейманом...

- Погоди, то есть как - с Шейманом? Он же действующий генеральный прокурор?

- Это очень тонкая месть. Назначить прокурором человека, замешанного в преступлениях, причем самых тяжких, - это поистине садистское наказание. Каждый день преступник ходит на место преступления, потому что там работает. С одной стороны, как генпрокурор он должен раскрыть уголовные дела по факту исчезновения Захаренко, Гончара, Красовского, Завадского, а с другой... пытка. Кстати, это доказывает, пусть косвенно, что Лукашенко к исчезновениям людей не причастен, хотя может догадываться, кто отдавал приказы.

- Василий Леонов - не тот гендиректор тракторного, что сейчас 'сидит', а тот, что уже 'отсидел', бывший министр сельского хозяйства?

- Он мой 'кореш', то есть человек, с которым вместе были в тюрьме на Володарке и дружили. В другой ипостаси я его не знаю.

- Чигирь?

- Тоже - кореш. А еще знаковая фигура нашей страны. Первый чиновник самого высокого ранга, предугадавший, кто есть Лукашенко, и сделавший самостоятельный выбор. Это дорогого стоит. Это - пример.

- Как же тогда столь дальновидный человек полез в бесперспективную борьбу на виртуальных президентских выборах 1999 года?

- Это загадка, ведь моя задумка была в том, чтобы поставить на Гончара, а не на Чигиря. Виктор, видать, тогда дрогнул, не поверил в успех и подставил как себя, так и Михаила. Последнему повезло больше: он - жив.

- Есть в нашем кратком обзоре 'Кто есть кто' буква 'а>: Алкаев...

- Душегуб, причем мелкий. Главная цель - стать министром внутренних дел, и ради нее он готов был на все. В каждой деревне есть спецы по забою свиней, в которых, кстати, всегда нуждаются, и в нашем государстве тоже. Алкаев - из таких. Загонит нож под лопатку самой жирной свинье, та и не хрюкнет, а может, и не свинье вовсе...

Мой собеседник мог бы продолжать этот разговор до бесконечности: он знал, как мне показалось, всех известных в Беларуси людей, но законы жанра и объем книги вынудили прекратить эту безумно интересную аттестацию, а жаль.

<ЕВАНГЕЛИЕ' ОТ ЛУКАВОГО

- Я тебе так, Климов, скажу. Ты поразительно непоследовательный человек. Постоянно говоришь резкие слова о власти, но в то же время как-то исподволь пытаешься мне внушить мысль, что все вокруг виноваты, кроме одного человека. Скажи уж напрямую: 'А Лукашенко-то, прав!>

- Не надо ханжества! Хоть иногда каждому из нас следует побыть откровенным хотя бы перед самим собой. Обвиняя Лукашенко, предъявляя ему претензии и бросая взгляды, полные презрения, ты, я или кто-то другой, мы исходим из собственных посылов, собственных желаний видеть все так, как хочется именно нам, а не так, как есть. Портрет истины мы рисуем сами, и никто нас не переубедит, что есть иная истина. Объективно, коль скоро президент у нас Лукашенко, коль он принят обществом, коль у него есть могущественные союзники во внешнем мире в лице руководства России, Австрии, Германии...

- Ну, уж извини, Андрей, но тебя занесло. Германия поддерживает Беларусь? Если ты говоришь о гуманитарной помощи в виде 'секенд-хендов', то да, а на серьезном уровне...

Сомневаюсь!

- Без экономического сотрудничества с 'фатерляндом' режим Лукашенко не просуществовал бы и месяца, несмотря на помощь России.

- К чему ты ведешь: к тому, что Россия как бы пофигу?

- Это ты сказал, а веду я к тому, что на международном политическом поле президент Беларуси - фигура, причем неслабая. Он очень грамотно приторговывает страной, ее положением и возможностями. Есть возможность ввезти в Европу товар через ту же Германию по демпинговым ценам, он ввозит и торгует с прибылью. Чем не молодец? Он не стремится укрепить белорусский рубль, сохраняя его курс по формуле: 'Наши деньги ничего не стоят. Дают за пару тысяч бывших <зайчиков' один доллар? Ну и ладно!' Правильно делает!

- Чему ты радуешься? Не все то золото, что блестит. Дел наворочено в экономике столько, что нескоро их разгребешь. А ты приходишь в восторг по поводу проданной по бросовым ценам продукции. Никуда нашу страну не принимают, ни в одну приличную европейскую организацию. Беларусь скоро страной-изгоем станет. Мы же планку все время снижаем...

- Мы не снижаем планку, потому что мы ее уровня не знаем, а Александр Григорьевич знает и движет ею вверх и вниз по своему усмотрению.

- Я про другую планку. Лично я снизил планку уровня притязаний к руководству страны почти до нуля. То же сделали и очень многие мне подобные. Мы установили 90%-ую скидку на то, что страной управляют такие. Даем им фору, как если бы играли с детьми: 'Ай-ай-ай, маленький, не упади, да носик не расшиби. Ах, как ловко он на конечках с клюшечкой катается! Вот, опять упал. Вставай, Сашок... Экономику развалили? Да молодые еще, научатся! Люди пропадают? Да везде пропадают! Права человека нарушают? А на кой нам они? Главное, что войны нет...>

- Вот, вот! Это мы завышаем свою планку, потому что не хотим быть на него похожими, мы не хотим жить в тех условиях и по тем правилам, какие он предлагает. У него другая психология. Яблоки не растут на ели...

- Он что, принадлежит к другой породе людей?

- Мы все время оглядываемся на Лукашенко, на его желание править. Зачем?

- Тебе лучше знать. Как это ни странно, но вы идете по параллельным дорогам и очень похожи друг на друга. Ты любишь поскандалить, и он не спустит обиду никому: ни Путину, ни Бушу, не говоря уже о всяких прочих 'шведах'. Ты тоже ему не спустил, а он тебя - в тюрьму. Ты крутым бизнесменом стал, а он - президентом. Друзей у него, как и у тебя, в детстве не было. Отцы, опять-таки, отсутствовали, и вас обоих дразнили, а вы дрались по поводу и без повода. Учились оба хорошо, правда, в школах разных по уровню: ты в столичной, он - в деревенской. Схожесть не ощутил?

- Только не думай, что это меня оскорбляет. Да, мы похожи. Он тоже постоянно бросал вызов обществу. Он бился за справедливость, но за такую, какой он ее понимал. Общество душило его инициативу, теперь он душит общество. Он не мстит, а просто остался таким же, как был до президентства. Неужели ты думаешь, что, когда наступит время, я не вспомню всех, кто нарушил закон по отношению ко мне: судью, следователя, прокурора, даже тюремного охранника, избивавшего меня до полусмерти..? Я расплатился тюремным сроком за собственное понимание действительности и за то, что не сошел со своей дороги. Общество обманывает само себя, отрицая очевидные вещи, не анализируя факты. Все, кто брюзжит по

поводу неправедного режима, не пытаясь изменить ситуацию, кто больше всех возмущается вслух, кто, как кролик перед удавом, заворожено голосует за власть, когда ей это надо - лицемеры! Их очень много, этих лицемеров! Пока мы их не выявим, будем блуждать в потемках. Нас, нормальных, порядочных людей и в оппозиции, и в правительстве - неважно где, эти лицемеры бессовестно надувают, якобы поддерживая стремление к переменам, а на самом деле тормозя и саботируя все прогрессивное. Лукашенко где-то там, далеко, а эти уже ножи к горлу приставили, уже требуют, чтобы элита страны унизилась перед быдлом... Это им нужен диктатор, да покровавее, чтобы он умных да благородных перед ними на колени ставил, а уж они контрольный выстрел в затылок сделают сами. Иногда думаю, что это Бог послал нам Лукашенко, чтобы с его помощью выявить этих мутантов. Их так много, что не видно, куда мы катимся, а впереди - пропасть...

- Смотрю на тебя и думаю: уж не Лукашенко ли напротив меня сидит в обличье Климова? Враги кругом нас, оказывается, косяками бегают, да норовят в пропасть сбросить. Ату их, к стенке подлецов, а вот потом заживем, все белые, умные и пушистые! И ты туда же, Андрей? Обстоятельства и среда, создаваемые в том числе и твоим подзащитным, провоцируют людей на гнусные поступки.

- Какие такие экстремальные обстоятельства были у моего судьи? У сержантов, меня избивавших? У них что, совсем мозгов и совести нет? Они же - не машины, а люди. Кто им приказывал быть подлецами? Лукашенко что ли?

- Не приказывал. Но разве ты не знаешь, что если заставить дурака Богу молится, то он лоб расшибет? Вот эти-то ребята, чтобы услужить барину, тебя и обработали: 'Вот, Александр Григорьевич, уже и того самого Климова посадили! Мы как, молодцы, правда?' Молчание - знак согласия.

- Лукашенко делает то, что считает нужным, причем делает это осознанно. И те пиявки-лицемеры вовсе не выполняют указы президента, а делают то, что им выгодно, что они считают нужным.

- От кого зависит будущее этих твоих лицемеров?

- От нас зависит...

- Мы им что, зарплату и чины даем, на должности назначаем?

- От нас они зависят, только от нас! Им пора быть там, где их место, на дне пропасти, куда они нас толкают.

- Ты нам внушаешь мысль, что все те, кто сегодня явно или тайно поддерживают режим - лицемеры и бяки-буки, а тот, кому они де-факто служат - пай-мальчик, среди них заблудившийся?

- Да он ведь не плохой и не хороший, он - такой, какой есть, и другим быть не может. Кстати, он весьма мощный политик на постсоветском пространстве, владеющий всем арсеналом средств, включая и диктаторские методы, и мгновенную ориентацию в ситуации, и предвидение, и шантаж. Свою философию Лукашенко очень удачно реализует, будучи прагматиком и неплохим тактиком.

- Ты себе не изменяешь, Климов. Ты тоже идешь по персональной дороге и никого, кто с тобой не согласен, на нее не пускаешь: гонишь словесно и выталкиваешь силой, как, впрочем, и он, тоже идущий по своему пути, пусть это проселочная дорога с колдобинами и навозными кучами, дурно пахнущими авторитарным режимом, но она точно его и никого другого. Только

вот в отличие от тебя он еще и весь народ пытается по ней тащить, никого, впрочем, не спрашивая. Разве не так?

- Ну и что? Лично я не ставил и не собираюсь ставить на этом его пути шлагбаум и рыть яму. Дорог в мире тьма тьмущая, каждый волен выбирать свою.

- Хочешь сказать, что у вас разные пьедесталы?

- Дороги разные и цели. А с Лукашенко я не хочу и не буду стоять на одном пьедестале: ни выше, ни ниже.

- Ты же похож на него по духу, по судьбе, как это ни странно.

- Поэтому понимаю его лучше других. Меня тоже в детстве называли байстрюком. Я тоже пережил комплекс ребенка, у которого нет отца. Будто бы половину тебя кто-то украл... Мать меня отдала в ясли в трехмесячном возрасте, потому что была одинокой и к тому же детдомовкой, поэтому некому было со мной сидеть, а на жизнь зарабатывать ей приходилось только самой. Меня лишили детства, а ее - радости материнства.

- Здесь корни твоей ненависти?

- Моей - да, а его - не знаю. В идеале, мужчина должен обеспечивать семью, а женщина, если пожелает, будет только женой и матерью, то есть собой. А когда захочет, то, занимаясь общественно полезным трудом, сможет стать на карьерной лестнице наравне с мужиками, а одаренные - и выше их по службе. Я знаю таких женщин, которые дадут фору десятерым мужчинам по уму и трудолюбию.

- То есть пол здесь не при чем?

- Еще как при чем! В нашей стране случился феномен, когда мужики стали бабами, а бабы заняли их место на работе, в семье...

- Андрей, что ты с этой своей злостью делаешь, ведь она задушит в тебе все лучшее?

- Вовсе нет, она дает мне силы бороться со злом и делать добро тем, кто в нем нуждается и достоин его.

- Зло, умноженное на зло, рождает новое, более мощное зло?

- Неправда, в этой борьбе зло погибает или, во всяком случае, не умножается, а вычитается.

- Большой дракон съел маленького дракончика...

- Пускай так.

- Пускай, но в этом случае все, кто находится рядом с этими драконами, непременно будут страдать. За что?

- Кто будет рядом со мной - не пострадают, я их сумею защитить. Противная сторона, вероятно, сделает то же самое.

- Ты, Климов, как и Лукашенко, идешь своим путем, прорубаешь себе дорогу, но когда лес рубят, то щепки летят. Уж больно много от президентского топора <щепок' разлетелось в разные стороны, а это все люди, это все судьбы. Кто отвечать за все это будет?

- Щепки летят не потому, что Александр Григорьевич - плохой лесовод, а потому, что его дровосеки слишком усердные. Это они реализуют свои мелкие комплексы неполноценности. Представляешь, какое наслаждение испытывает ничтожество, по приказу убивая политика, бизнесмена, чиновника, он как бы говорит: 'Ага, ты считал себя хозяином жизни, а я никто, но сейчас тебя убью и... мне за это ничего не будет, даже наградят'. Так на мне, полуживом, топталась моя судья, считая, что возвысилась над Климовым.

- Ты говорил, что Минск - твой город. Ты что, от него энергетически подпитываешься, как некий былинный богатырь? Может быть, и хозяин страны черпает в нем силу или уже вся Беларусь стала для него донором?

- Да брось ты, какую силу можно найти у лицемеров, а их, я говорил, чуть ли не полстраны! Они любое дело погубят.

- Да опиши мне, наконец, пример такого лицемерия!

- Это те, кто шепчут на ушко ближнему, что Лукашенко неумен, тщеславен, мстителен, что именно он ведет страну в пропасть, что он ничтожество, что все беды от него, а сами идут на службу, стреляют в затылок Гончару и прикалывают новые звезды на погоны.

- Таких не так много.

- Зато многие их обслуживают, многими они командуют, а главная масса лицемеров - это те, кто сознательно голосует за Лукашенко, ради мелких шкурных интересов, ради того, чтобы и дальше паразитировать за счет талантливых, умных и сильных. Это и есть настоящая власть, а не аппарат Лукашенко и Совмин. Это они способны продать ради себя всех: своего президента, своих министров, свою семью, отца, мать... Они ни во что не верят, кроме собственного эгоизма. Их такими сделали. Вспомни, что мы родом из 'империи зла'!

- Хочешь сказать, что любой гений, пришедший на место Лукашенко, пройдет его путь, ведь лицемеры и его поведут той же дорожкой, а ему будет казаться, что он идет по своей, новой и правильной? Такая же судьба и тебе уготована?

- Ну, нет, меня туда никаким калачом не заманишь. Пока не наказаны преступники, убивавшие лучших людей страны, пока толпящиеся у президентского трона не уйдут в политическое небытие, пока лицемеров будет полстраны, мне президентство заказано, потому что оно замарано и вряд ли скоро очистится. Лучшее, что может у нас быть в обозримой перспективе - парламентская республика образца 1994 года, а значит, баланс трех ветвей власти, законные демократические выборы, истинная свобода слова и гарантия независимости страны. Сегодня для меня участие в любых выборах - все равно что охота на уток с пистолетом, из которого убивали Захаренко, Гончара, Красовского, Завадского... Немыслимо!

- Дальше в своих размышлениях ты скажешь, что не приемлешь нынешний герб, гимн, флаг...

- Конечно, не приемлю. Кто из здравомыслящих людей будет радоваться и ликовать, смотря на стяг, символизирующий закат над болотом? Те же краски, то же уныние и безысходность. Это скрытое пророчество судьбы государства, неминуемого заката колхозно-административной системы.

- То есть ты не намерен выходить на президентскую дорогу и тебе начхать, сколько времени еще будет тащиться страна, толкая впереди себя арбу с четырехугольными колесами нашей власти. Так?

- Я воюю за умы, а не за мускулы, мундиры и штыки. Меня больше устроит роль созерцателя и мыслителя, чем руководителя. Мир так велик и многообразен...

- Опять пастораль с овечками, пастушками и дудочкой? Ты посмотри на себя, Климов, из тебя так и прет Наполеон с барабаном, гвардией и пушечной пальбой.

- Пусть так, но я - не Наполеон амбиций, а Наполеон поставленной цели. И это не президентство или борьба с Лукашенко. Что бы ни случилось, свою задачу я выполню и к цели приду. А там пусть будет Ватерлоо лично для меня, но интеллект и благородство будут властвовать над невежеством и хамством в нашей стране, не сомневайтесь.

- Ты, кажется, как и Александр Григорьевич, Дева по знаку Зодиака...

- Да, но только он ближе ко Льву, а я - к Весам. Сознаюсь, в стиле жизни у нас есть что-то общее, но вот во всем остальном - извини.

- Да, ладно, Климов, уж колись до конца. Оправдываешь ты нынешнего президента потому, что сам такой же, только не у власти.

- Я понимаю, в чем состоит истинная мотивация поступков и стиль его руководства страной. Да, он меня не устраивает, и я этого не скрывал никогда. Но его-то электорат ничего подобного не видит и не знает. Он-то другого языка и другого стиля руководства не приемлет. Есть, безусловно, много других, кто видит, понимает и ненавидит нынешний режим. Гражданская война идет, но скрытая война, в умах и душах людей. Раскол общества налицо. Я это видел там, в тюрьме. Молоденькие лейтенанты считали своим долгом как-то меня задеть, кольнуть, унизить... Они видели во мне врага.

- Хочешь сказать, что мы живем в стране торжествующего хама?

- Да, это так. Порядочные люди сидят за колючей проволокой невостребованности, извечного финансового унижения, на них блюют с перепоя их охранники, они - по большому счету изгои в собственной стране. Интеллект нынче оплеван. Благородные люди оказались слабее хамов потому, что они не могут, ну никак не могут хрюкать у кормушки! Не могут жрать 'человечину' ни под каким соусом! Хам же жрет все! Охотнее всего - мозги интеллигенции. Он жрет их ложками и чавкает, наслаждаясь ароматом чужих мыслей, чувств, идей... набивая этим бесценным продуктом не голову, а живот...

- Хочешь ты этого, Андрей, или не хочешь, но есть какая-то связь между тобой и Лукашенко, пусть она не видима, виртуальна, но внутреннее напряжение существует, и оно не разрядилось твоей 'сумой и тюрьмой'.

- Мне повезло больше, чем ему. Во-первых, у меня были по жизни люди, которым я мог с огромным удовольствием подчиняться и подражать, нисколько не ломая себя и не стесняясь этого, считая за благо их советы. У моего визави с этим были проблемы: гордыня, видимо, мешала стремиться к внутреннему совершенству, используя подражание другим, более совершенным, чем ты сам. Было ли это неосмысленным или врожденным свойством души, мы никогда не узнаем, и, наверное, он и сам этого не знает. Меня же жизнь в отношении встреч с замечательными людьми просто баловала. У меня были великолепные учителя, друзья, любимые, а у него их, судя по поступкам, не было. Он расстается с 'друзьями' запросто, без сожаления, потому что их на самом деле нет ни одного. Есть зависимые от него люди, есть обласканные им, есть подчиненные, а вот связанных с ним духовно, увы, нет. Он не находит в этом Богом данном великом бескорыстном чувстве радости и тонкой прелести общности, единения, когда светлой энергией 'подпитываются' оба. Другое дело - удовлетворенная месть, скандал, насилие, тогда темная сила насыщает всех, кто ею питается.

Кстати, у Лукашенко есть весьма мощный источник духовного питания. Это энергия процесса строительства: государства, внутренней и внешней политики, экономики...

- Вернись на землю, дорогой мечтатель. Какая внутренняя подпитка от сплошных поражений как раз в тех областях, которые ты только что перечислил? Тут человеку с тонкой психической структурой 'мальчики кровавые в глазах> стали бы мерещиться. Энергия может вызываться успехами, а где они, победы? Экономика в конвульсиях, инвестиций зарубежных нет и не будет, цены растут, внутренний рынок, как 'шагреневая кожа', сжимается, а на внешнем с нашей себестоимостью и качеством товаров ловить нечего.

- Это как смотреть! Президентом стал? Стал! Подпитался энергетически. Как политик известность во всем мире получил? Пусть с элементами экзотики и скандала, но получил. Подпитался? Да. Он не станет ни Путиным, ни Шредером, ни Шираком, ни, тем более, Бушем, а надо ли это ему? Он остался собой, пойми. Неважно, на уровне ли директора совхоза или директора страны. Ему просто не нужен другой уровень. Мы постоянно кричим, что он разрушил, завалил, не обеспечил... Да бросьте вы, в пределах совхозного уровня все в порядке. Не видит он никаких катастроф, в его мире их нет. Там полная идиллия, там громадное уважаемое всеми государство, там великий президент и счастливый народ. Пусть автомобиль вот-вот сорвется в пропасть, а в салоне-то тепло, музыка приятная играет, чисто и запах хороший... Вот идеология нынешнего правления в Беларуси. Он не видит других горизонтов, тех, что видят его критики. Едем-то все в одной машине, и ни одна сволочь всерьез не взялась за руль, чтобы хоть как-то изменить курс, притормозить... Гончар попробовал. Где он? Карпенко, Захаренко... продолжать? Я сам почувствовал силу этого руля, да меня быстренько от него отодрали...

- В чем все-таки есть момент истины?

- У него есть своя логика и свой собственный мир. В нем есть все: его государство и те страны, которыми он окружил границы своей империи, его послушный электорат и даже те враги, которые, ругая его, тем не менее, лукашенковский мир поддерживают и не дают разрушить.

- Но ведь реальный мир другой?

- Да что ты видишь здесь реального, оглянись... От того, что мы сейчас скажем, что Лукашенко заслоняет нам солнце, солнца больше не станет, ничего не изменится...

Климов:
Есть ли у вас побудительный мотив исследовать слабые стороны своего мировосприятия?

Не торопитесь с ответом. Заглянув внутрь своего заблуждения, вы всего лишь задали вопрос, отвечаете не вы сами, не ваши мысли и поступки и даже не ваше подсознание. Это трансцендентный парадокс: исследуя себя в границах своего интеллекта, мы замыкаемся в кругу своего невежества...

Старшина подошел ближе к приговоренному. Не очень близко, но и не далеко, как раз на вытянутую руку и еще на длину 'макарова', с запасом в несколько сантиметров до головы, чтобы не испачкать оружие. Выстрел. Уже не человек, а тело, как мешок с картошкой, упало, как-то глухо, как будто оно никогда не имело живого веса. Следующий...

Тусклый свет. Шарканье тяжелых ботинок или сапог по бетонному полу. Никаких других звуков. Ни голосов, ни вздохов. Только кислый запах водопроводных труб. Запах ржавчины и дыма. Запах сгоревшего пороха. Тоже кислый и слегка горький...

Я иногда думаю: почему они меня не убили чужими руками, безнаказанно? Нет человека - нет проблемы! А ведь хотели, особенно один. Мне даже кажется, что я знаю его. Очень хорошо представляю его лицо. Вот он сидит за столом. Рядом с ним еще кто-то. Их лиц я не вижу. Это исполнители. Опытные, умудренные собственной жизнью и смертью других, они знают про людей все и даже немного больше... А я, смогу ли я с большой долей вероятности понять их желания, мотивы тех или иных поступков; возможно ли вот так взять и залезть в чьи-то мысли, узнать будущее, проникнуть в прошлое?..

Мне всегда тяжело просыпаться. У меня нет бессонницы, и мне не снятся кошмары. Все мыслимые и немыслимые ужасы я переживаю наяву. Я боюсь своих размышлений. Этих огромных, тяжелых и неподъемных, как египетские пирамиды, мыслей. Они давят плоть и дух, они похожи на правду, замешанную на заблуждениях, на ложь, оплодотворенную проницательностью.

Мои мысли - это микромир Шредингера в оболочке теории Эйнштейна, это психоанализ Фрейда и подборка человеческого материала Юнга.

Я устал ждать. Время идет слишком медленно, и приспособиться к этому я никак не могу. А иногда и не хочу, протестую против этой тягомотины. Но у всего есть своя логика, у каждого события и тех мучений, которые я сейчас переживаю.

Я только и делаю, что жду, когда меня начнут резать на куски, когда перестану чувствовать боль или отключусь от потери крови. А в это время она, эта не то бордовая, не то черная жидкость бьет фонтаном из моих вен и артерий, заливая пол камеры. Она растекается медленно, поглощая сантиметр за сантиметром, пока не заполнит все пространство по периметру и не станет подбираться ко мне вверх, заполняя весь объем моего каменного мешка, моей микровселенной, которая вот-вот взорвется, разрушив стены тюрьмы, нарушив государственные границы и воздушные пространства, перевернув все существующие доселе понятия о пространстве и времени, вырвавшись в космос, подальше от моего мозга, страхов, ощущений, поглотив все на своем пути, не оставляя места сомнениям. Но крови надо очень много, чтобы заполнить даже мою маленькую камеру. Здесь есть окна, через которые она может вылиться почти вся, но еще до них ее ждет дверь, окованная, крепкая дверь со множеством щелей, в них она и просачивается, заливая коридор на моем этаже и стекая вниз, заполняя подвал, убивая других заключенных. Но этого никто не замечает. Дежурные 'вертухаи' топают своими сапогами по крови, она мешает им идти, проникает внутрь сапог, ботинок, тапочек, смешиваясь с менструальной кровью женщин-<вертухаек', отрывая их от пола и прижимая к потолку, где они последний раз удивленно вдохнут воздух... А кровь все прибывает и прибывает. Я этого не чувствую, никто этого не осознает, все молча ждут своей гибели, все готовы испытать сладостный миг наступления смерти от собственных ожиданий, захлебнувшись в крови безысходности и отчаяния. Как это сексуально, как интригующе, как завораживающе - умереть от собственной плоти, удушить себя эмоциями и выпотрошить злорадством. В этом есть какая-то метафизика, высший смысл безумствующей массы. Не веря ни во что, и тем более в себя, засовывают руки себе в рот и достают из живота собственные кишки. Вот он, апогей наслаждения, слабости и трусости. Эй, вы, на свободе, полезайте ко мне в окно, набивайтесь битком в эту тюрьму, будем вместе захлебываться в крови..!

Можно ли судить о происходящем так же ясно и трезво, как это делается уже после, после того, как мы перестаем интересоваться всем тем, что с нами было, даже после того, как мы устаем от собственной памяти и наши планы на жизнь вдруг меняются? Не меняется только цвет глаз, все остальное, увы, подвержено ужасающим и благостным метаморфозам. Что же мне делать, как остаться собой, когда, к своему восторгу, быстро сменившемуся ужасом, граничащим с помешательством, я увидел свои материализовавшиеся мечты, твердые, как бетон, яркие, как полевые цветы?

ДЯДЕК ПО ИМЕНИ БЕЛОРУС

'...И приснилось Дядьку, что он на службе и у него в череп вживлена антенна, и что ему будет очень больно, если он сделает что-нибудь такое, чего хорошему солдату и гражданину делать не положено. Антенна будет передавать ему всякие команды и дробь барабана, под которую ему надо маршировать.

Понял Дядек, что такая антенна вставлена не только у него, а у всех без исключения - в том числе и у врачей, и у медсестер, и у военных, и у чиновников, и у друзей, и у его женщины. Так он осознал, что наша страна зиждется на полной демократии.

Дядек понимал, что это очень хорошая система... В госпитале ему дали испытать малую толику той боли, которую антенна может ему причинить, если он сделает хоть шаг в сторону с пути истинного...>

- Андрей, в своих рассуждениях мы с тобой вольно или невольно касались вопроса власти, но всегда в качестве некой составляющей: деньги - власть, интеллект - власть, массы - власть, а собственно самого феномена власти еще не рассматривали. Рискнем?

- Самое интересное, что власть в нормально развитом государстве не существует. Есть определенные инструкции, по которым живет общество, их исполняя. Мы же осознаем власть как нечто с предлогом 'над>: она над обществом, над государством, над конкретным человеком и даже над его мыслями и планами.

- Ты говоришь о том, что власть присвоила себе некие не свойственные ей функции, а люди эту самую власть обожествили?

- И это в том числе. Говоря о власти, мы делаем поправку на то, что многое ей можно простить, что она неподсудна, что законы, по которым судят людей, для власти законами не являются. Почему я оказался в тюрьме? Да потому, что есть это понятие 'над', когда власть встала над правом и над человеком. По существу, все население страны оказались 'под' властью, потеряв статус граждан и оказавшись беззащитными перед этой машиной наказаний и поощрений. Люди попали в выгребную яму незначимости и зависимости от воли не самых достойных своих сограждан. Но самое поразительное, что мы сами наделили власть божественным происхождением, мы сами дали ей право быть <над' обществом и даже 'над' здравым смыслом, который внутренне противится обстоятельствам нынешнего бытия. Даже если мы соберем завтра съезд интеллигенции не только Беларуси, но и всего мира, то и тогда не найдем решения, как сделать народ счастливым. Маховик подсознания и шестеренка сознания зацепились один за другую - и мы затормозили, наши мозги оказались в клинче противоречий с самими собой. Наше собственное попустительство...

- Перестань, Климов, какое попустительство? Все было по закону - и выборы в парламент, и выборы президента...

- И государственный переворот 1996 года, когда незаконный референдум уничтожил последние атрибуты влияния граждан на власть? Мы тогда сказали: 'Пожалуйста, власть, 'кируй', разрешаем тебе быть 'над'!' А потом все пошло по схеме: фальсификация последующих выборов всех уровней власти, включая президентские 2001 года, убийства бизнесменов, политиков, журналистов... Своим молчанием мы как бы дали карт-бланш: 'Пожалуйста, ребята, продолжайте! Мы понимаем, есть издержки, лес рубят и щепки летят! Других-то правителей у нас нет. А может, так и надо?' Мы, как оказалось, не готовы жить по естественным, общечеловеческим законам, мы сами изобрели свою власть, а теперь не знаем, как избавиться от этого изобретения.

- По-твоему, мы уже рождаемся с трепетом перед властью, у нас что, на генном уровне заложено почитание к тем, кто там, 'наверху'? Почетные титулы и генеральские лампасы

заставляют ноги подгибаться?

- Да еще церковь внесла свою лепту в обожествление власти, а она вовсе даже не от Бога! С одной стороны, религия духовно освободила людей две тысячи лет назад, а потом стала их обратно загонять в стойло, подменяя христианский принцип следования заповедям Бога слепым подчинением церковным догматам. Это зомбирует граждан, делая их подданными любой власти: от монархической до коммунистической.

- Раковая опухоль власти поразила мозг целого народа?

- Не все так плохо, но летаргия в сознании присутствует. Часть мозга атрофировалась и уже не хочет работать в этом направлении.

- То есть не надо думать: с нами тот, кто все за нас решит?

- Примерно так. Самое страшное, что здесь и заложена мина. Гражданин добровольно дает преференции системе 'над' по отношению к своему 'я', не желая брать ответственность за принятые решения, ошибки, наконец, за собственную волю, лишаясь самой важной ипостаси человека разумного - свободы мысли.

- Ну, это уж слишком! Кто тебя или меня лишал свободы мысли? Слава Богу, над ней, вольной пташкой, еще не придумали контроль...

- А внутренний цензор? Подумал о чем крамольном - грех! Не дай Бог, по пьянке сболтнешь чего лишнего, и... как бы чего не вышло.

- Твой собственный палач с топором отсекает все, что не укладывается в рамки вбитой в голову идеологии власти?

- Да, не переступай порог дозволенного, даже в мыслях. Вот тут и рождается страх и безнадежность любых действий против обожествленной власти. А зачем, все равно бесполезно и даже опасно? Самое интересное, что весь этот ужас придуман! Ничего этого нет! Мы, загнав в никуда свое творческое начало, позволили разрастись воображаемым угрозам...

- Интересный компот получается. Мы, оказывается, придумали власть, испугались ее виртуального топора, а на самом деле ничего этого нет, и в тюрьме ты, оказывается, не сидел, и сержанты тебя не мордовали?

- Ты ничего не понял! Разве не типична для нашего города картинка, когда стоит на тротуаре молодой парень с группой таких же, как он, студентов или даже школьников и держит плакат, а его избивает дубинкой детина-омоновец в каске и со щитом. А вся вина этого паренька в том, что на плакате написано <За лучшую жизнь!' Он не призывает к войне, не требует свержения власти, даже правил дорожного движения не нарушает! Кому он хочет лучшей жизни? Да тому же милиционеру, его жене, его детям, его престарелым родителям! А за этим сержантом стоит полковник и говорит: 'Попробуй только не ударь, я тебя потом сам ударю!' Он тоже видит этот плакат, он тоже хочет лучшей жизни, но и он зависим, потому что за его спиной стоят его жена, его дети, его престарелые родители-пенсионеры, которые говорят: 'Да правильно ты все делаешь! У тебя нормальная работа. Их надо бить, этих 'отморозков> с плакатами!' Полковник - совсем не дурак и не сволочь. Он тоже иногда сомневается: 'Что-то здесь не так, вроде нельзя их бить, не по закону?> Только его сомнения быстро проходят, потому что за его семьей стоят те самые, кого бьют, и рассуждают: 'Да все нормально! На то они и милиционеры, чтобы бить. Им ведь приказывают, а приказы надо выполнять. Нас бы не тронули, если бы мы не высунулись с этим глупым лозунгом 'За лучшую жизнь!' А к этому хору еще и голоса интеллектуалов добавляются: 'Что вы от этих дуболомов-ментов хотите,

они же дебилы, у них в голове две извилины, и те от удара!' Что это значит? Да мы сами освобождаем исполнителей воли власти от всякой ответственности!

- Круг, выходит, замкнулся?

- Думать надо, выход искать. Как рассуждал Макиавелли, и к чему его сентенции привели? Стоит такой почитатель власти рядом со львом, гладит его по шерстке, подкладывает кусок мяса и говорит: 'Не ешь меня, Ваше Величество, я еще мяса дам, как проголодаешься'. А тут падеж скота, свининка да говядинка кончились, а лев голодный, уже клыки показывает. Что делать, ведь лев сожрет обязательно, если ему мяса не дать и по шерстке не погладить? Тогда сосед убивает соседа, и скармливают его льву, гладит и приговаривает: 'Хороший лева, хороший! Ты ведь меня не съешь?' Вот уже и соседей нет, а рык льва делается все громче. Ничего не попишешь, на корм идет собственная семья. И вот остается он один на один со львом, гладит его и умоляет: 'Ведь ты меня не съешь? Ведь я тебя кормил? Ведь я тебе самое дорогое отдал, свою жену и детей, я тебе все отдал?' Сожрал, естественно, лев своего 'кормильца', потому что ласка приятна, но не на голодный желудок, а к человечинке он уже привык. Когда человек совершил ошибку? Да когда себе подобных стал льву скармливать!

- Хочешь этим сказать, что наш лев-власть сегодня человеками питается?

- А разве непонятно, разве нужны еще какие-нибудь доказательства? Начали платить политиками. Подумаешь, несколько человек пропало без вести! Потом молох власти сожрал пятьдесят девушек на Немиге. Ну не нас же! Вавилонская башня власти посягнула на небеса, она пытается до них дотянуться, а люди..? Люди стали на нее взбираться и прыгать оттуда!

- Аллегория интересная...

- Какая, к черту, аллегория! Все в реальной жизни происходит. У меня во дворе мужик с ребенком на руках выбросился с девятого этажа! Это как? На другом конце города мать с дочерью вместе прыгнули с крыши высотки. Почему? Что подтолкнуло их к суициду? Ну, яйцеголовые, сообразите наконец, что происходит? Нас уже меньше десяти миллионов, и население все убывает! Пришло время интеллекта, а не грубой силы, на дворе третье тысячелетие, а мы сами себя съедаем. Болезнь... С чего начиналась югославская трагедия? С экономического упадка, с обеднения людей, с той самой летаргии интеллектуальной элиты. А чем закончилась? Бомбежками и распадом сильного славянского государства! Мы этого хотим? Или все опять спихнем на Лукашенко? Он что, один во всем виноват? Чушь! Это вы делаете, ваши соседи, ваши знакомые, ваши родственники! Это вы, интеллект и совесть нации, заблокировали свой мозг страхом и ленью. Проснитесь!

- Плохой из тебя дипломат, Климов! Так и скажи, что старая оппозиция зациклилась на образе врага в лице президента, для них страшнее кошки зверя нет, а проблемы лежат в совершенно иной плоскости. Там и должен интеллект нации себя явить. Говори прямо, я прав?

- Бог слишком много дал ума людям...

- Тебя не понять. То ты говоришь, что мозги в стопоре, то их, оказывается, слишком много. Ты уж определись!

- Ты сейчас увидел в зеркале не себя, а монстра, который держит тебя за глотку. Ты сам построил в своем сознании тюрьму и сидишь в ней, боясь истинной свободы. Тебе страшно?

- Мне интересно. Хотя не скрою, что поворот к тому, что наша власть - это мы сами в наших худших проявлениях, для меня новый взгляд. Как и то иждивенчество, которое присуще нашему сознанию. И все-таки скажи, когда в нашей новейшей истории народ отдал свою волю власти?

- Со времен Горбачева до первых президентских выборов в Беларуси мозг индивидуумов стал оживать и становиться достоянием частным, а не общественным. А потом, впервые со времен Октябрьской революции, возник лозунг: 'Грабь награбленное!' На смену коммунистической номенклатуре пришла новая власть, и... у людей загорелись глаза: вот сейчас все отнимем, разделим и заживем, как люди. А забирать-то было нечего! В России - нефть, газ, алмазы, золото, иные полезные ископаемые, недвижимость, банки и так далее. У нас почти ничего не было, а то, что было, тут же уплывало за рубеж. Бизнес не поверил государству и вывез капиталы в страны со стабильной экономикой. Помните ту жуткую инфляцию, когда власть заставляла предпринимателей продавать заработанную валюту по курсу Нацбанка. Это был прямой грабеж. Грабь награбленное! Забирай власть у власть имущих! Анархия? Ехал я перед первыми президентскими выборами в одной машине с высоким государственным чином. Дорогу перекрыла милиция. Подъезжаем к гаишнику. Показываем документы. А он: 'Не пущу! Мне плевать, что вы власть! Я сам власть!' Вот он, момент истины! Здесь силовые структуры и чиновничество в целом почувствовали свою силу, здесь директора заводов и председатели колхозов поняли: грабь, все - твое! Да, власть можно удержать с помощью идеологии. Да, власть можно удержать с помощью законов и вековых традиций. А вот в диком государстве, где царит анархия, это сделать нельзя!

- Так что, бей своих, чтоб чужие боялись?

- Вот уж нет. В таких случаях во власти собираются все свои. Так что правильной будет фраза 'Бей своих, чтобы свои же и боялись'. Первым лозунгом нового времени был 'Грабь награбленное!', вторым - 'Забирай власть у власть имущих', а третьим - 'Отдайте нам все!>

- Так сказала новая власть, забравшая все у старой? А кому, собственно, сказала?

- Да нам всем и сказала: 'Отдайте все!' Если бы к тебе обратились с таким бредом, то ты послал бы их к черту, да еще и обматерил. Однако представь, что человеку говорят: 'Вот заберешь у этого парня все, что захочешь, и тебе ничего за это не будет'. Забрал. Действительно, ничего не было. Гуляет. Пьет, радуется жизни, но 'халявные' деньги скоро кончились. А тут ему снова намекают: 'Бери еще!' Тот берет, снова берет, еще берет... Все нормально, никаких последствий. Разбогател. А ему опять: 'Видишь, вон того? Ты ему всю жизнь завидовал и боялся. Дай ему в морду, ты ведь хочешь! Тебе ничего не будет. А если он будет грозить и сопротивляться, то на нас сошлись'. Бьет в морду, дает под зад, да еще ноги об него вытер. И ничего... Потом <наехал' на второго, третьего... И опять все нормально, никаких последствий. Берет что хочет, бьет кого хочет - крутой кабан стал, но тут... Тут ему и говорят: 'Автомобильчик твой нам приглянулся, отдай!' - 'Да как же, это ж мой, вы же...' - 'Не дашь?' - 'Нет-нет, берите'. А ему снова: 'Да и жена у тебя классная телка! Дай!' - 'Да вы что?!' - 'Не хочешь?' - 'Нет-нет, берите'. Через какое-то время снова оттуда зов: 'Поди сюда! У тебя, говорят, почки хорошие? Ну, мы у тебя одну заберем для ценного человека. Ты как?> - 'Да как же, мое здоровье..?' - 'Ты против?' - 'Нет-нет, берите'... Вот тут-то он и прозрел! Власть-то у него забрала все: имущество, семью, здоровье, будущее. За что? А за то самое: за то, что брал незаконно, бил незаконно, пользовался благами незаконно. Плати! Вот и молчат, как рыбы, и в суд не идут, и 'одобрямс' власти кричат. Рыльце-то, в пушку.

- Ну вот теперь притчу в стиле Будды рассказал. А конкретнее можешь?

- Когда Верховный Совет 13-го созыва, по существу, разгоняли, знаешь, какую формулировку изобрели по вопросам референдума? 'Одобряете ли вы?> Они у нас спрашивают одобрения, значит, мы сила. Ура! Попались. Потом только пальцем показывали, а руки 'избранников' сами вверх взлетали. Едут пассажиры по проспекту Скорины, а на тротуаре цепь неравнодушных людей стоит с портретами без вести пропавших, смотрят пассажиры на них из окон, а в душе холодок. И не потому, что черствые эти люди, нет, они нормальные, и совесть у них есть, но в эту живую цепь они не встанут. Почему? Соучастники! Не те, что на Карла Маркса сидят, а эти, из троллейбуса. В душе - соучастники! Им страшно, как страшно и большинству

электората, который подписал 'договор с дьяволом' и не понимает, чего же от него еще хотят. Да всего и хотят. Отдайте все! И отдают. Власть спрашивает: 'Вам сто долларов на жизнь хватит?> - 'Хватит, хватит!' - 'Тогда из них верните нам пятьдесят долларов за квартиру, да еще сто - за еду, учебу, на библиотеку и транспорт!' - <Так ведь нет столько!' - 'Платить!' - 'Ладно, только рост цен остановите'. - 'А теперь еще за свои сотки дачные в пятикратном размере на налог отстегните!> - 'Да ведь нет больше...' - 'Что?>

И ведь заплатят... Стоит огромный такой драконище. Только дунет - и горы рушатся, хвостом махнет - пол-леса нет. А рядом мужичок некий обретается, с кнутом и ошейником. Только дракон голову поднимет, а мужичок кнутом взмахнет да за ошейник дернет: 'Стой, дракон, а то голову сейчас оторву!' И стоит могучий глупый дракон, боясь пошевелиться. Ему только чихнуть в сторону мужичка - и нет того, да не может.

- А я тебе, Андрей, в ответ 'Тараканище' Корнея Чуковского в пример приведу. Там и вовсе тонконогая козявочка-букашечка всех зверей в страхе держала, потому что у нее усы были уж больно большие и страшные... Кажется, мы про одно и то же толкуем?

ВМЕСТО ЭПИЛОГА,или СПОР С ЧИТАТЕЛЕМ

- С тобой, Климов, никогда ни до чего не договоришься. Это только кажется, что мы видим с тобой один и тот же мир. Я нарисовал себе его в одном масштабе и цвете, ты - наверняка в другом. Мы тщимся соприкоснуться своими мирами. Поэтому все наши рассуждения - скорее всего, очередные заблуждения, очередные миражи, и только. Мы не продвинулись с тобой к истине ни на йоту. Давай скажем правду нашим читателям. К чему мы их зовем? Твой Олдос Хаксли - просто наркоман, перепробовавший кучу психоделиков, но свое сознание так и не расширил, потому что не понял простой истины: сколько вложил, столько и получил. Халявы не будет! Чудо открывается тем, кто способен его увидеть. Не наработал 'денег' на чудо - извини, канал не включился, смотри БТ. Ты, как мне кажется, иногда попадаешь в поток сознания, выхватываешь оттуда некую истину и через нее преломляешь действительность в виде собственных сентенций. Это подключение к Всемирному разуму, длившееся миг, привело тебя к осознанию того, что самое приятное - созерцать Мир. Ты, Климов, созерцатель, ты уже не хочешь действовать, тебе это не интересно, единственное, на что ты способен - записать с моей помощью впечатления от этого созерцания. Я не прав?

- Почему же... Да, созерцаю, но для чего? Чтобы нарисовать свою картину мира. Ведь созерцание дает возможность увидеть, как с мыслью рождается образ. С одной стороны, наш потенциальный читатель созерцает окружающий его мир, с другой - сильный и рациональный белорус не проникает в суть вещей, а их считает: раз, два, три, десять, двадцать... Он прикидывает их стоимость в рублях и долларах, определяет их временные характеристики: месяц прошел, два, десять, а вот и год... Вникать дальше никто не хочет. Зачем прожит день? Год? Век? Он не понимает, что такое стоимость денег. Каков их эквивалент? Не задав эти вопросы, нельзя получить ответ на главный вопрос: 'Что ты хочешь от этой жизни? Какова ее цена?' По тому, как мы живем, она не стоит ничего! За нее еще надо доплачивать: на похороны, на лечение... Надетые костюмы с чужого плеча лишь уподобляют нас чучелам, которых набивают соломой и которыми пугают ворон. Чучела приносят пусть маленькую, но пользу, люди - нет. Все это я сказал для того, чтобы прокричать, проплакать, простонать: 'Белорус как личность, как субстанция цивилизации 21 века уценен за ненадобностью!>

- Так что, ты предлагаешь накинуть себе цену, для чего приклеить усы, костюмчик с чужого плеча в очередной раз примерить...

- Всем хочется рядиться в одежды миллионеров, звезд эстрады, надеть пиджак Путина, сесть в 'мерседес' Лукашенко, но в этой массе людей нет ни одного желающего сесть в свою машину, надеть свой пиджак, быть собой и только собой. Чтобы соседи сказали: 'Вот наш

Петров в своем пиджаке 'от Петрова', с прической 'а-ля Петров', в автомобиле 'Петров-моторс' по своему городу едет'. Красота?

- То есть ты говоришь о том, что каждый белорус достоин быть кем-то вроде Климова, с собственным 'Я'. Так?

- Дорог у нас бесчисленное множество, как и пьедесталов. Выбирай любую, иди по ней и по праву занимай свой собственный, личный и недоступный никому уровень.

- Больно уж убогие вокруг пьедесталы стоят, все больше на могильные холмики похожие.

- Ты прав. Вспомни 50 девочек, погибших на Немиге! Их затоптали взрослые мужики. Посмотри, как легко о них забыли, как общество закопало память о них, словно цветочные горшки в землю. Ведь снова мы говорим о празднике под названием 'колхозное гуляние в городе'. Скотолюди затоптали девочек! Как понять цену жизни, если мы никогда не задумывались над ценой смерти?

- Зная цену смерти, человек становится свободным, даже от власти. Нет страха смерти - нет и силы власти! А девочек убили мы, руками власти, но заказчики - мы! Кто позволил режиму быть безнаказанным за любые преступления? Да мы с вами, все прощая и ничего не требуя. Мы наделили власть божественной силой и авторитетом. Если бы в 94-м году нечто подобное произошло, то на улице была бы стотысячная манифестация. Сколько возмущенных вышло на улицы после трагедии на Немиге? Единицы! Мы снизили планку своих претензий к правительству до минимума. Наше гражданское сознание давно валяется на помойке, и даже бомжи его не берут, потому что нигде его не принимают. Потому и девочек безнаказанно убили...

- А сколько стоит человеческая жизнь? Задайте себе вопрос! Сколько стоит смерть каждой этой девочки для нас, для страны, для общества, которое читает Достоевского, слушает президента, пьет пиво 'Балтика' и ест бананы? Сколько стоит не родившийся у этой девочки ребенок? Сколько стоит счастливая семья? Сколько стоит счастье матери этой девочки, которая никогда не будет держать на руках внука? Я хочу знать, сколько стоит гений, не родившийся в этой семье? Ученый, погибший под копытами скотов? Писатель, который мог прославить Беларусь? Сколько стоит не родившийся в этой стране президент, который мог стать благом для целого народа, великим Политиком? Я хочу знать, сколько стоит красота этой погибшей девочки? Я хочу знать, сколько стоит слеза этой девочки? Стоит ли она тех денег, которые заработаны на ее смерти? Стоит ли она тех благ, которые получили дети убийц этой девочки? Я хочу знать, что чувствовали те люди, которые топтали тела детей и, вернувшись домой, спокойно ели и пили? Я хочу знать, какого вкуса было пиво, которым поили толпу на этом 'празднике'? Я хочу знать, кто насладился вкусом крови этих девочек? Я хочу знать, сколько слез выплакано матерями погибших? Я хочу знать, не ждет ли такая же судьба мою дочь и сотни тысяч других дочерей Беларуси? Я хочу знать, почему они погибли? Это что - гнев Божий? Или простое жлобство людей? Что у нас внутри? Я не боюсь ставить этот вопрос, потому что не хочу, чтобы власть питалась энергией варварства и убийств, замешанной на крови детей. Я не хочу, чтобы их бросали в мясорубку государственной идеологии, изготавливая колбасу под названием 'Беларуская памяркоуная'. Я превращу ее в дубину и буду бить по головам равнодушных людей, но никому не позволю ее есть, никому, даже ценой собственной жизни!

- Чувствую, Андрей, что это твоя душевная боль. Понимаю, что даже одна слезинка ребенка не стоит радости всех властителей мира. Ты спрашиваешь: сколько стоит смерть человека? А сколько стоит жизнь?

- Мы просто забыли про то, что нет мерила нашей сущности. Сколько стоит нравственность и духовность общества? Есть ли у нас душа? Что это такое? Если человек не знает цену золоту,

то он сгребает его вместе с булыжниками и другим мусором со своей грядки и выбрасывает за ненадобностью. Если колосья пшеницы принимают за сорную траву, то ее на поле выпалывают и уничтожают. А душа и есть составляющая сущности человека, его единственное богатство, бесценное богатство. Вот я и задаю вопрос: 'У тебя, читатель, оно есть? Присутствует что-то еще, кроме рук, ног, почек, печени и головы, которая нужна, чтобы есть?>

- Зачем же так обижать нашего читателя?

- Если он дочитал нашу книгу до этой главы, то он уже давно сам задал себе этот вопрос.

- А я уже давно тщусь понять, а какой он, твой собственный мир, каким ты его видишь?

- Мой мир - это горы. Выше ли Гималаев? Не знаю, но мимо них плывут облака. Я живу в долине. Здесь поздно появляется солнце, потому что ему долго подниматься до края вершин. Здесь рано наступают сумерки, солнце быстро опускается за гребни гор. Я смотрю на окружающий меня величественный пейзаж и думаю: что же там за этой красотой? Иногда я делаю попытки достичь их границы, но чем дальше иду, тем ясней понимаю, что нет им края. А любопытство разгорается: что же там, за горами? В моем мире нет реальных людей, и мне не надо их понимать, к ним приспосабливаться. Они живут своей жизнью, и их немного. Всем хватает места, никто не посягает на жилье другого. У каждого свое дело. У каждого свои мысли, но они не мешают другим. Иногда они пересекаются, и возникает сияние, это праздник. Не всегда они совпадают, но мы радуемся, что есть возможность поспорить. В моем мире нет ругани и унижений, а есть понимание и уважение иного мнения. Если ты велик, то простишь несовершенство другого. Мой мир населен красивыми людьми. Глядя на них, хочется жить, и ты ясно видишь смысл жизни. В моем мире идет дождь, светит солнце, бывают и морозы, и засухи. Но всегда есть крыша над головой, чистая вода и тепло. В моем мире всегда много работы, не бывает пустых мечтаний и глупых размышлений ни о чем. Мой мир наполнен смыслом, но в нем нет видимого горизонта. И сколько бы ты ни карабкался вверх, вокруг тебя всегда будут горы. Я буду жить в этом своем мире столько, сколько смогу, осознавая, что за покоренными мною вершинами есть другие, еще более величественные и неприступные.

- Понимаю тебя, Андрей! Понимаю, что постичь непостижимое нельзя, а созерцание услаждает, будит воображение, но у меня есть свой мир...

- Ага, у тебя этот мир все-таки есть? Это ведь не твой кабинет и даже не твой город?

- Таких людей, как я - великое множество, и у каждого есть свой мир. И очень может быть, что наши читатели не захотят попасть в тот, в котором живем мы с тобой. Не надо их винить, не стоит навязывать людям радости своего мира и предполагать, что у кого-то нет души, что кто-то не дорос до этой книги. Она может стать всего лишь маленьким камертоном, а не оркестром. Отзовется его звук в душах двух человек, трех или пяти - не имеет никакого значения. Пусть какое-то слово, мысль, намек вызовут желание чуть-чуть поразмышлять, кто есть мы, наша страна и мир, в котором живем. С этого мы начали книгу и этим ее и завершим.

- Неужели, поставив сейчас точку, выключив диктофон, ты на самом деле хочешь оставить читателей в том хаосе, который мы сотворили?

- В отличие от тебя, созерцателя, я вижу практический результат труда в том, чтобы отдать рукопись в типографию, в которой весь этот бред обретет форму книги со страницами и обложкой. А книгу под названием 'Жизнь' ты будешь продолжать до самой смерти, если она, конечно, есть. Вот тогда и наступит момент истины, и ты поймешь сколько она стоит.

- Ты что-то изменил в себе, ты, сделанный из полированного мрамора и гранита своих привычек и представлений?

- Брось ты про гранит и мрамор! Человек состоит из полированного дерьма! И надо приложить массу усилий, чтобы по кусочку, по сантиметру отколупывать его, чтобы обнаружить свой бриллиант, свою душу...

- А не боишься, что твой благородный читатель скажет: 'Да все это ты с Климовым затеял, чтобы его раскрутить, да себя показать. Небось, и с Лукашенко, если бы он предложил, тоже книгу сделал?>

- Ну и что мы с тобой показали? Как разуверившийся во всем журналист оторвался от своей выпивки и вместе с бывшим буржуем, депутатом и зэком в одном лице явил душевный стриптиз, после которого на нас будут показывать пальцем. И все это сделали ради того, чтобы своими криками разбудить дремлющий интеллект, не нуждающейся в нем страны? А написать книгу про Лукашенко я бы действительно хотел и не вижу в этом ничего плохого.

- Он, по слабости, не согласится.

- Это он-то слабый? Тогда поменяй таблички на понятиях сила и слабость.

- Что же, по твоему разумению, есть сила?

- Сила - это возможность реализовать себя.

- Сходить на унитаз?

- Если у тебя есть только прямая кишка и больше ничего, то твоя сила, действительно, в сортире. Если у человека имеется только живот, то его сила в том, чтобы набить его едой, по возможности, вкусной. Если человек озабочен только своими гениталиями, то его сила именно там, в удовлетворении своего полового органа. Если у человека есть руки, ноги, желудок, детородный орган и голова, то его сила в том, чтобы все свои потребности удовлетворить в комплексе. Причем главной деталью является все же голова.

- А ты не находишь, что мозг и чувства находятся в состоянии поляризации?

- Нет никакой поляризации. Представь себе русскую матрешку, придуманную, кстати, в Японии. Одно входит в другое и составляет единое целое. Чувства и мысли не противоречат друг другу, а истекают одно из другого. Границы размыты, и проникновение происходит как в ту, так и в другую сторону. Полная взаимосвязь между чувственной и эмоциональной сферами. Мир и есть та самая матрешка, как, впрочем, и человек: физическое тело, эфирное, астральное, ментальное, эмоциональное, казуальное, божественное - все это составляет структуру сущностей по имени 'Человек' и 'Вселенная', в которой человек живет. Человек своей 'высшей матрешкой' дотягивается до божественной сущности, являясь ее 'нижней матрешкой'. А божественная сущность своей 'высшей матрешкой> составляет основу еще более высокой сущности. Это она и есть, твоя расширяющаяся Вселенная...

- Хочешь сказать, что горы моего мира и есть эти самые истинные люди? Они высоки, загадочны, непознаваемы?

- Конечно, человек не может познать своей сути, и неслучайно современный землянин использует не более трех процентов своего мозга, а гении едва переходят за пять процентов нормального потенциала разумной сущности.

- По-твоему, истинный человек - не тот, кто самый сильный и даже самый умный, а тот, кто ищет себя на пути гармонии? 'Для чего все это?' - спрашивает он себя.

- Это начало пути. То, что мы с тобой делаем, чего тщимся достичь, - это попытка не научить человека (у каждого свой мир и нас туда не пустят), а просто сказать: 'Видишь едва заметную тропинку? Это мы ее протоптали, иди по ней, если она тебе подходит. Или столби свою, но иди, обязательно иди!' Пусть это прозвучит банально, но истину сказал мудрец: 'Дорогу осилит идущий!' Мы, если только смогли, в чем я совершенно не уверен, открыли маленькую калитку, сквозь которую прошли сами, а теперь даем возможность нашим читателям открыть ее и посмотреть своим внутренним зрением: 'А что там, за ней?>

- А не калитка ли это на кладбище?

- Не знаю, может быть, и туда, или в тюрьму, или на свободу, а может быть, все вместе, только в другом порядке. Зачем тебе знать? Никто не знает своей судьбы, но следовать своей истинной сущности необходимо. Вопрос в том, чтобы разобраться, что есть твоя сущность на самом деле. Кто ты: крокодил, птичка, змея, лев или дева? Чтобы это понять, надо прислушаться к себе: к своему разуму, своему сердцу, своим эмоциям, то есть к душе, самой тонкой человеческой субстанции. Продолжай, Климов...

- И тогда, как в 'Божественной комедии' Данте, все твои тайные (читай: истинные) желания в более тонком мире непременно сбудутся. Лично я в дополнение к образу своего мира буду летать в библиотеке, где толстые фолианты и маленькие брошюрки будут светиться необычно ярким и таинственным светом...

- Ты еще скажи, что и нашу книгу увидишь где-нибудь в углу в общей куче, приготовленную к сожжению...

- Не надо быть тщеславным. Карьеристы карабкаются, как им кажется, к вершине купола, видя там славу, власть, деньги. Но в реальности они сползают вниз, потому что их 'вершина' - это дно кратера. Я к тому, что каждый человек ту самую свою калитку рано или поздно откроет, и неважно, что за калиткой, важно, с чем ты к ней придешь. И еще, стоит оглянуться, что ты там, за своей спиной оставил, понимая, что смотришь не в прошлое, а в будущее. Это и есть баланс цен жизни и смерти. Рисуйте свой мир красивым!

- Что до меня, то я вижу образ калитки, то есть выхода. Я не знаю точно, что мне надо, но я знаю точно, что мне не надо. Человек, оказавшийся у этой калитки, прочитав нашу книгу, дай Бог, поймет, что уходит он с большой помойки, со свалки человеческих пороков, глупости и придуманных нами же самими страшилок и мифов. Очень хочется, чтобы вы, читатели, отерли об эту книжку ноги, вычистив со своих ботинок грязь прежних заблуждений и вошли в эту калитку способными ощущать реальный и очень красивый мир.

- Не боишься, что люди церкви обвинят нас в ереси, литературные критики - в грубых ошибках, ученые - в дилетантизме? Скажут, что мысли наши обрывочны и непоследовательны, что они спорны, что мы зашли в своих рассуждениях черти куда?

- Не боюсь, потому что мы - часть большого целого под названием цивилизация, космос, вселенная или, если хотите, Бог. И если мы явили в книге эти проблемы, значит, какая-то микроскопическая часть клетки большого организма сегодня больна и ей нужен именно такой укол.

- Никто тебе, Евгений, не поверит!

- А мне и не нужно, чтобы мне верили. Если человек не верит, то его и не стоит убеждать. Мы написали эту книгу за месяц и радовались своей работе каждый день. Разве наша радость не стоит затраченных трудов? К тому же моя совесть спокойна, я донес свой крест, которым меня наделила судьба, потому что книгу удалось написать. То же самое можешь сказать себе ты. А вот как поступит наш читатель... это уже совсем другая история.

Климов:
Сегодня я чувствую себя уставшим, как никогда. Возможно, все образуется, но когда, в какое-такое счастливое или, наоборот, несчастливое время вдруг обрету вдохновение жизнью, пойму или узнаю, что меня ждет... В сущности, мы живем предвидением, ничего больше. Кто что сказал, что сделал, у кого что на уме и, опять же, наши невероятные возможности, как заклинившие тормозные колодки, мы упорствуем в своих слабостях до последнего. А где же точка отсчета, где? Хочется мне спросить у вас, у эдаких умников: где ваше непреодолимое желание? где ваши скрытые побудительные мотивы? откуда вы берете этот неисчерпаемый запас энергии не делать то, что хотелось бы, не останавливаться там, где необходимо - смотрите, так и задохнуться недолго, раз - и крышка, а время уходит, воздуха не хватает, кислород кончается и время к закату. А что ночью? Ночью нас никто не разглядит?

Что это я, право, о нас, когда речь идет о вас - о, как вас много! Да вас пора на живодерню - отдохните, проспитесь, разлагайтесь, соединяйтесь с землей, почувствуйте себя свободными ото всех обязательств и... обратно в строй. Добро пожаловать в наш свинарник им. Героя Социалистического труда и вдохновения, бессменного рулевого, главного кочегара электрических чайников имени еще одного гения бесполезного и неотъемлемого, г-на не знаю каких штатов и автономий, безвременно оставшегося с нами навсегда, не имеющего конкуренции в силу необходимости, в общем, пока его не забыл и ни с кем не спутал, ну, сами знаете с кем... А если вернуться к герою, то он совсем даже и не герой, ибо героев я не люблю, от них пахнет если не кровью, то нафталином, а нафталин сам по себе ничем таким дурным не пахнет, но лучше бы его заменить на спирт, а еще лучше - все сжечь.

Горит, хорошо горит, ну и слава Богу, ну и слава Аллаху, ну и достали меня эти небожители, не дадут спокойно подурачиться, сплошные неприятности, то есть испытания, которые никому не нужны, потому что и так все ясно, и не пудрите мне мозги... Ах, как же нас порой легко извалять в грязи, потоптать ногами, облевать и помочиться, облить оставшимся спиртом... Случайно чиркнуть спичкой, а лучше бросить гранату в окно - и все потому, что мы или я или они или все не согласны с постулатом, что свиньи не способны жить по-человечески. Причина? Вам все подавай причинно-следственную связь, а если ее нет, этой причины, если логика событий подсказывает совсем другой план, если мы додумались - да-да, мы еще думаем, кумекаем, размышляем, приходим к каким-то выводам - и, как правило, результатом будет опровержение. Сколько-сколько? Не подсчитывайте убытки, где вы их найдете, эти убытки, вы нарушаете всякие экономические законы и - о, простите, дедушка Кейнс! <Как вы меня обозвали?' - 'Идиот, да нет же, не дурак, чтобы им прослыть, надо что-то сделать, а вы все больше...>

Так вот, этот сильно умный или свихнувшийся, что, впрочем, одно и то же, как-то говорил: 'Не чудите, чем больше вы хотите, тем меньше получите', а значит, нужно ничего не хотеть, ибо желание иметь чуть-чуть приводит... Нет, вы опять сбили себя с толку, ведь ради чего: Ну, наконец-то, вам повезло - приз без вручения, награда, которая не нашла, а просто утопила, пробила висок, отбила печень, покалечила и спутала стропы на высоте трех тысяч метров, мало? Вы с ума сошли, там ваши мысли никому: Слышите? Оглохли кричать, это пройдет, да успокойтесь же вы, я уже. Да нет же, живых в плен не берут, их варят, тушат, жарят, маринуют, ну, в общем, вы поняли, о чем идет речь - берегите желудки, а то вы блюете прямо на прохожих, я уже не говорю об окружающей среде, слишком много отходов. Вы маленькие? Может, не будем, успокоимся, все ж не грозит замок Иф, все эти сказки для миллионеров и призраков, а вы, бездари, глупыши, несформировавшиеся юнцы и безмозглые девчонки, от вас пахнет потом, дешевыми сигаретами, перегаром и еще Бог знает чем. Гигиена, не забывайте об этом!

Возврат на главную страницу